

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

Ю л і я.

П о в ѣ с т ь.

Гензерикъ, Король Вандаловъ видя, что Римляне занимались войною въ опдаленной странѣ, и что полководецъ ихъ, Асій, находится въ землѣ Галловъ, воспользовался благоприятнымъ случаемъ — напастъ на Кареагентъ, пребывавшій тогда въ совершенномъ покойствіи; взявши сей городъ 19 Октября 439 года по Р. X., велѣлъ грабить его, и мучить жителей, чтобы принудить ихъ открытъ мѣсто, куда успѣли они скрытъ большую часть своихъ сокровищъ. Сей варваръ до такой степени былъ ожесточенъ, что разорялъ церкви, выгонялъ изъ нихъ священниковъ, похищалъ со-

суды, и наконецъ назначилъ храмы Божіи мѣспомъ пребыванія своихъ воиновъ. Кашолики были главнымъ предметомъ его гоненія; ибо, бывши самъ Аріанскаго исповѣданія, онъ хотѣлъ распроспранить оное во всей Африкѣ; пиранилъ многихъ Епископовъ, и за Христіанское шертвѣніе нѣкошорые изъ нихъ получили блестящія вѣнцы мучениковъ. Женщины и дѣвицы, знатнаго происхожденія, распроданы купцамъ, и спали ихъ невольницами.

Въ числѣ несчастныхъ плѣнницъ находилась одна молодая дѣвица, изъ лучшихъ Карфагенскихъ фамилій, по имени Юлія, опличавшаяся своею привлекательной красою, скромностію и ангельскимъ шертвѣніемъ, съ кошорымъ она переносила свое ужасное состояніе. Сія добродѣпельная дѣвица доспалась купцу, Юзеву, кошорый былъ идолопоклонникъ, и опвезена имъ въ Сирію, мѣспо его жительства. Юлія, воспитанная въ правилахъ Христіанской вѣры, съ шочностію исполняла ихъ своею чистотою и невинностію, а особливо швердымъ упованіемъ на милосердіе Всемогущаго. Сія рѣдкія качества придавали ей болѣе духу переносить уничиженіе погдашняго своего состоянія. Всегдашняя молишва ея была — просить Бога: да сохранишь Онъ ее на пуши добродѣтели въ спранѣ, наполненной идолопоклонниками!

Юлія старалась какъ можно лучше угождать своему господину; ея крошость, смиреніе и поспѣшность въ исполненіи грубыхъ работъ, къ кошорымъ она вовсе не привыкла, заспавляли всякаго удивляться и брашь участіе въ ея судьбѣ. „Вѣрно Богу было угодно допустить меня до рабства въ сей ужасной спранѣ!“ го-

ворила Юлія : «мнѣ должно шерпѣливо сносишь всѣ удары злаго рока!»

Хотя Юзевъ былъ язычникъ , но въ послѣдствіе времени умѣлъ оцѣнить доброту сердца своей молодой невольницы , и полюбилъ ее какъ дочь , — позволялъ ей свободно исполнить обряды Христіянскаго закона , возымѣлъ къ ней большое уваженіе , видя что она усовершенствована во всѣхъ добродѣтеляхъ ; старался оказать ей во всемъ снисхожденіе : но она никакъ не хотѣла пользоваться онымъ , будучи твердо увѣрена , что рано , или поздно шерпѣніе и неприщворная кротость получатъ достойную награду . — Находясь безпрестанно въ трудахъ , Юлія минушы опдыха употребляла съ пользою — работала на продажу , и вырученныя деньги раздѣляла сиропамъ , не имѣвшимъ дневнаго пропитанія . — Хозяинъ , видя что такая жизнь мало помалу ослабляла силы , совѣщевалъ Юлію оставишь прочія занятія , и увѣщевалъ успокоишь на нѣкоторое время ; но все было тщетно ! — Вскорѣ Юлія ужасно похудѣла ; лице покрылось смершной блѣдностью , и при всѣхъ сихъ признакахъ приближающагося конца , въ глазахъ ея видно было прогашельное спокойствіе . Она нимало не огорчалась , живучи въ неволѣ , но болѣе радовалась , что имѣеть случай еще болѣе укрѣпиться въ законѣ среди людей , коихъ разговоры и примѣръ легко могли бы соврапишь ее съ пуши благочестія .

Юзевъ производилъ значительную торговлю лучшими воспочными шоварами , копорые онъ обыкновенно опсылалъ въ Галлію . Проживши нѣсколько лѣтъ въ Сиріи , онъ принужденъ былъ самъ опправиться въ Провансъ , вмѣстѣ съ своею невольницей . Пріѣхавши въ Корсику , велѣлъ бро-

силь якорь, и вышелъ съ своими людьми на берегъ, гдѣ жителями праздновали этотъ день въ честь одного изъ своихъ боговъ. Юзевъ и свита его охотно присоединились къ язычникамъ и участвовали во всѣхъ увеселеніяхъ. Одна Юлія оставалась на кораблѣ, и въ пишинѣ оплакивала заблужденія несчастныхъ идолопоклонниковъ, пипая къ нимъ и жалость, и презрѣніе. Такой поступокъ былъ принятъ за оскорбленіе всему обществу; поспѣшь пересказано начальнику острова, что прибывшій недавно купецъ привезъ съ собою невольницу, копорая явно ненавидитъ наше богослуженіе.

Феликсъ (имя начальника) позвалъ къ себѣ Юзева, спрашивалъ: „По какой причинѣ не всѣ прѣхавшіе съ нимъ раздѣляютъ настоящее торжество? До меня дошли слухи,“ прибавилъ онъ „что между ними находится невольница, копорая даже ругается нашему исповѣданію.“ Точно — отвѣчалъ Юзевъ — у меня на кораблѣ есть молодая Христіянка, копорая не смотря ни на мои угрозы, ни на просьбы, осталась непоколебимою въ своихъ правилахъ; но какъ вѣрностію своей она необходимо нужна для моего дома, то я не хотѣлъ огорчать ее пребываніемъ перемѣны закона. — Феликсъ, будучи ревностнымъ защитникомъ идолопоклонства, гордо возразилъ: „Или заспавъ ее участвовашъ въ нашемъ празднествѣ, или предай въ наши руки, и получишь значительную сумму денегъ!“ Нѣтъ! — отвѣчалъ добросердый купецъ — ни за всѣ ваши сокровища не соглашусь расстаться съ этой рѣдкой дѣвушкою. —

Раздраженный начальникъ, не получивъ отъ Юзева никакого удовлетворенія, рѣшился прибѣгнуть къ слѣдующей хитрости, чтобы погу-

бишь несчастную Юлію : пригласилъ Юзева на пирь , состоявшій изъ лучшихъ яствъ и рѣдкихъ напитковъ . За споломъ всѣ присутствующіе занялись жаркимъ разговоромъ , и никто не думалъ о предуготовленной жерпвѣ сего праздника , молодой невольницѣ . Но когда пары крѣпкихъ винъ совершенно зашмили умы пирующихъ , въ числѣ копорыхъ былъ и Юзевъ , по Феликсъ немедленно послалъ за Юлією . „Повелѣваю тебѣ“ сказала онъ ей „поклоняться нашимъ богамъ , если хочешь получить свободу ; въ прошивномъ случаѣ — эшафопъ будетъ тебѣ наградою.“

Человѣкъ , признающій истиннаго Бога , всегда освободенъ — хладнокровно отвѣчала Юлія — напрасно принуждаешь меня слѣдовать вашему заблужденію ; я не только не уважаю , но даже имѣю отвращеніе къ вашимъ ложнымъ божествамъ , и вамъ бы совѣшвала лучше освѣшпить себя лучами Христіанской религіи , признавъ истиннаго Бога ! —

Ожесточенный Феликсъ приказываетъ мучить ее . Юлія умоляла злодѣя окончить поскорѣе жизнь ея — сей тернистый путь , на которомъ она не встрѣчала еще никакихъ удовольствій . Все было тщетно ! Повелитель , желая болѣе удовлетворить своей ярости , приказалъ удвоить число ударовъ . Добродѣтельная Юлія имѣла духъ и твердость перенести всѣ испязанія ; со слезами молила Всевышняго объ ушѣшеніи огорченныхъ родителей , вспоминала волюкодушнаго Юзева , а болѣе всего жалѣла о пѣхъ несчастныхъ сиротахъ , для пропитанія которыхъ она шрудилась всегда , и которыхъ такъ любила , что послѣднія минуты бѣдшвенной жизни своей желала бы посвящать ихъ благополучію .

Ея непоколебимось въ вѣрѣ довела Феликса до ужаснаго бѣшенства; боясь, чшобы Юзевъ не помѣшалъ ему содѣлать Юлію жертвою своего изсшупленія, онъ немедленно приказалъ ее распять.

Таковъ - по былъ конецъ добродѣтельной Юліи, жившей единственно для облегченія участи своихъ ближнихъ!

Вы, несчастныя сироты, лишившіяся въ ней второй матери, не преставайше молишь Всевышняго о водвореніи души ея въ мѣста вѣчнаго блаженства, и орошайше слезами благодарности хладную могилу вашей благодѣтельницы!

Съ Франц. Татьяна Веревкина.

19 Ноября, 1831 года.

Москва.

С о н ъ (*).

Tout songe est mensonge;
Mais — on songe.

Съ 11 на 12 Сентября 1831 года, раскуря послѣднюю трубку, въ десять часовъ вечера перешель я въ обьяшія *Морфея* не только безъ всѣхъ запѣйливыхъ мыслей, но даже и безъ мысли о завшрешнемъ ушрѣ. »Судьба,« сказалъ Державинъ »не даешь крѣпосши на завшра;« ибо, пишеть *Пейсханъ*: день завшрешній подѣ щипомъ одного Провидѣнія.

(*) Эшотъ сонъ чшанъ Издателю на другой же день въ вещественной формѣ, а здѣсь предлагаешся въ разсказѣ.

Хотя и существуетъ Французская поговорка: *sans préface*, безъ предисловія; или по смыслу Руской рѣчи: безъ окошечка; но какъ не бейся, а все собьешься на поприще *предисловія*. Впрочемъ Платонъ Аѳинскій, ученикъ Аристотеля, наставникъ Александра Македонскаго, завоевателя Персіи, — Платонъ совѣщывалъ „во всѣхъ общественныхъ извѣстіяхъ огавариваться: для чего что предпринимается.“ Онъ не требовалъ шакаго условія для свидѣній, однако же учитель его, *перипатетикъ*, по естъ учащій прогуливаясь, сказалъ: *Надежда есть сонъ челоѳка не спящаго*. А спустя нѣсколько вѣковъ, Блезъ Паскаль, силою собственной мысли дошедшій, кажешся, до придцашаго предложенія Эвклидовыхъ геометрическихъ задачъ, и именно опъ того, что вопреки опцу своему не хопѣлъ бытъ *юристомъ*, или правовѣдцемъ, или законовѣдцемъ, — Паскаль на опрѣзъ сказалъ: *Тогда ли мы живемъ, когда не спимъ; или тогда, когда спимъ?* — О жизнь! о сонъ! о слава! что вы шакое? Мечша жизни, по изреченію Пиндара. Мечша жизни, повпорилъ Карамзинъ въ Аглаѣ! Мечша жизни, повпорю и я, съ *прибавленіемъ*: и *мечша сна*.

И шакъ я уснулъ и уснулъ безъ предисловія. Часа въ при ушра, въ часъ призраковъ, вижу, что подходишь ко мнѣ офицеръ въ мундирѣ десятихъ годовъ. „Вы очень любили Суворова и очень много объ немъ писали! не хопите ли полешать съ нимъ по воздуху?“ Очень радъ — опвѣчалъ я — только не надолго. У бѣднаго опца семейства и на землѣ много хлопотъ и заботъ. — „Ничего, ничего!“ возразилъ

офицеръ. Тутъ бросилъ онъ въ огонь какой-то порошокъ. Заблестало разноцвѣтное пламя, изъ котораго поспешенно выходилъ призракъ Римникскаго Героя, только безъ множества пѣхъ знаковъ, которыми рѣзецъ покойнаго Флорова унизилъ огромный его поршрешъ. Призракъ выяснился весь. Мы взяли за руки и взвились на воздухъ. „Можно ли,“ спросилъ я пофранцузски у воздушнаго моего спутника „можно ли сынамъ земли опираться въ надеждахъ своихъ на рамена человѣческія?“ и занесъ руку на плечо его. Призракъ спалъ зыблился и силою Невпоновскаго пягопѣнія сближашся съ землей. Я снова схватилъ Героя за руку и снова понеслись мы въ область Сильфовъ. Вижу рядъ женщинъ, одѣтыхъ по послѣдней модѣ Московской, а не Парижской: ибо въ промежуткахъ новостей журнальныхъ, тамъ сошны моды опживающы. Говорю моему спутнику (и все пофранцузски: ибо привычку одолѣть трудно; но эта еще не бѣдовая привычка), говорю: „Разскажете что-нибудь эѣмъ дамамъ о подвигахъ своихъ.“ Угрюмый призракъ молчалъ. Обращаясь къ дамамъ, я прибавляю: „Видите ли, милоспывыя государыни! какъ иногда неуклюжи пѣ люди, которыхъ мы величаемъ именемъ героевъ?“ Нечего и прибавлять, что говоря съ дамами, я говорилъ пофранцузски. Дамы исчезли, и мы взвились выше въ спрану горнюю. Бросая взглядъ на грудь героя, спрашиваю: „Гдѣ же всѣ пѣ блестящія знаки почестей, которые сіяли на груди вашей.“ Съ мрачнымъ, могильнымъ видомъ призракъ указалъ на прахъ земной.

Читаю изъ оды на щастье Ж. - Б. Руссо, слѣдующую спрфу:

„Неустрасимые ! явите
 Блескъ полный доблестей своихъ ;
 Сердце отвагу покажите
 Среди бурь , среди напастей злыхъ .
 Когда цвѣтете вы судьбою , —
 Дивите цѣлый миръ собою ,
 Главой несешесь до небесъ ;
 Но только въ силѣ пошашнешесь , —
 Опъ буйной гордости проснешесь ! . . .
 И нѣтъ мечты ! . . . Герой исчезъ.“

Нечего и замѣчать , что стихи были прочтены на Французскомъ языкѣ . Но только замѣчу , что я не согласенъ съ послѣднимъ стихомъ приведенной строфы . Жан - Башистъ Руссо говоритъ :

„Le masque tombe , l'homme reste et le héros s'évanouit .

„Личина спадаеть , человекъ остается , герой исчезаеть.“

О нѣтъ ! нѣтъ ! великъ пошъ человекъ , который вышедъ изъ мечпаній героислва , оспаеться *человкомъ* ; и несравненно болѣе того Македонскаго завоевателя , который вписавъ себя въ мѣсяцесловъ боговъ , вычернилъ имя свое изъ книги человечества .

Жалѣю , что я не живописецъ . Кисть моя изобразила бы дивный , пуманный видъ Героя , который сошедъ съ грозныхъ вершинъ Альпійскихъ и помясь въ *Кобринѣ* на одрѣ болѣзни , произнесъ сіи слова , или лучше сказать сей гробовой приговоръ славы человеческой : „Семдесятъ лѣтъ гоняся я за мечтою славы . Гдѣ она ? Покой души у престола Всемогущаго.“ И пошъ же самый Герой писалъ изъ Финляндіи

въ 1790 году къ племяннику своему, Князю А. И. Горчакову: *Я въ непрестанной мечтѣ.* А далеко ли отъ девяностаго года до 1799? Лешащъ годы; лешащъ сполѣшія; одно добро не умираешъ. Говоря о Суворовѣ, кончимъ поговоркой Суворовской: *Торопитесь дѣлать добро.*

Мечтатель.

12 Сентября 1830 года.

Москва.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

М И Н В А Н А.

Оссіанова пѣснь.

(П О Д Р А Ж А Н І Е Ш Е Н Ъ Е .)

Тамъ, безъ Рино, унылая Минвана
 Поникшею главою, склонясь печально
 Морвены на скалу, глядѣла съ грустью
 На Океанъ и волнь его движенье.
 И къ ней вдали воители несущся;
 Она ихъ зришь и съ шрепешомъ взываетъ:
 „Рино! уже-ль ко мнѣ ты возвратился?
 Уже-ль опять ты мой? — Рино! скорѣ!
 Скорѣй отри мнѣ слезы! . . .“ Такъ взываетъ.
 Но воиновъ главы къ землѣ поникли.
 Рино — ей былъ отвѣтъ — ужъ нѣтъ на свѣтъ;
 Воишель палъ на полѣ, окруженный
 Разбитыхъ имъ враговъ толпой неравной;
 Рино теперъ летаетъ съ облаками (*);

(*) Мѣтологія древнихъ Скандинавовъ извѣстна.

И часно изъ лѣсовъ и горъ пространныхъ
 На брегъ ручья слетѣвшися, Зефиры,
 И томныхъ волнъ его внимая шуму,
 Съ уныніемъ и тихою шоскою,
 Мнятъ слышать пѣснь Рино. . . . —

М и н с а н а.

И такъ безстрашный
 Фингала сынъ палъ ранами покрытый!
 Могучая рука его низвергла —
 И я одна! . . . Жить стану-ль для спраданій?
 Вы, яростно вздымающіе море
 И скаль верхи колеблющіе, вѣтры!
 Могильное буръ горныхъ завыванье!
 Его искать въ порывахъ вашихъ стану. . . .
 Рино! въ лѣсахъ когда ты за добычей
 Гнался, тебѣ охотники дивились?
 Но, ахъ! тебя покрылъ мракъ вѣчной ночи! . . .
 Съ тобой одно молчанье обитаетъ! . . .
 Кому-жь шеперь швой мечъ молніеносный?
 Твой лукъ, врагамъ погибель наносившій;
 Твой вѣрный щипъ, для копій недоступный;
 Стрѣла, всегда дымившаяся кровью? . . .
 Забвенія печальная добыча,
 Лежатъ въ пыли забытые доспѣхи.
 И вотъ! — взойдетъ прекрасная Аврора
 И озаря тебѣ, быть можешь, скажешь
 Съ улыбкою: „Проснись, охотникъ юный!
 Чу! слышишь ли псовъ легкихъ завыванье?
 Олень вблизи! . . .“ Но ты на зовъ не вспанешь!
 Прекрасная! онъ спишь и намъ не внемлешь. . . .
 И робкія безъ страха ходяшь сѣрны,
 И смѣло прыгаютъ въ лугахъ олени,
 За кѣими гнался Рино недавно!
 Но щещно смерть швой смежила вѣки,
 О мой герой! . . . иду впередъ безъ страха,

И скоро я къ тебѣ приду на ложе,
 Гдѣ ты одинъ съ безмолвнымъ мракомъ ночи.
 Вы, нѣжныя моея весны подруги!
 Не ищите-ль меня? . . . Ахъ! все напрасно!
 Мнѣ кажешся, я вижу васъ, полною
 Бѣгущихъ мнѣ во слѣдъ, съ веселымъ пѣньемъ.
 Вы пѣснями плѣнили слогъ Минваны
 И сердца грусть въ разлукъ облегчали!
 Не пойте же теперь: Рино не здѣсь ужь —
 И та, кого любилъ, съ нимъ будетъ скоро! . . .

Софья Янцень.

1830 года Декабря 17.

Р о м а н с ъ.

Въ пашъ вѣкъ обманъ куда полезенъ
 Для всѣхъ Адамовыхъ дѣшей!
 А мнѣ шакъ даже онъ любезенъ —
Лишь обмануть меня умѣй!

*

Купецъ ли можешь не обмѣрить,
 Червонцевъ не обстричь Еврей?
 Но я и имъ готовъ повѣришь —
Лишь обмануть меня умѣй!

*

Есть судьи плуты — въ томъ нѣтъ спора;
 И честность — даръ не всѣхъ судей;
 Я-жь честнымъ назову и вора —
Лишь обмануть меня умѣй!

*

Хоть нынѣ другъ и рѣже клада;
 Но, какъ Орестъ новѣйшихъ дней,
 Приму любаго за Пиллада —
Лишь обмануть меня умѣй!

*

Лукрецій нѣтъ хотя въ поминѣ;
 Но я, по слабости своей,
 Готовъ сказать, что есть и нынѣ —
Лишь обмануть меня умѣй!

И. Г. р. нѣ.

26 Ноября 1831.

С. Дубровки.

Ш а р а д а.

Мой *первый* слогъ — въ чеспи у дамъ:
Второй — для пастуховъ былъ божествомъ любимымъ;
 А я-бъ почелъ себя щасливимъ,
 Когда бы *цѣлое* поднести могъ первой вамъ!

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письмо къ пріятелю въ Москву.

Въ письмѣ швоемъ, полученномъ мною на пути къ Тифлису, я прочелъ укоризну: за чѣмъ я похвалъ въ Тифлисъ и что буду дѣлать среди горъ и грубыхъ не образованныхъ жишелей? На дорогѣ я былъ согласенъ съ побою, но по пріѣздѣ въ Тифлисъ мнѣніе мое перемѣнилось. Проживъ молодья цвѣтущія лѣта въ шумной Москвѣ среди удовольствій, и я почиталъ Тиф-

лись по отдаленности и дикости страны скучнымъ городомъ; но шеперь вижу, какъ я обманывался, основываясь на однихъ только слухахъ, и скажу тебѣ, что и въ отдаленномъ полурусскомъ городѣ, среди горъ и голыхъ скалъ, я нашелъ болѣе людей воспитанныхъ и образованныхъ, нежели сколько можно найсти въ какомъ нибудь Губернскомъ городѣ нашей Россіи. Каждый день съ пріѣзда моего въ Тифлисъ я встрѣчалъ и встрѣчаю поварищей и по Москвѣ, и по ученію; а ты знаешь, какъ пріятны споль неожиданныя встрѣчи и плоды ихъ: воспоминаніе и бесѣды о бываломъ. Ты, можешь быть, скажешь: Здѣсь нѣтъ общества, нѣтъ веселія, нѣтъ работы ногамъ; но и въ этомъ ошибешься. Въ доказательство чего опишу тебѣ дѣтскій праздникъ, данный 24 го Сентября однимъ изъ дѣтскихъ Генераловъ, Княземъ * * * *, въ день рожденія малолѣтнаго сына своего. На сей праздникъ въ числѣ другихъ имѣлъ честь быть приглашеннымъ и я. Вечеръ начался представленіемъ давно извѣстной комедіи: *Ссора или два сосѣда*, К. Ш. Не буду описывать тебѣ дѣйствующихъ лицъ — они не Актеры, но скажу только, что всѣ роли сыграны весьма удачно; особенно роль невѣсты, *Олинки*, игранная дочерью Князя * * * *; ея пламенный разговоръ съ дядею, съ женихомъ; ея непринужденная боязнь, слезы, просьбы къ отцу устройтъ ея шадшіе, всѣхъ восхищали и заслужили громкое рукоплесканіе. За сею комедіею послѣдовала иншерамедія-водевиль (соч. К * * *, племянника Генерала Князя * * * *). Сюжетъ сего водевиля есть національное происшествіе на Кавказѣ: малолѣтная дочь богатаго мѣщанина похищена въ полѣ Че-

ченцами. Отецъ въ опчаяніи; но сія печаль замѣняется радостію: дочь спасена изъ рукъ хищниковъ роднымъ брапомъ своимъ. — Роль дочери играла та же Княжна и весьма хорошо выдержала характеръ простой крестьянской дѣвушки; куплеты сего водевиля, на голосъ: *Соловей, мой соловей!* пѣла пріятно и восхищительно. Въ заключеніи данъ разнохарактерный диверсисманъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ пріятно видѣшь Грузинокъ въ длинномъ но красивомъ платьѣ, танцующихъ Французскую кадрили! Кадриль была составлена изъ Турецкихъ, Грузинскихъ и Рускихъ костюмовъ. Но я не знаю, что милѣе: Французская кадриль, или Лезгинскій панець, которыми подарили насъ юныя осьми-лѣтнія: Княжна****, Графиня*** и Князь****. — Диверсисманъ окончился Рускою пляскою, сопровождавшеюся хоромъ Рускихъ пѣсенниковъ. Послѣ спектакля начались танцы; а давно сошедшіе съ поприща веселій рѣзвой молодости ушлись чинно за ломберные столики. Насшупившій 4й часъ лишилъ насъ удовольствія продолжать танцы. Мы должны были распашься съ почтенными хозяиномъ и хозяйкою дома, искренно поблагодаривъ за доставленное намъ удовольствіе въ день рожденія милаго ихъ сына.

Вошь шебъ и мое доказательство, что въ Тифлисѣ живутъ весело: гдѣ Рускіе — шамъ не можешъ быть скучно. Прощай!

Василій Поляковъ.

29 го Сентября 1831.

Г. Тифлисѣ.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Мы видѣли головные уборы, украшенные булавками, съ коралловыми головками; двойная золотая цѣпочка, извивавшаяся на лбу, была перехвачена отъ мѣста до мѣста коралловыми же аграфами.

— Гирланда изъ золошыхъ колосьевъ à la Ceresъ проходитъ по самому лбу, и соединяется подъ шиньономъ. Букетъ бѣлыхъ перьевъ посреди шиньона служитъ немалымъ украшеніемъ сей Греческой прически.

— Нынѣ много носятъ газовыхъ затканыхъ золошомъ (broché en or) шюрбановъ съ пальмами, или бриллианшовыми перышками. Мы видѣли прелестный пунцовый шюрбанъ, вышитый золошомъ; онъ былъ схваченъ на самой срединѣ кронки и украшенъ на эшомъ мѣстѣ бриллианшовымъ перышкомъ, идущимъ перпендикулярно къверху; нитка бриллианшовъ блестяща на лбу; при эшомъ щегольскомъ головномъ уборѣ гладкое бѣлое платье изъ шерстянаго газа, съ короткими рукавами, и пунцовый газовый эшарпъ придають ему необыкновенную прелестъ.

Изъясненіе картинки при семь No.

Прическа Этрурская (à l'Étrusque) парикмахера Круоза, убранная перьями и колосьями. Платье изъ крепа, называемаго Эсмемальда (по имени *Цыганки*, описанной Викторомъ Гюго въ Notre-Dame de Paris).

Печатать дозволяется,

съ шѣмъ чтобы, по ошпечаваніи, были представлены въ Цевсурный Комашестъ три экземплара. Москва. Декабря 23го дня, 1831 г.

Ценсоръ Сергѣй Аксаковъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

Сърая лошадка.

ПОВѢСТЬ.

Въ Шампаніи жилъ некогда храбрый рыцарь, именемъ Годфрей, богатый шѣлесными и умшвенными способностями, но бѣдный въ опношеніи къ имуществу; и какъ онъ доставлялъ себѣ приличное существованіе необыкновенными подвигами своей храбрости: по все его имѣніе состояло въ небольшомъ помѣстьѣ, приносившемъ годоваго дохода около двухъ сотъ ливровъ. Участь рыцаря была шѣмъ болѣе достойна сожалѣнія, что съ мужествомъ онъ соединялъ еще характеръ строгой справедливости и честности. Когда онъ являлся на рыспалице, по не шрапилъ своего времени въ пушыхъ комплименшахъ, или ласкашельсвахъ

дамамъ; но безъ всякаго чванства бросался въ самую многочисленную полпу рыцарей и не прежде оставлялъ мѣсто, пока не вышибалъ изъ сѣдла, или какимъ-либо инымъ образомъ не покорялъ своихъ противниковъ. Сии добрыя качества и рѣдкія совершенства содѣлали имя его славнымъ и пріобрѣли ему всеобщее уваженіе.

Въ сосѣдствѣ Годфрея жилъ очень богатый помѣщикъ. Онъ былъ вдовъ, и онъ супружества своего имѣлъ прекраснѣйшую дочь, именемъ Нину. Замокъ его, равно какъ и нашего рыцаря, находился въ лѣсахъ (ибо Шампанія въ то время изобиловала лѣсами) и они жили другъ ошъ друга въ разстояніи одной мили съ небольшимъ. — Но замокъ спараго помѣщика, построенный на весьма крупомъ косогорѣ, былъ защищаемъ глубокимъ рвомъ и непроницаемымъ перновымъ штыномъ, такъ что доступъ къ оному не иначе можно было имѣть, какъ чрезъ подъемный мостъ. Таково-шо было уединеніе сего вешерана! Онъ жилъ шамъ спокойно съ своею дочерью, заботясь о своихъ помѣстьяхъ, которыя приносили ему годоваго доходу по крайней мѣрѣ пысячу ливровъ.

Молодая дѣвица, наследница значительнаго имѣнія и одоренная рѣдкою красошою, не могла не имѣть многочисленной свиты обожателей. Въ эшомъ числѣ былъ и Годфрей. Ревнуя показашъ свои услуги милой, прекрасной и любезной дѣвицѣ, онъ всѣми мѣрами спарался понравиться ей; въ чемъ вскорѣ и успѣлъ постоянствомъ своей привязаности и нѣкоторыми блистательными подвигами неуспрашимости. Но когда отецъ Нины примѣпилъ, что посѣщенія рыцаря спановишся спшкомъ

часны, по запрешилъ дочери говорить съ нимъ, и принималъ его съ холодностію.

Такимъ образомъ всякое сообщеніе между двумя влюбленными было прервано. Отецъ Нины, по старости лѣтъ своихъ, уже не выѣзжалъ изъ дому; сверхъ того старикъ научился изъ опыта бытъ недоувѣрчивымъ и оспорожнымъ.

Однажды Годфрей бродилъ около замка, и примѣшилъ въ стѣнахъ его заколоченную калитку, сквозь копорую можно было переговариваться съ Ниною. Онъ нашель способъ увѣдомить ее о помѣ, и она рѣшилась воспользоваться стѣмъ. Сначала это было нѣкопорымъ облегченіемъ въ жестокой разлукѣ влюбленныхъ, и они нѣсколько времени наслаждались симъ удовольствіемъ. Но разговаривать, не видя другъ друга, любить, не имѣя надежды, и всегда опасаться вѣчной разлуки — эша мысль для Годфрея казалась несною: онъ рѣшается извлечь себя изъ сего пруднаго положенія опважнымъ предпріятіемъ, и пошелъ въ замокъ къ опцу Нины.

„Милоспивый государь!“ сказалъ онъ: „удостойте выслушать меня на минупу. Я люблю вашу дочь; мое щаспіе совершенно зависить опъ нея, и я беру смѣлость просить опъ васъ руки ея. Вы знаете мое имя и происхождение, и попому льщу себя надеждою, что имѣю право на ваше уваженіе и что я не совсѣмъ не достоинъ Нины.“

Я не удивляюсь — опвѣчалъ спарый дворянинъ — что вы, или кто-либо другой любите дочь мою. Она молода, хороша, умна, и припомъ знапной фамиліи; единспвенная моя наслѣдница, и по смерти моей получишь право на значительное имѣніе. При ея достоинствахъ, я думаю, не спыдно никому жениться на ней.

Многіе дворяне относились ко мнѣ по этому предмету; но я не шороплюсь, буду ждаться приличной паршии, а всего болѣе уклоняюсь оупь рыцарей, которыя, подобно соколамъ, ничего не имѣють кромѣ. . . . добычи. —

Годфрей пакъ былъ вспревоженъ сими словами, что ничего не могъ ошвѣчать, но пошелъ въ лѣсъ облегчить свои чувствованія близъ калишки. Нина пришла пуда же — и полько для того, чтобы соединить свою горестъ съ горестію своего любезнаго.

„Проспись со мною въ послѣдній разъ, Нина!“ сказалъ рыцарь: „я оставляю спрану, гдѣ для меня нѣтъ уже никакого щаспія; ибо я не могу обладать побою. Будь проклято богатство, похищающее у меня единственное въ мірѣ сокровище!“

Ахъ! — сказала Нина — все удовольствіе, какое я обѣщала себѣ оупь богатства, состояло въ томъ, чтобы раздѣлить его съ побою; а теперь и я проклиная пагубное богатство! Но не спанемъ еще ошчаяваться, любезный Годфрей! Намъ ошпааетъ еще средство, которое любовь внушаетъ мнѣ. Ты имѣешь дядю почти такихъ же лѣтъ, какъ мой опецъ: если онъ любитъ себя, въ чемъ я и не сомнѣваюсь; то поѣзжай къ нему и ошкрой шайну любви своей. Онъ вѣрно любилъ въ своей молодости и попому сжалился надъ нами. Скажи ему, что онъ можешь быть шворцомъ нашего щаспія; упроси его, чтобы онъ съѣздилъ къ ошцу моему, и уговорилъ его на бракъ мой съ побою; я увѣрена, что по дружбѣ швоего дяди съ ошцомъ моимъ рука моя будетъ ошдана тебѣ. —

„Я лишился-было всякой надежды!“ воскликнулъ Годфрей: „но швой совесть оживляетъ ее.“

И Годфрей немедленно поѣхалъ къ дѣдѣ, котораго просилъ упошребить ходатайство свое объ немъ у опца Нины, не говоря однакожь ни слова о взаимной ея привязанности.

„Выборъ швой достоинъ похвалы,“ сказала дядя „я знаю эту дѣвицу: она подлинно прелестна. Можешь быть спокоенъ; я берусь испросить ее для тебя, и потчасъ же ѣду къ опцу ея.“

Въ самомъ дѣлѣ, онъ тогда же сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ старинному пріятелю (опцу Нины) въ замокъ. Годфрей, восхищенный радостію, отправился въ Галардонъ, гдѣ было возвѣщено рыстаніе, долженствовавшее продолжаться два дня. Влюбленный рыцарь ни о чемъ болѣе не думалъ въ дорогѣ, какъ только о будущемъ щастіи своемъ.

Дядя былъ, какъ и всегда, принявъ опцомъ Нины дружески. Они сѣли за столъ и при заздравномъ кубкѣ начали рассказывать о своихъ военныхъ и любовныхъ подвигахъ въ молодя лѣта. Но когда со стола все было снято и слуги удалились, то Медошскій помѣщикъ сказалъ: „Мой старинный другъ! я холостъ, и начинаю скучать одинокою жизнію; а ты отдавши свою дочь за-мужъ, безъ нея подвергнешся также скукѣ уединенія. Выслушай-ка предложеніе мое: выдай-ка за меня Нину; я укрѣплю ей все свое имѣніе, и переѣду сюда, чпобъ провести вмѣстѣ остатокъ дней нашихъ.“

Предложеніе понравилось опцу Нины. Обнявши будущаго своего зятя - спарика, онъ велѣлъ позвать дочь и объявилъ ей о согласіи, которое воспослѣдовало между ними.

Не лзя описать того ужаса, какимъ была поражена молодая дѣвица. Она возвратилась въ свою

комнату только для того, чтобы залишься слезами, чтобы пышщекратно проклинаясь въроломство дяди и призываясь на помощь несчастнаго своего Годфрея, кошорый между шѣмъ всячески спарался содѣлаться досшойнымъ Нины своими знаменитыми подвигами въ Галардонѣ, и никакъ не воображалъ, чшобъ дядя его могъ споль подло измѣнить ему и опнять у него вдругъ и любезную, и богатство. Вечеромъ Нина побѣжала къ калишкѣ, ибо не знала, что Годфрей опсправился на рыспалище, и не дождавшись его, заключила, что онъ ее оставилъ навсегда.

Брачное торжество было назначено опцемъ ея послѣ завтра, и зяпъ шребовалъ, чшобъ оно совершилось въ его Медопскомъ замкѣ, куда они и рѣшили опсправиться на другой же день; а между шѣмъ отецъ и зяпъ послали просить на свадьбу сосѣдей. На слѣдующій день прибыло, одинъ за другимъ, множество дряхлыхъ спариковъ. Можно-бъ было подумать, что они съхались просишсь другъ съ другомъ, опсправляясь на пошъ свѣтъ.

День прошелъ въ приготошвленіи нарядовъ и украшеній для несчастной невѣсты. Она умирала съ печали, но была принуждена шайшь ее и казаться веселою. Отецъ приходилъ смопрѣшь, какво идетъ работа. Въ одно изъ сихъ посѣщеній кшо - шо спросилъ у него, думаешь ли онъ о заготовленіи досшашочнаго числа лошадей для всѣхъ шѣхъ, кошорые должны были опсправиться въ Медопъ кавалькадою, по обычаю того времени. „Они имѣюшь“ сказалъ онъ „своихъ лошадей, на кошорыхъ прѣехали; можно также взять и изъ моихъ конюшенъ; но на всякой случай пошлю къ ближайшимъ сосѣдямъ просить лошадей.“

И одинъ изъ служившей былъ немедленно отправленъ съ сею комиссіей. Онъ вспомнилъ на дорогѣ, что у Годфрея есть прекрасная сѣрая лошадь, которая почитается одною изъ лучшихъ въ провинціи. Проспаякъ навѣрное полагалъ, что онъ войдетъ въ милость у своей госпожи, если доставитъ ей для церемоніи столь прекрасную лошадь; и пошелъ къ рыцарю.

Годфрей, получивши призы на рысалищѣ, поѣхалъ къ дядѣ, чтобы узнать объ успѣхѣ своей просьбы; но не найдши его дома, полагалъ, что шарикъ задерживается какимъ-нибудь затрудненіемъ со стороны Нинина опца; почему и возвратился домой столь спокойнымъ въ мысляхъ и столь упоеннымъ надеждою на обѣщаніе своего ходатая, что велѣлъ поспѣшь привести къ себѣ музыкантовъ для развлеченія своей неперѣливоеши. Онъ былъ увѣренъ, что дядя самъ пріѣдетъ возвѣстивъ ему о его щастиіи — и въ семъ сладостномъ ожиданіи глаза его безпрестанно обращались къ ворошамъ.

Наконецъ онъ видитъ, что кто-то входитъ. Это былъ слуга, который, кланяясь рыцарю, просилъ именемъ своего господина о прекрасной сѣрой лошади на завтрашній день.

«О! съ величайшимъ удовольствіемъ!» отвѣчала Годфрей: «и на нѣсколько дней, если угодно моему господину. Но какая случилась надобность въ этой лошади?»

— Чтобы ѣхалъ на ней барыни въ Медошъ, милосливый государь! —

«Барыни ѣхаютъ въ Медошъ? . . . а что она хочетъ дѣлать въ Медошъ?»

— Вѣнчаться. Не уже ли вы не знаете, что вашъ дядюшка просилъ руки ея у моего госпо-

дина, и что они должны вѣнчаться завтра поутру? —

При сихъ словахъ рыцарь окаменѣлъ отъ изумленія. Сначала онъ не могъ повѣрить споль подлой измѣнѣ, и заславилъ слугу еще разъ повторить сказанное имъ; безмолвно ходилъ взадъ и впередъ, съ пошупленными глазами и въ величайшемъ бѣшенствѣ; наконецъ оспановился, позвалъ своего оруженосца, приказалъ ему оспадлашь своего лошадь и оспадлашь слугѣ.

„Она сядетъ на мою лошадь,“ сказалъ онъ самъ въ себѣ „и сядясь, по крайней мѣрѣ, вспомнишь обо мнѣ еще разъ. Буду щасливъ и шѣмъ, что доставляю измѣнницѣ удовольствіе! . . . Но нѣтъ! я виню ее напрасно. Она конечно приневолена, и достойна всякаго сожалѣнія: я одинъ обладаю ея сердцемъ; и пока я живъ, мое принадлежитъ ей.“

Рыцарь позвалъ попомъ всѣхъ своихъ людей, раздѣлилъ между ними не большую сумму денегъ, какая у него на шощъ разъ случилась, и сказалъ, что они могутъ оспавить его. Люди, съ чрезвычайнымъ безпокойствомъ, умоляли добраго господина сказашъ имъ, чѣмъ они заслужили его немилость.

„Я совершенно доволенъ всѣми вами,“ отвѣчалъ онъ „и желалъ бы наградишь васъ болѣе; но жизнь мнѣ пеперь въ шягосшъ. Прощайте! идите, куда хопите!“

Бѣдные служители бросились со слезами къ ногамъ его и упрасивали позволишь оспасться съ нимъ хопя для того, чшобъ какъ-нибудь облегчить его положеніе. Онъ не далъ оспѣша, ушелъ и заперся въ своей комнатѣ.

Между шѣмъ въ замкѣ ошца Нины всѣ покояшсь. Одна Нина не могла вкушашъ покоя. Ми-

нуша, долженствовавшая начать ее бѣдствіе, приближалась. Двадцать разъ въ печеніе дня несчастная искала средствъ спасенія бѣгствомъ: никакая опасность не утѣшала ее, еслибъ только была возможность къ вѣрному исполненію отчаяннаго намѣренія; но ей надлежало обмануть слишкомъ много глазъ, и пошому она возложила все упованіе на Бога, не имѣя инаго утѣшенія, кромѣ слезъ.

Въ полночь показался мѣсяць. Часовой, прогулявшій не много на ночь и слѣдовательно заснувшій, пробудился — и вдругъ видитъ большой свѣтъ; думаетъ что уже наступилъ день, и пошому поспѣшилъ ударить въ колоколь. Всѣ шощася начали вспавать, а слуги сѣлашь лошадей. Страя лошадь, какъ самая красивая, была назначена для невѣсты. При взглядѣ на сію лошадь, Нина не могла скрышь ни шоски своей, ни слезъ. На это не было обращено вниманія, ибо горестъ Нины приписывалась сожалѣнію, что оставяеть отцовскій домъ. Когда же надобно было садиться на лошадей, то горестная невѣста рѣшительно отказывалась, такъ что принуждены были посадить ее насильно. Наконецъ пустились въ дорогу. Впереди ѣхали слуги и служанки, за ними дворяне, долженствовавшие находиться при бракосочетаніи, а послѣ нихъ невѣста, которая вовсе не торопясь достигнуть конца путешествія, слѣдовала позади всей кавалькады. Нина была ввѣрена сморѣнію одного рыцаря - старца, челоука благоумнаго и уважаемаго, и долженствовавшаго бышь ее посаженнымъ отцомъ. Онъ заключаль процессію.

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

*Повѣсть странника о странникѣ, или
мысли при гтеніи второй части
Вельтманова Странника.*

Въ предѣлахъ древняго и мудраго Египта
дома почивались временными гостинницами,
а гробницы подлиннымъ жилищемъ челоуѣка.
Мы путешествуемъ, мы *странствуемъ* оупь
колыбели до могилы. Мы переходимъ изо дня
въ день, изъ года въ годъ, и не рѣдко первый
воплъ младенца есть первая вѣспѣ о шомъ,
что новый странникъ ошстранствовалъ!

Гордые, исполинскіе пирамиды были обре-
чены въ гробницы Царямъ Египетскимъ. „Но“
говорить *Боссюэтъ* „какъ бы ни усиливались лю-
ди; ничтожество ихъ промелькиваетъ во всемъ.
Пирамиды были гробницами: и что же? Цари
ихъ соорудили и Цари не власпны были пере-
селишь въ спѣны ихъ праха своего; они не на-
сладились своими гробницами.“

Не насладиться гробницами! — восклицаетъ
Шатобрианъ — какое величественное выраже-
ніе! — И мы повшоримъ: величественное выра-
женіе, сильно разящее гордыню челоуѣчества,
которая и ошживъ земною жизнію, домогается
прояснѣться въ земныхъ памяшникахъ шцеславія.

Не прѣпятъ ли послѣ странствованія зем-
наго ошдыхашъ подъ шѣнью дерева, на копо-
ромъ соловей заводитъ первую весеннюю пѣсню,
и на берегу прозрачнаго ручья, въ кошоромъ
ошражается голубое небо!

Не мое дѣло судить и рядить: но, кажется,
перевоза гробницу Наполеона изъ-за Океана въ

Парижъ , опнимушь у нея чудесную жизнь поэзіи. Безбрежный Океанъ на шарѣ земномъ опмежевывалъ ее опъ шара земнаго и указывая на нее спраннику , какъ будто бы говорилъ : „Тупъ лежишь сильный великанъ вѣка своего ; онъ не видишь волненій , колеблющихъ области земныя ; онъ не слышишь бранныхъ громовъ : я шолько привѣшспвую его ревомъ бурей своихъ.“

Оплагаю мысли мои до слѣдующей книжки. Породнясь съ спранникомъ *Вельтмана*, не захочешь распашься съ нимъ окоро. Сочинишель не измѣняешъ имени своему , зоркою , быспроую мыслию облешѣвъ предѣлы умспвеннаго міра.

L'auteur fait penser — сказалибы Французы. Хорошо и поруски сказашъ : „Онъ заспавляетъ мыслишь и умѣспъ мыслишь.“

Мытатель.

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

А л ь б о м ъ ().*

Для свѣшспкихъ невѣждъ та бѣда , что они многое видяшь и многое слышашъ ; но какъ не имѣюшь никакихъ предварительныхъ понятій ни о чемъ : по все видѣнное и слышанное ими превращается въ головѣ у нихъ въ какую - то пушаницу , изъ которой они ничего яснаго извлечь не могушь. Вошь опъ чего ихъ

(*) Подъ симъ названіемъ будушь помѣщашься *слугайныя* сташьи.

выходки бывають иногда очень забавны и смѣшашь несравненно болѣе, чѣмъ всѣ остро - Вандальскія шушочки *Савельичевъ* — изустныхъ и письменныхъ.

Г-нъ Б., весьма богатый человекъ, ѣздившій нѣкогда въ Парижъ поглядѣшь на шамошнія улицы и пообѣдашь нѣсколько разъ въ рестораціи *Верн*, рассказывалъ однажды съ энтузіазмомъ, приличнымъ спрасшному любовиелю всего изящнаго, что онъ, во время пребыванія своего въ Парижъ, видѣлъ въ одной изъ шамошнихъ картинныхъ галлерей превосходной работы портретъ (написанный будтобы знаменитымъ *Вернетомъ* (*)), изображающій *Катона* въ огромномъ парикѣ, въ Маршальскомъ мундирѣ и съ жезломъ въ рукѣ. Тупъ одна дама не могла удержашься, чтобы не сказать: „Боже мой! какъ забавень долженъ бышь *Катонъ* въ мундирѣ, въ огромномъ парикѣ и вѣрояпно въ накрахмаленномъ галсхухъ!“ Вовсе нѣтъ — ошвѣчалъ любезный разскащикъ — неподражаемый колоритъ и искусная кисть *Вернета* придають и эпой спранной одеждѣ необыкновенную пріятность и важность. Впрочемъ, Вернетъ былъ достоинъ изобразить *Катона* (*Catinat* (**)). Замѣшивъ улыбку на всѣхъ устахъ, онъ принялъ ее за несомнѣнный знакъ удовольствія, доставленнаго имъ *обцеству*, и чтобы еще болѣе заинтересовать въ вою пользу любезныхъ собесѣдницъ своихъ, спомнилъ и о портретѣ *Маркизы Лавальеръ*,

(*) Известно, что Вернетъ никогда портретовъ не писалъ, и не былъ современникомъ ни Катона, ни Катина.

(**) Знаменитый полководецъ Лудовика XIV.

жены *Людвика XV* (*), висѣвшемъ въ одной изъ комнатъ Версальскаго замка. Тупъ уже никшо не могъ удержашся ошъ смѣха, да и самъ наблюдатель Парижскихъ рѣдкостей захошаль, и едва ли не громче другихъ. — Щасливое равнодушіе!

К. Д.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ПОРТРЕТУ

Князя Варшавскаго.

Сей Вождь побѣдоносныхъ силъ
Суворова въ своихъ дѣяньяхъ воскресилъ!

Графъ Хвостовъ.

Р о м а н с ъ.

Явись, мой другъ, мнѣ въ сладкомъ сновидѣньи,
И очаруй небесною красой!
Блестящій пиръ въ моемъ воображеньи
Давно готовъ лелѣять образъ твой.

*

Развѣй покровъ одежды бѣлоснѣжной,
Раскинь власы роскошною волной;
Блесни, какъ лучъ, улыбкой страсти нѣжной;
Раскрой уста для рѣчи неземной.

*

(*) Онъ слышалъ, что г-жа *Ментемонъ* была женою *Людвика XIV*.

Проспри ко мнѣ ты персы наливные ;
 Склони чело къ пылающей груди ;
 Вдохни въ меня восторги неземные ,
 И препещь чувствъ блаженствомъ услади !

*

Въ мечтахъ любви проснусь я , вдохновенный ,
 И жаръ души опраденъ будешь мнѣ . . .
 Предстанешь ли швой бразъ несравненный ,
 Съ вѣнкомъ любви , въ полночной тишинѣ ?

А. Никитинъ.

Ж и в о п и с ь .

*(Въ портретной галлерей З * * * .)*

О какъ же швой похожъ портреть !
 Какъ и въ тебѣ , души въ немъ нѣшь .

С м ѣ с ь .

*Дѣтскій балъ г-на Йогеля, въ Благородномъ
 Собраніи , 19 Декабря.*

Легко можно вообразить , какъ много дѣти благодарны за балы , нашимъ шанцовальнымъ вепераномъ даваемые — *внучкамъ* и *внукамъ* своимъ по *магической* наукѣ его — именно магической : ибо чшд иное въ общеспвѣ можешъ

привлечь къ молодой дѣвушкѣ такъ сильнѣ , какъ. . . прелестнѣ Терпсихеры , возвышающая всѣ другія прелести , данныя природою ? Очаровательное искусство !

Но говоря о *дѣтскомъ балѣ* , должно прежде всего сказать о дѣтяхъ. — Краса и слава Йогелевыхъ баловъ , дочери Генерала Ладыженскаго , еще не вышедшія изъ дѣтства , плѣняли и на эпошѣ разъ своимъ необыкновеннымъ искусствомъ въ танцахъ всякаго рода. Прекрасныя дѣтши С. С. Уварова , сынъ и дочь , новые гости нашего Новера , заставляли любоваться собою , какъ не льзя болѣе. Вообразите маленькую Грацію и Купидона въ гусарскомъ плашицѣ , лешающихъ подъ звуками кадрили , мазурокъ и кошильиновъ. — Ребенокъ , лѣтъ шести , въ казакинѣ , сынъ Господина Тарновскаго , восхищаль зришелей мазуркою , кошорую танцоваль съ удивительною смѣлостію и ловкостію — почтенно крошечный Мазовець.

Вскорѣ составились общія танцы , и на послѣдокъ большая зала вся разграничилась , по спранному обыкновенію , спульями въ нѣсколько отдѣленій , гдѣ уже блистали не дѣтши. Но дѣтямъ и *хозяину* было , вѣроятно , всѣхъ веселѣе.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Нынѣ вышло въ употребленіе одѣваться къ вѣнцу очень просто. Бѣлый апласный дульшъ, отдѣланный однимъ *руло* изъ бѣлаго марабу, расходится спереди на гроденаплевой юбкѣ, вышитой бѣлымъ шелкомъ; маленькая блондовая шляпка съ блондовымъ же вуалемъ; букетъ изъ алыхъ розъ и померанцовыхъ цвѣтшвъ прикалывается къ одной сторонѣ сей шляпки; буа изъ марабу: все сіе составляешъ прелестный свадебный туалеть.

— Мы видѣли на одной щеголихѣ бархатное гранатнаго цвѣта платьѣ, вышитое надъ рубцомъ пальца на три, а вокругъ лифа на палець. Сіе шитьѣ представляло мѣлкій горошекъ. На ней былъ бѣлый тюрбанъ, украшенный каменьями.

— Для украшенія Греческихъ причесокъ нынѣ употребляются браслеты, копорыя должны окружать косу.

Изъясненіе картинки при семь Но.

Головная уборка Круаза. Платьѣ креповое. Плащъ Египетскій.

—————

Шарада, напечатанная въ предыдущемъ Но, вначить: *тюльпанъ*.

—————

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чшобы, по ошпечашаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Января 2го дня, 1832 г.

Ценсоръ Сергій Аксаковъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

Проза.

Спряя лошадка.

Повѣсть.

(Окончаніе.)

Надобно было три мили ѣхать лѣсомъ по перекрестной дорогѣ, столь узкой, что двѣ лошади съ трудомъ могли идти рядомъ: это заслѣвило пропянуть кавалькаду. Первую полу-милю рыцари - вешераны ѣхали довольно весело; но не довольно выспавшись, они вскорѣ начали дремать. Надлежало умереть со смѣху, видя ихъ сѣдя головы качающимися съ одной спороны на другую и падающими на шею лошадей.

Невѣста, погруженная въ чувства свои, ничего не примѣчала. Подобно преступнику, ведо-

тому на казнь, кошорый всякимъ пущимъ предлогомъ щщщщ продолжитъ нѣсколько минушь своего сущесшвованія, она опъ времени до времени оспанавливала лошадь свою. Такимъ образомъ пушешесшвенники не пробъхали и мили, какъ невѣспа, безъ всякаго впрочемъ умысла, опдѣлилась опъ кавалькады. Ея пушеводишель не болѣе замѣшилъ эшо, какъ и его шоварищи; ибо и онъ, подобно прочимъ, былъ одолъваемъ сильною дремошою.

Было одно мѣсто, гдѣ дорога раздѣлялась на двѣ спороны: одна прямо вела въ Медопъ, а другая проселочная шла къ замку Годфрея. Не управляя лошадыми, всадники ѣхали по первой дорогѣ; чшожь касается до сѣрой лошади, шо она шакъ хорошо знала дорогу, ведущую къ ея хозяину, чшо по инстинкту сворошила на оную.

Находясь одна въ лѣсу вечеромъ, Нина сначала содрогнулась опъ ужаса; но мысль избѣжашь нещасшя скоро побѣдила страхъ — и сѣрая лошадка благополучно привезла ее къ Годфрееву замку. — Какъ скоро часовой увидѣлъ даму, шо зашрубилъ въ рогъ, и пошомъ учшиво спросилъ, чшо ей угодно.

„Отвори поскорѣй ворота,“ сказала Нина „и дай убъжище женщинѣ, преслѣдуемой разбойниками.“

Блещящій нарядъ, красота дамы и сѣрая лошадь, на кошорой она сидѣла, и кошорая показала часовому принадлежавшею господину его, привели перваго въ шакое изумленіе, чшо онъ вообразилъ себѣ какую-нибудь благодѣтельную волшебницу, изъ состраданія къ печали его господина пришедшую подашь ему ушѣшеніе; и шопчасъ побѣжалъ увѣдомить обо всемъ Годфрея.

Годфрей проводилъ время въ сердечной поскѣ и жестокой горести ; но когда услышалъ , что какая - то госпожа подъѣхала къ его замку , то изъ вѣжливости въ шужь минушу вышелъ къ ней и велѣлъ опустить подъемный мостъ . Какая же неожиданная радость ! какое же не предвидѣнное щастіе — видѣть свою возлюбленную ! Она кинулась въ его объятія , заклинала спасти ее , и съ ужасомъ оглядывалась назадъ , какъ будто бы дѣйствительно была преслѣдуема разбойниками .

„Нина !“ воскликнулъ онъ : „успокойся , ободришь ; ты безопасна , когда въ моихъ объятіяхъ ; съ эшой минушы никакая власть на землѣ не изшоргнешь себя ! . . .“

Онъ созвалъ людей своихъ , опдалъ имъ разные приказанія , и велѣлъ поднять подъемный мостъ . Но чтобы обезпечить и упрочить щастіе свое , Годфрей почелъ нужнымъ немедленно обвинчаться съ Ниною , и для того послалъ за своимъ духовникомъ , который повелъ ихъ къ олшарю . Тогда веселіе снова водворилось въ замкъ Годфрея : господинъ и слуги , всѣ были равномерно исполнены радости ; никогда восшоргъ не слѣдовалъ столь быспро за опчаяніемъ .

Совсѣмъ не то было въ Медопѣ . Всѣ были шуда , кромѣ Нины и ея пушеводителя . Тщешно спрашивали объ нихъ другъ у друга ; никшо не зналъ , какимъ образомъ и гдѣ они опспали опъ кавалькады . Наконецъ посаженный опецъ явился , все еще дремлющій и качающійся на своей лошади ; и когда освѣжился , то былъ чрезвычайно изумленъ пошерею ввѣренной его попеченію невѣсты . Догадывались , что она сбилась съ дороги въ лѣсу , и шопчасъ было по-

слано нѣсколько человекъ искать ее. Но все скоро объяснилось прїѣхавшимъ опть Годфрея конюшимъ, объявившимъ о благополучномъ прибытіи Нины въ замокъ его господина, именемъ котораго приглашалъ шуда дядю его и всю компанію, долженствовавшую находиться при бракосочетаніи Нины. Всѣ немедленно отправились въ замокъ Годфрея. Онъ вышелъ на встрѣчу гостямъ съ Ниною, которую предсавиль имъ, какъ свою супругу.

Это сначала возбудило громкій ропотъ во всей прущѣ. Но когда Годфрей разсказалъ обо всѣхъ обстоятельствахъ любви своей до самаго приключенія съ его сѣрою лошадыю: тогда сцена совсѣмъ перемѣнилась. Старые воины, по сѣдѣвшіе въ правилахъ чести и вѣрности, оказали даже негодованіе, что спановились участниками въ столь гнусномъ вѣроломствѣ, и пошли упрашивать опца Нины, чтобы утвердилъ союзъ, достойный всего рыцарскаго уваженія. Спарикъ находилъ уже невозможнымъ отказать въ своемъ согласіи — и брачное торжество праздновано у Годфрея со всѣми увеселеніями. Дядя его умеръ черезъ годъ, и рыцарь вступилъ въ наслѣдство Медотскаго помѣстья. По прошествіи нѣкотораго времени умеръ и шестъ его. Тогда Годфрей спалъ однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ Шампанн и жилъ съ своею Ниною какъ не лзя щасливѣе.

Съ Англійскаго А. Смирновѣ.

~~~~~

*Повѣсть странника о Странникѣ.
Статья вторая.*

„Что такое повѣсть странника о странникѣ? Не новую ли вы записали издашь Одиссею?...“ Не отвѣчаю на это ничего опредѣлительнаго. Да и какъ опредѣлишь, что западешь въ голову и откуда, и за чѣмъ? Это *Сфинксова* загадка. Я не *Эдинъ*: въ отгадки не пускаюсь. Но скажу мимоходомъ, что по примѣру добраго *Фенелона* и я болѣе люблю Одиссею, нежели *Иліаду*. Одиссея можно уподобишь кропкой лунѣ, разливающей сіяніе безмяшежное; а *Иліада* шумитъ и клубится, подобно наводненному ручью Скамендискому,

„Гдѣ боги спорили и гдѣ дрались герои.“

Это спихъ изъ *Душеньки* Богдановича. Какимъ образомъ мысль о *Душенькѣ* сѣѣилась съ мыслию объ *Иліадѣ*? Можетъ быть, потому, что Гомеръ намѣкаетъ о безсмертіи души. Пораженный смертію друга своего, *Патрокла*, быстроногій *Ахиллъ*, сынъ безсмертной *Фетиды* и смертнаго *Пелея*, подобно бурнымъ волнамъ морскимъ вращаясь на одрѣ, наконецъ смыкаетъ очи, упоменныя безсонницей. Внезапно являешся ему призракъ *Патрокла*, призракъ задушевнаго друга. Быстро усремляешъ къ нему *Ахиллесъ* объятія и вскрикиваешъ: „И такъ душа безсмертна!“ Для меня это одно восклицаніе лучше цѣлой *Иліады*. А чтожь мнѣ нравишся въ *Одиссеѣ*? Любовь къ человѣчеству и любовь къ спрадальцамъ. Гомеръ говоритъ:

„Croyez qu'un suppliant que le malheur accable,
Est aux yeux des dieux mêmes un objet respectable.“

Проситель, горькою судьбою отягченный,
И для самих боговъ спрадалецъ естъ почтенный.

„Во Французскомъ сказано: *un objet*, предметъ. За чѣмъ же вы не поспавили эпаго слова?« За пѣмъ, что, по словамъ знашковыхъ, переводъ естъ борьба съ слогомъ и гениемъ великихъ писателей. А что такое *борьба съ слогомъ*? Переведите мнѣ по-французски начало Руской пѣсни:

„Ахъ! шаланъ шы мой, шаланъ шакой,
Или участь моя горькая!“

Метатель.

Лѣтопись о Тверскомъ бульварѣ.

(Изъ записокъ о Москвѣ, составляемыхъ однимъ любителемъ отечественной Исторіи.)

1795. До 1795 года, сколько я помню, около Тверскаго бульвара не хорошо было ни ходишь, ни ѣдишь къ споронѣ *Козьяго болота*; мѣстами грязь спаивала по кольна, а индѣ, и посреди самаго сухаго лѣша, земля шряслась подъ ногами. — Валь часпю уже былъ срышь; но оставались еще нѣкошорья изъ его возвышеній, на кошорыхъ *ребятишки* угладивъ нѣсколько площадокъ, на свободѣ поигрывали въ бабки и въ свайку. На шправкѣ по ошлогоспямъ вала индѣ привязывали къ кольямъ для покормки, изъ сосѣднихъ домовъ, и лошадей и коровъ, а индѣ, въ праздничное время, на шой же шравѣ сиживали группами семейства близъ живущихъ мѣщанъ, распѣвали пѣсенки, рѣзвились по-своему. — Прогули-

ваясь мимо нихъ , къ споронѣ Тверекой и Никишской, намъ нерѣдко хошѣлось бы взбѣжашь на валь. „Ксшани ли эшо господскимъ дѣшямъ!“ говаривали наши дядьки Цимбалды, и мы привыкли пяшишься ошѣ Тверскаго вала, какъ ошѣ пугала.

Намѣспникъ Московскій, *Князь Прозоровскій*, кажешся, первый рѣшишельно приказалъ срывашь всѣ оспашки древняго вала, землю его возишь и сыпашь на прѣсины. . . „Экія времена!“ говаривали бѣдныя сосѣди: „все ошняли; некуда выпустишь и овечки. Люби Богъ Его Сіяшельсшво, а онѣ не хорошо дѣлаешь, чшо бѣдныхъ людей вздумалъ обидѣшь! . . .“ Но Его Сіяшельсшво, уничшожая валь, и непомышляя еще о *бульварѣ*, кошорый конечно бы назвали погда *чортовымъ гульбищемъ*! — Впрочемъ въ 1796. шо время публичное гульбище уже существовало; однакожь его учредилъ не Намѣспникъ, а Гвардейцы, въ подражаніе Невскому Пешербургскому, по Москворѣцкой набережной — подѣ спѣнами древняго Кремля. Тамъ они (а въ числѣ нихъ былъ и мой ошець) думая переиначишь Москву - рѣку на *манерѣ* Невы, учреждали красивыя шлюпки, собирали шуда музыканшовъ, пѣсенниковъ, Цыганъ; но наши Московскія красавицы не всѣ еще рѣшались прогуливашься по берегу рѣки; нѣкошорыя изъ нихъ *гуливали* шолько въ карешахъ, разбѣжая по широкой улицѣ, между Кремлемъ и набережной. Покашашься же на шлюпкѣ, я не помню, соглашалась ли какаѣ - нибудь изъ нашихъ красавиць. Мнѣ эшо не нравилось и я неоднократно спрашивалъ у своего Гу-

вернера, старика *Ле-Ганье*: почему бы не кашаться въ шляпкахъ? — Mon cher, ça ne va pas! всегда опивчалъ мнѣ Гасконецъ и — мой языкъ *всегда* прильпе къ горшани.

1796. Главнокомандующій Москвою, Фельдмаршалъ Графъ Иванъ Пешровичъ Салтыковъ, въ домѣ копораго я шолько что не жилъ, а бывалъ почти ежедневно, рѣшишельно озабошилсѣ успройсшвомъ Тверскаго бульвара. На немъ погда уже все было очищено, усажены въ чешыре ряда березки, укашана кое-какъ главная дорожка и — вопшь начались первыя гулянья по Тверскому валу. А не знаю, почему бульвара не смѣли еще называшь бульваромъ!... Но какъ бы по ни было, а *Тверской* валъ очень скоро перебилъ лавочку у *Набережной*, копорая въ особенности нашимъ дамамъ и *по сырости*, и, будшо бы, *по отдаленности* какъ-шо не нравилась. Даже сама моя благодѣтельница, Фельдмаршальша Графиня Дарія Пешровна Салтыкова (*), замѣшивши однажды у меня легкую проспуду, совѣшова-ла намъ осшерегашься набережной — гуляшь шолько на валу. Однимъ разношикамъ конфекшь и фрукшовъ, привыкшимъ опъ *имени* погдашней молодежи осшавляшь свой десертъ въ карешахъ *тогдашнихъ* красавиць, весьма не нравилсѣ рѣшишельной переходъ Московской публики съ *набережной* на *бульваръ*. На немъ раз-

---

(*) Называя Графиню мою благодѣтельницею, я имѣю на шо все право: ибо и началомъ моей службы, и началомъ моего вспупленія въ свѣшь я былъ преимущественно обя-зашь одной ей — для меня незабвенной! *Сог.*

спавливали разнощиковъ смиренно у входовъ и по бокамъ дорожки; имъ не лъзя было дѣйствовать самимъ, а должно было выжидать желающихъ. Все это и шому подобное заспавило даже и славнаго разнощика *Аралу* и его поварищей. говоримъ въ слухъ: *Вотъ какое времечко! выдумали гулять по тонямъ, округъ Козьяго болота!* . . . Вѣчная память *Аралъ!* а мы на бульваръ погуливаемъ. Да и когда не было, или не будетъ *Аралъ*, которые бы не полковали объ всемъ единственно въ свою пользу!

1800. Въмѣсто галлеріи или бесѣдки, соспроенной изъ доспокъ уже около 1802 года, прежде всего на бульваръ была разбиша кондитерская палашка; въ ней торговаль Голицинскій кондитеръ *Иванъ Федорычь*, великій масперъ убирашь всякими фигурами свадебныя спола, изъ которыхъ почпи ни одинъ шогда не обходился безъ его *бланманжейныхъ попугаевъ, журавлей и кроликовъ.*

1803 Но вошь наша дощатая галлерей скоро и развалилась и въ концѣ 1803, или въ 1804

1804. году, неупомню, вдругъ появилась деревянная же, но рубленая. Въ самый Вознесеневъ день мы гуляли по Дворцовому саду и — Фельдмаршалъ неожиданно пригласилъ насъ на бульваръ — въ новую галлерей. Экипажи были гошovy и мы понеслись. Насъ освѣпили разноцвѣтные огни; вспрѣпила музыка, угощеніе, даже — шанцы. Я гошовился къ вальсамъ, вышягиваль перчашки; но шѣснопа опъ наѣхавшихъ мало помалу едва дозволяла начашъ Польской. — Добрый, незабвен-

ный Фельдмаршалъ! какъ намъ тогда всѣмъ было съ нимъ весело!

- Съ эшаго времени гулянье на бульварѣ продолжалось поспоянно. При военномъ Генералъ - Губернапорѣ Беклешевѣ оно нѣсколько - было упало. Пешрѣ Степановичъ Валуевѣ отккрыль новое гульбище на Прѣсенскихъ прудахъ и публика, охотница до новости, пошчасъ обрапилась къ нимъ; но вдругъ явился нѣкто Князь Голицынъ (Михаиль Васильевичъ), и положиль, въ каждую пяшницу (копорая и понынѣ оспалась днемъ бульварнымъ) освѣщашъ бульваръ на свой счетъ и приглашашъ шуда музыку. Публика опять обрапилась на прежнее любимое гуль-
1812. бище; но въ 1812 году Наполеонисты, пущенные на смерть въ Москву, рѣшили въспѣ съ собою умерщвляшъ и бульваръ, рубили его деревья, а на другихъ вѣшали безъ разбора виновныхъ и не виновныхъ. Ужасное время!
1814. Съ 1814 года, почти по совершенномъ испребленіи полчищъ Наполеоновыхъ, нашъ бульваръ въспѣ съ Москвою началъ возраждашъся какъ фениксъ: на немъ въспо березокъ появились нынѣшнія липки; обѣ спороны бульвара вдругъ украсились Англійскими дорожками, клумбами, фоншанами, цвѣшниками; родилась существующая галерея прекрасной архипекшуры и — бульваръ до сей поры все еще слыветъ однимъ
1831. изъ любимѣйшихъ гульбищъ для Московшянъ (*).

(*) Самая блестящая эпоха его была въ Октябрѣ и Ноябрь 1831 года. Августѣйшіе Гости наши нерѣдко прогуливались на ономъ. *Изд.*

А л ь б о м ъ.

Недавно вышла въ Парижѣ брошюрка, предлагающая *забавное* чтеніе врагамъ нашего просвѣщенія, общежитія, величія и славы. — Между прочими комическими анекдотами, *будто бы* случившимися съ Маршаломъ Мармоншомъ, Герцогомъ Рагузскимъ, въ *Москвѣ*, рассказывается слѣдующее :

„Однажды докладываютъ Герцогу о пріѣздѣ Рускаго чиновника. Герцогъ велѣлъ просить его. Чиновникъ съ примѣльною робостію идетъ посреди двухъ рядовъ, составленныхъ богатоодѣтыми оффиціантами; подходитъ къ хозяину, и назвавши себя, вручаетъ ему. . . . *письмо отъ жены своей*. Герцогъ прочиталъ, пожалъ плечами и сказалъ: „Очень жалю, что не могу исполнить желанія вашей супруги. Уже не осталось у меня ни одного билета.“ Гость и хозяинъ — раскланялись. *Москвитянка* хопѣла бытъ на одномъ изъ баловъ, даваемыхъ нашимъ Посланникомъ въ древней Руской столице по случаю Коронаціи.“

Ссылаясь на всѣхъ *читательницъ*, спрашиваю: можешь ли бытъ, чтобы Московская дама, *желавшая бытъ* у Маршала Мармонша, Герцога Рагузскаго, *на балѣ*, употребила *такое* средство для достиженія цѣли своей? . . . Суцая клевета!

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

К ъ К р и с п у С а л л у с т і ю.

Изъ Горация.

(Книга II. — Ода 2.)

Нѣтъ цвѣта серебру, о Саллустій! Въ припворныхъ,
Въ скупыхъ лишь оно сокрыто земляхъ,

Когда не блискаетъ въ дѣлахъ благошворныхъ ,
Въ прекрасныхъ дѣлахъ !

Любовь Прокулея въ вѣкахъ опдаленныхъ ,
И брапская нѣжность съ молвою пройдетъ ,
И поздняя слава на крылахъ неплѣнныхъ
Его вознесетъ (1).

Щаспливѣе будешь , когда устремленный
Къ спяжаню — корыстный свой духъ укропишь ;
Тогда и Ливию , Кадиксъ опдаленный
Другимъ подаришь .

Въ болѣзняхъ жестокихъ спрадаешь несчастный ,
Пока онъ лелѣетъ желанья свои .
Спрадалецъ ! терпѣньемъ изгонишь ужасы
Страданья ивои .

Фраата (2) , достигшаго цѣли желаній ,
Щаспливѣйшимъ *Правда* едва-ль назовешь ;
Ошучишь народы отъ лживыхъ мечпаній ;
Ихъ крики уймешь .

Того и порфирой , и Царствомъ послушнымъ
Судьба подаришь , какъ наградой добра ,
Кто окомъ лишь будешь взирать равнодушнымъ
На кучи сребра !

* * *

П р и м ѣ ч а н і я .

- (1) *Прокулей* , Римлянинъ , удѣлившій часть своего имущества братьямъ своимъ , лишившимся всего во время гражданской войны .
- (2) *Фраата* (Phraatus) , Пароянскій Царь , очень жестокаго характера . Онъ умертвилъ отца своего , братьевъ и сына ; былъ свергнутъ съ престола , но съ помощію Скиѣовъ снова воцарился .
-

Куплеты для водевиля.

„Нѣтъ! ни богатство, ни чины
 Намъ счастья въ жизни не соспавяшь,
 Когда насъ жить уже заспавяшь
 И безъ вина, и безъ вины!“

*

Такъ, не смотря на сѣдины,
 Сказаль мнѣ Сибаритъ любезный;
 И повторилъ: „О вѣкъ желѣзный —
 И безъ вина, и безъ вины!“

*

„Они бывали старины
 Весельемъ, радостью, душою! . . .
 И что же дѣлашь подъ луною
 И безъ вина, и безъ вины?“

*

„Враги коварной пишины,
 Они друзья сердце открышихъ! . . .
 И кто изъ смертныхъ знаменитыхъ
 Жилъ безъ вина и безъ вины? . . .“

С М Ъ С Ъ.

1.

Французскій театръ.

Бенефисъ г-жи Констансъ.

Въ Большомъ Театрѣ 27 Декабря.

Не взирая на извѣстный палантъ бенефициантки и на прекрасныя піесы, данныя въ первый разъ, Большой Театръ представлялъ Аравійскую пустыню, печальную для зришеля, а еще болѣе для актрисы, которая вопреки неблагопріятному обстоятельству и по уваженію

къ самой себѣ, играла чрезвычайно хорошо. Сіе неблагопріятное обстоятельство произошло опъ перемѣны дня, назначеннаго въ объявленіи о семь спектаклѣ. Онъ состоялъ изъ слѣдующихъ пиесъ :

La Nièce supposée, comédie en trois actes, de Planard. — Encore une folie, ou la veille du mariage, vaudeville en un acte, de Gabriel. — Les femmes romantiques, vaudeville en un acte, de Théaulon.

Всѣ актеры и актрисы были на сценѣ, и, казалось, старались превзойти другъ друга игрой своей, особенно въ послѣдней пиесѣ г-жа Дюпаркъ *Ванорину* (Varogine), а г-жа Бельманъ дѣвицу Вьель Рошъ (M-lle de Vieille Roche) играли такъ, что *застрѣльщикъ* романтической фаланги, Викторъ Гюго, самъ бы, кажется, поднесъ имъ романтическую корону. — *Романтическія женщины* еще смѣшнѣе, чѣмъ *Précieuses ridicules*, копорыми нынѣ вздумали пугашъ писателей, уважающихъ *благопристойность*, *благоприличія* — все, что ни дано во *благо* обществѣ и семействѣ, безъ чего люди были бы опаснѣе шигровъ, и о чемъ такъ много швердили намъ съ дѣтства. — Скоро ли искоренишь *предразсудокъ*, шпорожившій насъ у колыбели! . . .

2.

Маскарадъ въ Благородномъ Собраніи наканунъ Нового года.

Все выходитъ изъ моды — даже та cousine, mon cousin, копорыми бывало оглушали насъ повсюду, принадлежишь нынѣ къ дурному пону. Но какимъ же образомъ *Васильевъ вечеръ*, празднуемый въ Благородномъ Собраніи едва ли не полвка, все еще не *вышелъ изъ моды*? . . . Чудно! . . . Впрочемъ ни чему не должно удивляться, если

только исключивъ изъ сего правила то удивленіе, которое прекрасный полъ производитъ дѣйствіемъ вспомогательныхъ средствъ на беззащитныя чувства нашего пола въ отношеніи къ вышесказанному дѣйствію. Оно имѣло особенную силу въ эпоху маскарадъ: кажешься, юныя, прелестныя дамы нашей древней столицы, которыхъ было очень много, желали соединить умирающій годъ съ рождающимся волшебною цѣпью своихъ шуалешовъ, истинно живописныхъ! . . . Ахъ! что сказали бы почтенныя бабушки, увидѣвши сіи пальи, похожія на поненькую колонку; на сіи рукава, ограждающіе прекрасныя плечики отъ неоспорожнаго приближенія къ нимъ; на сіи прически, представляющія Кипайскихъ Грацій? . . . Не уже ли онѣ вздохнули бы о своихъ фижмахъ, о своихъ ангажантахъ, о своихъ шупеяхъ? . . . Между тѣмъ мы все это видѣли передъ собою — и сравнивали: Боже мой! какая разница! . . . Не уже ли выдуть изъ моды и нынѣшніе шуалешы? но — *все выходитъ изъ моды*, и мы имѣли новое доказательство сей какъ-то печальной истины: одна изъ двухъ прекрасныхъ масокъ требовала стиховъ отъ сочинителя сей спашьи. „Вы желаете мидригала?“ спросилъ онъ. Мадригалы вышли изъ моды — ошвѣчала маска нѣжнымъ, пріятнымъ голосомъ. „Спало, въ угожденіе модѣ, надобно прибѣгнуть къ противоположности: и такъ — эпиграммы?“ — Фи! . . . Я желаю баллады. — „Увы! я не Жуковскій! . . .“ и пошупивъ глаза, ошошель. . . вѣрно, отъ какой-нибудь Людмилы. Кспаши о поэзи: нѣкоторыя маски раздавали довольно зашѣдливые стихи, и одни поднесены шой, которая недавно восхищала насъ *Пиксисовыми вариациями*. Не будучи балладою, сіи стихи заслужили ласковую улыбку нашей Зонпагъ.

Загремѣвшія на хорахъ трубы возвѣстили о пришествіи Новаго года, съ копорымъ всѣ начали поздравлять другъ друга. — Послѣ ужина образовалось нѣсколько круговъ изъ шульевъ, и вскорѣ *усѣлись* панцующіе мазурку, продолжавшуюся нѣсколько часовъ.

Маскарадъ былъ очень живъ и очень многолюденъ — все, чего можно желать даже для *маскарада* жизни нашей!

П а р и ж с к і я м о д ы .

Нынѣшнюю зиму шюрбаны не такъ широки, какъ прошлую. Въ послѣднемъ придворномъ концертѣ мы видѣли шюрбаны голубые газовые, пополамъ съ серебрянымъ газомъ, и вишневаго цвѣта съ золошымъ газомъ, украшенные райскими пшицами. Береты съ четверугольною тульей à la polonoise дѣлаются по большой части изъ пунцоваго бархата и украшаются букетомъ бѣлыхъ перьевъ съ той стороны, гдѣ поля нѣсколько приподняты; опъ сего букета идетъ золотой плешенокъ на противоположную сторону полей.

— Черный блондовый шюникъ на розовомъ атласномъ платьѣ; лифъ сердцемъ, обшитый широкою блондою, упадающею на плеча; маленькая черная бархатная шляпка, съ длиннымъ розовымъ перомъ — вотъ шуалепъ Дюшессы Ж***, копорый замѣченъ какъ образецъ отличнаго вкуса.

— Гирлянды составляютъ нынѣ изъ колосьевъ, или изъ небольшихъ золошыхъ и серебряныхъ вѣтокъ. Золошые колосья перемѣшаны съ зеленью; въ гирлянды изъ розъ вмѣшиваются брилліаншковые колосья; сн гирлянды надѣваются низко на лобъ.

— Бальные платья не имѣють совершенно никакой ошдѣлки.

Изъясненіе картинки при семь No.

Шляпка бархатная съ марабу. Платье изъ гродорьяна (gros-d'Orient). Пелеринка бархатная вышитая.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ шѣмъ чтобы, по отпечатаніи, были предсданы въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Января 8го дня, 1852 г.

Ценсоръ Сергій Аксаковъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П Р О З А .

Нѣкоторыя общія замѣчанія о нашемъ театрѣ и нашихъ актеряхъ.

Нѣшь сомнѣнія, что справедливая крипика не только полезна, но и необходимо нужна для усовершенствованія искусствъ. Извѣстно, что строгія замѣчанія *Жофруа* на игру современныхъ ему актеровъ много способствовали къ развитію ихъ талантовъ. Самъ Тальма уважалъ его крипики и часно слѣдовалъ его совѣтамъ. Но у насъ отъ рецензента требуется особенная осторожность: онъ обязанъ, если хочеть быть справедливымъ, изслѣдовать прежде, отъ чего вообще даже и шѣ изъ нашихъ актеровъ, которыхъ таланты заслужили благосклонное вниманіе знатоковъ, не рѣдко, а особливо въ операхъ, разыгрываютъ свои роли весьма неудачно; всегда ли и во всемъ ли зависишь

опъ нихъ играть хорошо; не предстоятъ ли какія-либо препятствія, которыхъ преодолюшь имъ не возможно и проч. и проч.? Если же они, по есъ препятствія, по какимъ бы по отношеніямъ ни было, существующъ; по безусловная кришика, сколь бы впрочемъ она справедлива и основательна вразсужденіи искусства ни была, принести желаемой пользы не можетъ. Въ такомъ случаѣ рецензентъ долженъ опредѣлить то, что зависишь опъ акперовъ, опъ того, чего имъ исполнишь не возможно.

Извѣстно, что сколь бы превосходны ни были таланты артистовъ, но если въ разыгрываемой ими пѣсѣ нѣтъ того, что Французы называютъ *de l'ensemble*: по всѣ спаранія и даже искусство (опдѣльныя) останутся щепными и не удовлетворяють требованію публики, а особливо знатоковъ. Но всегда ли имѣемъ право сѣшовать на нашихъ акперовъ, если не замѣчаемъ въ игрѣ ихъ вышесказаннаго *согласія* (*): оно происходитъ единственно опъ досматочнаго, по мѣрѣ каждой пѣсы, числа *репетицій на сценѣ*; ибо на сценѣ только акперы могутъ замѣнить всѣ оппѣнки, долженствующія способствовать быспротъ и согласію разыгрываемой пѣсы. Чтобы акперамъ показаться во всемъ блескѣ своихъ талантовъ, нужно столько же сообразишь и выучишь наизусть дѣйствующій ходъ всей пѣсы, какъ и знашь твердо роли: безъ эшихъ двухъ необходимыхъ условій, сколь бы акперы искусны ни были и какъ бы ни спарались играть хорошо, все спануть казаться не пѣмъ, чѣмъ должно: въ нихъ бу-

---

(*) Отсутствіе котораго холодитъ ходъ пѣсы и уничтожаетъ въ акперахъ половину ихъ способностей. *Сог.*

душъ видны актеры, а не лица, ими представляемая; и вся иллюзія исчезаетъ; на нашемъ же театръ *въ сценныхъ - по репетиціяхъ* и бываетъ всегда большой недоспадокъ. Но видишь въ этомъ не лзя ни Дирекцію, ни актеровъ; ибо на репетиціи недоспаетъ времени: у насъ одинъ только театръ (въ смыслъ невещественнаго капитала), на которомъ большую часть года даются вседневныя представленія всякаго рода піесъ и балетовъ. Легко можно себя представить, какое должно быть затрудненіе *въ постановкѣ* частыхъ новыхъ піесъ и великолѣпныхъ балетовъ на безпрестанно занятой сценѣ! Поспѣшность, съ какою піесы выучиваются и обставляются, обращается во вредъ артистамъ и навлекаютъ на нихъ очень часто не заслуженное ими негодованіе публики, не взирающей на то, что (по сказаннымъ причинамъ) не всегда зависишь отъ нихъ играть такъ хорошо, какъ бы они могли при другихъ обстоятельствахъ. Публикѣ простиительно судишь односторонно; но сужденіе проницательнаго критика должно быть опредѣлительно. Замѣтимъ также, что сравнивать нашихъ актеровъ съ иностранскими, играющими однѣ и тѣ же піесы, не должно; ибо въ такомъ случаѣ выгоды останутся на сторонѣ послѣднихъ, хотя бы первые были гораздо превосходнѣе. Причина этому есть слѣдующая: драматическая литература каждого народа имѣетъ свою собственную печать, налагаемую на нее нравами его. Французы, Англичане, Нѣмцы даже и переводя для своихъ театровъ иностранныя піесы, до того *перекладываютъ* чужія нравы на свои, что онѣ содѣлываются почти ихъ природными произведеніями: изъ этого слѣдуетъ, что Французъ пред-

составляетъ всегда почти Француза, Нѣмецъ Нѣмца и проч. Мудрено ли даже и при ограниченныхъ талантахъ изображать со всею точностію *собственные* обычаи? Наши же актеры осуждены почти всегда представлять характеры, не имѣющіе ничего общаго съ ихъ нравами. Нашъ театральнѣйшій репертуаръ составленъ по большой части изъ иностранныхъ пьесъ, которыхъ, какъ уже было замѣчено, переложеніе нравовъ на наши состоишь единственно въ томъ, что *Mélanie* назовуть Маланьей, а Лафлера Андреемъ. Но Маланья и Андрей только по имени Рускіе, а въ сущности оспраются совершенными иностранцами. Не удивительно, если представляющіе всегда *самихъ себя и свое* играютъ естественнѣе тѣхъ, которые съ трудомъ должны отгадывать обычаи и обращеніе, вовсе имъ незнакомые, и казаться *не самими собою*, а какими-то суманными для нихъ идеалами. Но для сравненія искусства нѣкоторыхъ хорошихъ нашихъ актеровъ съ искусствомъ равно хорошихъ актеровъ иностранныхъ, было-бъ желанельно видѣть, какъ сіи послѣдніе играли бы переведенныя безъ малѣйшаго измѣненія на ихъ языкъ нѣкоторыя прекрасныя національныя наши пьесы, напр. *Недоросля, Бригадира, Лизу, или торжество благодарности, Богатонова, Мельника, Розака Стихотворца* и проч. Я увѣренъ, что иностранцы были бы несравненно ниже въ эпѣхъ пьесахъ, нежели наши, разыгрывая ихъ природныя. Необыкновенная способность Рускихъ во всемъ изящнымъ искусствамъ не рѣдко подаетъ имъ возможность *угадывать* то, что для другихъ и перенять было бы трудно.

Между прочими препяшествами къ улучшенію нашей сцены не есть ли самое важное и то,

что въ амплу, избираемыхъ нашими дебютан-
тами, нѣтъ благоразумной поспешности: на
примѣръ, чувствующій склонность къ трагедіи
почитаетъ роль Наперника недостойною себя
(по есть будущаго своего шаланта), и не
взирая на совершенное незнаніе ни сцены,
ни условныхъ ея приличій, щипится удивить
зришелей въ роли Сеида или Гамлеша. . . . Га-
млеша?! Охотникъ же до пѣнія гнушается
ролей втораго любовника, почитаетъ для себя
унизительнымъ показаться въ первой разѣ на
сценѣ иначе, какъ не въ образѣ, по крайней мѣ-
рѣ, Калифа Багдадскаго! Такіе ужасные драм-
матическіе скачки не должны ли въ послѣдствіи
обратиться во вредъ и самимъ подобнымъ пры-
гунамъ? Не уже ли театральное искусство,
шоль шрудное, шоль мудреное, не требуетъ
никакого предварительнаго, правильнаго и по-
спешнаго изученія? Обыкновенно говорятъ,
что великіе актеры *рождаются*, по есть что
они при рожденіи получаютъ всѣ способности,
нужныя для составленія отличныхъ шалантовъ:
это справедливо; но способности не образован-
ныя, не развитыя искусствомъ, подобны неограни-
ченному алмазу, не издающему никакого блеска: ибо
однѣ шолько способности не суть еще шалантъ.
Можетъ ли неопытный молодой человекъ, на-
чавшій шрудное свое поприще *первыми ролями*,
познаетъ сцену шакъ, какъ бы онъ изучилъ ее,
начавъ съ ролей не важныхъ. Искусство умѣетъ
сообразовать (*) всѣ опшѣнки, въ которыхъ на-
ходяшся между собою актеры, разыгрывающіе

(*) То есть еообразовать театральное: тамъ, гдѣ все услов-
ное; и соображенія должны быть условныя. *Сог.*

піесу, цріобръшаеця поспепенною опытно-стїю. Сценическая школа для актера еспь не иное чшо, какъ прохожденїе опы. мало - значущихъ ролей до первыхъ. Тальма весьма долго не игралъ иной роли, кромъ Наперстника; но во все это время пщашельно изучалъ сцену и обдумывалъ неподражаемую игру свою: за то, когда явился въ первый разъ, если не ошибаюсь, въ роли *Густава Вазы*, прагедїи Пирона; по воспоргъ зришелей доказалъ, что пруды и спаранїя аршиспа въ полной мърѣ достигли желаемой имъ цѣли. Искусство, въ какомъ бы то родѣ ни было, не цріобръшаеця даромъ; оно покупаетя великими прудами. Многіе замѣчаютъ, что у насъ оперы, особливо въ опношенїи къ пѣнїю, идуць вообще довольно холодно: это происходитъ какъ опы вышесказаннаго недостатка репетицій, такъ и опы того, что нѣкоторыя пѣвцы наши поють не театрално и безъ приличнаго *мѣсту* выраженїя.

Искусство соображатъ голось свой и даже *манеру своего пѣнїя* съ шѣмъ мѣстомъ, гдѣ аршиспъ поеть, еспь изъ первыхъ и необходимыхъ условїй для достиженїя надлежащаго эффекта. Большая разница пѣшь въ обыкновенной комнатѣ, въ обширной залѣ и на сценѣ огромнаго театра. Всѣ мѣлкїе, такъ сказатъ миниатурные пассажи, которыми споль прїяшно украшается пѣнїе, когда его слушаемъ вблизи, совершенно теряются въ пространствѣ большаго зданїя: шущь перебуеця болѣе энергїи, болѣе рѣшительности и важности *въ манерѣ пѣнїя*; ибо оно, бывъ соединено съ дѣйспвіемъ, должно выражатъ съ почностїю чувства, которыми актеръ изображаетъ. Часто одна ноша,

хорошо выдержанная, и слово, сказанное съ выраженіемъ, производящъ гораздо болѣе дѣйствія на сценѣ, чѣмъ всѣ мѣлкія, безжизненные рулады, беспрестанные лиги, морденши и проч., исчезающіе въ оркестрѣ (*). Эпѣхъ-по оппѣнокъ многіе пѣвцы наши не понимаютъ и слѣдовательно соблюдаютъ ихъ немогутъ; они по большой части поютъ на сценѣ пакъ, какъ надлежитъ пѣшь въ комнатахъ: эшо просходитъ опъ шого, что у насъ не рѣдко вступающіе на сцену опериспами не имѣютъ никакихъ предварительныхъ понятій о томъ искусствѣ, копорому себя посвящаютъ.

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

---

*Повѣсть странника о Странникѣ.
Статья третья.*

„Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведешь на верхъ горы высокой,“ и проч. и проч.

На верхъ какой горы: Парнасса, Олимпа или Чемборазы? въ розыскъ объ эшомъ не войдемъ; ибо *чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.*

(*). Особливо въ нашемъ, который очень часто не аккомпанируетъ пѣніе, но заглушаетъ его неумѣстной громозвучностью. Что не говорите; а какъ скоро рѣчь дойдетъ до держиванія оркестромъ для пѣнія, то невольно вспомнишь о г-нѣ Морини: можно рѣшительно сказать, что онъ по эшой часи музыкальнаго искусства у насъ не имѣетъ соперника. *Сог.*

А я люблю ходишь по опушкѣ лѣса, любовашься свѣшлымъ небомъ и цвѣшущими лугами.

Впрочемъ :

„Ой вы, горы! вы крупья!
 Чшо за вами шамъ блещишь?
 Тамъ не груды-ль золотья?
 Иль мечшъ — мечша лишъ льщишь?
 Не гонюсь за пустяками:
 Славны бубны за горами.“

Но верхъ горы и имя Ломоносова напоми-
 наюшъ о помъ, чшо рыбакъ *Холмогорскій* :

„Не на крыльяхъ классицима,
 А на крыльяхъ романтизма
 На ту гору залешъ,
 Гдѣ свои онъ пѣсни пѣлъ.“

А эшо значишь въ переводѣ, чшо Ломоно-
 совъ былъ самоучка. Сколько иногда нанижемъ
 словъ, чшобъ чшо-нибудь или ничего не ска-
 зашъ. А пошому Н. П. Николевъ и написалъ
 въ примѣчанія на свое *Дидактическое* посла-
 ніе: *меньше словъ, а больше дѣла*. Не знаю,
 сдержалъ ли онъ эшо условіе; но знаю, чшо
 онъ былъ уменъ и очень уменъ. За шо Павелъ
 Первый и подарилъ ему просшь съ золотымъ
 набалдашникомъ, осыпаннымъ брилліяншами,
 съ надписью: *à l'aveugle clair - voyant*. Сльпому-
 зрячему! . . . Чудеса! право чудеса! Сколько
 слешъло пѣсенъ съ форшепьяно нашихъ пѣвицъ,
 а Николева пѣсенка оспалась. И шеперь по-
 юшъ и очень хорошо поюшъ :

„Вечеркомъ румяну зорю
 Шла я съ горя посмотришь!“
 Охъ! ты, горе! горе жизни!
 Ты куда не залетишь?

„Гдѣ вѣтры могутъ дуть,
Тамъ ты, угрюмое! пробьешься;
Найдешь къ груди тяжелой путь;
Спрѣлою въ сердце занесешься.“

Проснишься! вспаньше изъ мглы могильной, Рафаэль, Корреджій! проснишься и кислію живошворной напишише вопшъ эшу каршину:

„За дальнымъ предѣломъ Океана, на голой скалѣ оспрова Елены сидишь великанъ нашего вѣка — сидишь Наполеонъ.

„Онъ сидишь! и вѣпры бушуютъ! Сверкаютъ молніи змѣисшыя; спонешъ Океанъ, какъ будшо бы дѣля глубокую скорбь своего пришельца.“

„Сидишь Наполеонъ! Ливнемъ льещя на него дождь! Изгнанникъ не слышишь ни свиспа вѣспровъ, ни рева бурь! сидишь и плачешъ; плачешъ, обливаешь крупными слезами локонъ волосъ сына своего, полученный украдкою! Наполеонъ плачешъ! . . . А не онъ ли говорилъ, когда убили Дезе, совоиспвенника его у пирамидъ исполинскихъ; не онъ ли говорилъ: *Для чего я немогу плакать?* . . .

О вы, берущіеся все рѣшить! рѣшите: когда былъ Наполеонъ щаспливѣе: *тогда ли, какъ не могъ плакать, или когда плакалъ?* Рѣшите! . . .

А мнѣ со скалы оспрова Елены позволъше заглянушь въ степь Аравійскую.

„Поушру, подъ вечерокъ
И на *Прѣсню*, и въ пустыни
Пушь для мысли недалекъ!
Не пеняя на судьбины,

Горе жизни (повторю)!
 Ты куда не залетаешь?
 И меня подчасъ пазасешь —
 Не сердясь говорю.“

Да и что проку сердиться! А почему? объ
 этомъ разскажу, слезавши въ спель Аравійскую.

Мечтатель.

А л ь б о м ь .

Съ молодою и прекрасною дѣвушкой, бли-
 скаяущею сими драгоцѣнными преимуществами
 во всѣхъ Московскихъ собраніяхъ, говорили,
 что одна дама, шанцуя на балъ, поскользнулась,
 упала и вспала преспокойно. Молодая и пре-
 красная дѣвушка, желавшая блисать еще и
ученостію, и *отборными выраженіями*, ска-
 зала: „Я никакъ бы не ожидала, чтобы она“ (по
 есть дама) „могла, упавши передъ пысячью
 глазъ, вспать съ хладнокровіемъ, испинно *ста-*
тистическимъ!“ Молодая и прекрасная дѣвуш-
 ка хотѣла сказать: *стоическимъ*. — Вотъ какъ
 опасно полагаешься на память!

Мы видѣли достопримѣчательный адрессъ
 одного учителя иностранца, живущаго въ Мо-
 сквѣ и предлагающаго свой услуги въ слѣдую-
 щихъ выраженіяхъ:

Mr. N., maître de langue. . . , demeurant dans
 la maison de * * *, donne des leçons aux grands hom-
 mes et aux petits enfans.

До сихъ поръ мы думали, что одна только
 судьба даетъ уроки *великимъ людямъ!* . . .

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

М А Р Т Ы Ш К А И Л Е О П А Р Д Ъ .

Б а с н ь .

Богатый Леопардъ , рожденъемъ знаменитый ,
 Держалъ отккрышый споль ; всякъ волень былъ ходить
 Къ нему поѣсть , попить .

Такіе дома сплошь и *всягиной* набиты .

Марышка разъ шуда голодная зашла ;

Споль видя , ахнула ; кладъ , думаешь , нашла ;

И съ видомъ истощеннымъ , томнымъ ,

Къ сидящимъ скромно подошла .

Окинувъ Леопардъ марышку взглядомъ гордымъ ,

Сказалъ : „Я радъ приняшь тебя въ число гостей ;

„Но благосклонности достойна будь моей .

„Я слышала , ты шутишь умѣешь превосходно ,

„Кривляешь рожицей и пляшешь безподобно :

„Такъ прежде позабавь !“ Марышка вдругъ прыжокъ ;

Скривила рожицу — ошдѣлалась ! довольно !

Въ знакомствѣ съ барамы впредь будешь жить привольно !

Но только лишь къ шолу — „постой ! постой , дружокъ !

„Немного поскачи !“ — Марышка наша скачетъ .

„Эй ! обручь !“ и несутъ . Марышка чуть не плачетъ ;

Сквозь обручь прыгъ шуда , ошуда разъ ;

И прыгаетъ ужъ часъ . . . .

Усшала — и къ шолу ; вдругъ *фора* раздаешся ;

Марышка гнется , жметъся ;

Туда , сюда прыгнетъ ;

Чуть шеи не свихнетъ .

Хозяинъ , какъ дуракъ , смѣетъся .

„Ахъ! какъ она мила!“

И госпи въ голось всѣ: Ахъ! какъ она мила!

„Поди ко мнѣ; возми въ подачу со спола

„Часпъ зайчика сухова.“

Маршышка подошла,

Но въ рыло Леопардъ ей даль полчка шакова,

Что искры у нея посыпались изъ глазъ!

*

Какъ жаль, маршышки, васъ!

Но что-жь? когдабъ щого бѣдняжка не перпѣла,

Въ обѣдъ-бѣ часпи не имѣла;

А шупъ она

За споль посажена;

Забышы всѣ мученья,

И сыто у нея желудокъ былъ набищъ:

Я вѣрю — ошъ движенья

Мы получаемъ аппешить.

Чшобъ бышь въ чеспи у баръ, вершися по погодъ:

Искусшво обезьянъ теперь въ великой модѣ.

Б* * *

Къ вольнодумцамъ.

Рабы чужихъ умовъ и дѣти заблуждений!

Еще ли жадете свободы буйной вы?

И вашимъ Маншорамъ что шепчетъ злой ихъ геній,

Трубите всякому, какъ данники молвы?

Гезумцы! вашъ удѣлъ есть рабство вѣковое,

И каждый бѣглый умъ есть вашъ уже деспошь.

Свободу чшите вы, какъ нѣчто бы святое,

И рабствуете вѣкъ подъ тяжестью заболъ! . . .

Свободными мы жить лишь можемъ подь закономъ,
 А безъ него нигдѣ святой свободы нѣтъ!
 И немощь вопіешъ напрасно тамъ со стономъ,
 Гдѣ своевольствіе подь власть законъ беретъ!

Апол. Бекетовъ.

П Р И Г Л А Ш Е Н І Е.

Князю Егору Александровичу Дадьяну.

Князь сердцемъ и душою!
 Сегодня на обѣдъ
 Къ намъ проложи свой слѣдъ;
 Насъ подари собою.
 Любовь, пріязнь твою,
 Я въ память внесь свою. —
 Все мигомъ исчезаетъ,
 Блишишь, иль не блисаетъ;
 Но память добрыхъ дѣлъ —
 Душевный есть удѣлъ!

Мегтатель.

КЪ МАРЬѢ СЕРГЕЕВЪ ГЛИНКИНОЙ.

Въ день ея рожденія.

Родитель нѣжный швой всю жизнь свою мечтая
 О радостяхъ въ людской судьбѣ,
 О щастіи земнаго рая,
 Нашель, нашель его. . . въ тебѣ!

Ш а р а д а.

Мой первый слогъ — союзъ;
 Пошомъ — изъ прехъ сестеръ вторая,
 А цѣлое — страна злая,
 И колыбель другая Музь.

С М Ъ С Ъ.

*Рускій театръ.*СПЕКТАКЛЬ ВЪ ПОЛЗУ ДѢТЕЙ ПОКОЙНАГО АКТЕРА
САВУРОВА.

Нѣтъ сомнѣнiя, что на каждого зрителя, умѣвшаго цѣнить палантъ Арписпа, надолго оспавившаго *пустымъ* мѣсто свое на сценѣ, первое впечатлѣнiе сердечнаго удовольствiя произведено зрѣлищемъ *полнаго* Большаго Театра, на кошоромъ, 8 Января, новая драма въ 5 актахъ, соч. Ансело: *Свѣтскiй человекъ*, дана въ *пользу дѣтей*, кажешся, для того именно, чтобы *дѣти* узнали заблаговременно о величайшихъ преступленiяхъ, *могущихъ* совершиться между *свѣтскими* людьми. Мы не заспали прехъ первыхъ дѣйствiй; но довольно видѣли, чтобы. . . не говоримъ о сей пiесѣ. Умалчиваемъ даже о переводѣ, доспойномъ ея содержанiя; скажемъ только, что несчастная жертва ужаснѣйшаго обольщенiя въ послѣдней прагической сценѣ поразила зрителей испинно прагическими движенiями, самыми сильными, самыми естественными. Это спрадальческое лице представлено г-жею Рѣпиною, кошорую публика вызвала при громъ рукоплесканiя, почти не уступавшемъ спрашному грому, попрысшему кулисы въ минушу *совер-*

шившагося злодѣянiя и возобновлявшемуся въ *промежуткахъ* діалоговъ, и копорая была вспрѣчена *шакимъ же* рукоплесканiемъ, когда явилась подъ любезнымъ именемъ *Кетли* въ прелесшномъ Швейцарскомъ костюмѣ, — какъ Альпійская роза: переходъ, свидѣльствующій необыкновенныя способности этой милой актрисы. Она играла и пѣла во все продолженіе сей извѣстной оперы - водевиля — *плѣнительно*. Слова: *мила, плѣнительно*, почти всегда нераздѣльны съ именемъ *Надежды Рѣпиной*, доказавшей собственнымъ примѣромъ, что рѣшительное стараніе во всякомъ дѣлѣ увѣнчивается желаннымъ успѣхомъ. Она была вызвана *шакимъ же* образомъ и послѣ сей пiесы вмѣстѣ съ ея искуснымъ переводчикомъ, г-мъ Ленскимъ.

Очень жалѣемъ, что мы не могли дождаться *Воспоминанiя*, инсценмедіи съ куплетами и хорами, *сочиненіе* г-на же Ленскаго, въ копорой участвовали всѣ артисты ИМПЕРАТОРСКАГО Театра и копорая, судя по авторскому дарованію сочинителя, безъ сомнѣнiя очень хороша. Мы послѣ узнали, что сіе Воспоминаніе относится къ незабвенному Сабурову. Оно уже и по предмешу своему приноситъ особенную честь любезному сочинителю.

П а р и ж с к і я л о д ы .

Въ придворномъ концертѣ нарядъ Королевы обратилъ на себя большое вниманіе. На ней было коричневое атласное платье, вышитое разноцвѣтными шелками.

— Мы замѣтили одинъ прекрасный бальный нарядъ; платье изъ бѣлаго газа à la Donna Maria; большая роза, окруженная множествомъ почекъ, была приколонна къ обоимъ рукавамъ, равно какъ и у пояса. На головѣ гирланда изъ розовыхъ почекъ представляла корзинку вокругъ головы.

— Другой бальный нарядъ также былъ замѣченъ въ отношеніи ко вкусу. На бѣломъ шелковомъ платьѣ падали отъ пояса при гирланды, представляющія *корраловые корни* (casine de corail) и оканчивающіяся на колѣнѣ пунцовымъ цвѣткомъ съ густыми листьями, у кошорыхъ всѣ жилки были золотыя. На головѣ двѣ вѣшки *корраловаго корня*; ихъ располагають въ видѣ райской пшцы.

— На гладкихъ газовыхъ или креповыхъ платьяхъ дѣлается родъ ошкрышаго блондоваго канзу. На бархашныхъ платьяхъ блонды упадають на рукава и придають имъ очень много красы.

— Двойное длинное перо, наклонное на одной сторонѣ такъ, чтобы оно, будучи перевернуто винтообразно, упало на противоположную сторону, очень много украшаетъ шляпки, называемыя *биби*, кошорыя надѣваются за-просто.

Изъясненіе картинки при семь No.

Чепчикъ и шемизетка изъ шюля, сложеннаго въ трубочки. Пеньюаръ верблюжьяго цвѣта. Дѣтской капоть атласный.

Печатать дозволяется, съ тѣмъ чтобы, по опшечашаніи, были представлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Января 18го дня, 1852 г.

Ценсоръ Сергій Ахсаковъ.

1832.

Парижскія Моды.

№ 4.

Данскій Журналъ .

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

Нѣкоторыя общія замѣчанія о нашемъ театрѣ и нашихъ актерахъ.

(Окончаніе.)

Пріянной голосъ и щасливая наружность въ молодомъ чловѣкѣ доспапочны къ принятію на шеастръ; и если дебюшанту случится пропѣть удачно любимую публичкой пѣсенку, или арію: то онъ по окончаніи своихъ дебюшовъ (до искусства дѣла нѣтъ) включается въ число актеровъ, занимающихъ первые амплау, и почти обыкновенно съ началомъ шеастральнаго поприща начнешся и школьная жизнь его; ибо за недоспапкомъ пѣвцовъ Дирекція нерѣдко была принуждена брать на

себя прудъ обучать ихъ пѣнію (*). Положимъ, что и подобный ученикъ - аршиспъ, имѣя хорошій голосъ, можешь нравиться публикѣ; но дальнихъ успѣховъ опъ поздняго ученія ожидать не возможно: голосъ — если можно сказать такимъ образомъ — естъ инструменпъ, самый непокорный, уступающій только неусыпнымъ стараніямъ и правильной *сначала ученія школѣ*, безъ которой пѣть превосходно *въ послѣдствіи* также невозможно, какъ и написавъ изящную каршину, неумѣя рисовать (**); искусиво же пѣнія не можешь приобръщаться на сценѣ: до *сольфеджіевъ* ли акте-

---

(*) Само собой разумѣется, что это не касается до П. А. Булахова, отличный талантъ котораго былъ извѣстенъ публикѣ прежде вступленія его на сцену. Присоединимъ къ этому, что г-нъ Булаховъ одинъ изъ лучшихъ въ Москвѣ учителей пѣнія. *Сог.*

(**) Не лзя не удивляться, когда вспомнишь, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ оперистовъ нашихъ, прочіе очень плохо знаютъ музыку и что это *незнаніе* нимало не препятствуетъ имъ участвовать (по крайнѣй мѣрѣ безошибочно) въ самыхъ многосложныхъ *troupeaux d'ensemble* Веберовыхъ и подобныхъ ему композиторовъ: не доказываетъ ли это необыкновенную способность Рускихъ къ музыкѣ? Замѣтимъ также, что языкъ нашъ весьма благопріятствуетъ гармоніи. Нѣтъ ни одного изъ новѣйшихъ языковъ, исключая Итальянскій, который былъ бы столь благозвученъ и сливался бы пріятнѣе со всеми измѣненіями музыкальныхъ тоновъ. При первомъ взглядѣ покажется непонятнымъ, опъ чего при такихъ преимуществахъ мы до сихъ поръ довольно бѣдны отечественными пѣвцами; но это недоумѣніе исчезаетъ, когда обратимъ вниманіе на то, что у насъ тощъ классъ людей, изъ котораго происходятъ пѣвцы - актеры наши, не имѣетъ никакихъ средствъ къ правильному изученію пѣнія: у насъ нѣтъ не только Консерваторіи, какова Парижская или Неаполитанская, но даже и школы, основанной какъ бы надлежало для достиженія желанной цѣли. *Сог.*

ру, обремененному ролями? Ему нѣкогда объ нихъ и подумашъ; все его ученіе (если это можно назвать ученіемъ) соспоишъ въ шомъ, что онъ проходишъ свои паршиці *сѣ Маэстромъ*, имѣя въ виду не усовершенствованіе своего искусства, но единственно изученіе наизусть своей роли. Вотъ опъ чего знашокъ почти никогда и не замѣчаешъ въ нѣкошорыхъ пѣвцахъ нашихъ шой *самонадѣянности* или, лучше сказашъ, *самобытности*, шоль необходимой для соспавленія опличнаго паланша; въ нихъ видна, почти всегда, какая-то ученическая несмѣлость. Кажешся, что не они управляютъ своимъ пѣніемъ, но пѣніе управляетъ ими; чувствуешъ, что они *импровизировать* никакого пассажа (*agrément*) не могутъ, но рабски исполняютъ шѣ, копорые внушены имъ училелемъ; а это много опнимаешъ живости и даже щеголеватости у пѣнія. Безпрестанная забота о шомъ, чтобы не забышъ въ такомъ-то мѣстѣ выученнаго *морденто*, въ другомъ *рулады*, въ прешьемъ *апподжіатурѣ* и проч. холодишъ пѣніе, связываешъ пѣвца и опнимаешъ половину физическихъ способностей (*). Всѣ сіи послѣдніа замѣчанія сказаны не

(*) Голосъ чловѣческой подверженъ столькимъ измѣненіямъ, что пѣвецъ иногда долженъ употребить все свое искусство для воспоржествованія надъ *внезапно-слугившимся* недостаткомъ шѣхъ способовъ, которыми онъ обыкновенно обладаетъ. Многіе случаи могутъ, не уничтожая голоса, временно опнять быстроту и гибкость въ органѣ, дозволяющія артисту отваживашся на самыя смѣлыя пассажи. Въ такомъ-то случаѣ самобытность паланша и нужна для пѣвца: она доставляетъ ему средства — слишкомъ трудныя на этошъ разѣ для его голоса пассажамъ или украшеніе замѣнить легчайшими, болѣе собственными настоящему расположенію его органа, и пѣніе

въ укоризну арписпамъ нашимъ: укоряшь въ томъ, что *не зависитъ* отъ нихъ, было бы несправедливо, тѣмъ болѣе что пріятныя паланты многихъ изъ нихъ весьма способны доставлять удовольствіе такимъ слушателямъ, которые довольствуясь *хорошимъ*, не ищущъ или не понимаютъ *превосходнаго*. Прекрасный поющій басъ (basse-chantante) г-на Лаврова; благозвучный, вѣрный и довольно сильный голосъ г-на Баншышева; природныя дарованія г-жи Пелровой; искусная и милая (*) игра г-жи Рѣпиной; очаровательной теноръ и изящная метода П. А. Булахова имѣющъ конечно неоспоримое право нравиться не только любителямъ Руской оперы, но въ нѣкоторомъ отношеніи даже знаатокамъ, нрѣдко болѣе снисходительнымъ, чѣмъ невѣжды.

Привыкшіе судить односторонно, для которыхъ между превосходнымъ и дурнымъ не существуетъ ни посредственнаго, ни посредственно-хорошаго, ни прекраснаго, скажутъ, можетъ быть, что исчисливъ невыгодныя стороны арписповъ нашихъ, я прошиворѣчу самъ себѣ, когда хвалю пріятность ихъ палантовъ. Вошь мой опѣшь: пѣшь *не-театрально* и пѣшь *дурно* не есть одно и то же. Здѣсь идетъ рѣчь о болѣшемъ или меньшемъ совершенствѣ искусства или, лучше сказать, о томъ, чего бы знаатоки желали для славы сцены нашей.

К. Е. Дадьянъ.

приобрѣтаетъ еще болѣе блеска отъ разнообразія, съ которымъ онъ исполняетъ одну и ту же музыку. *Сог.*
 (*) Да простятъ мнѣ сіе выраженіе: оно лучше всякаго описываетъ игру сей опытной, пріятной и всегда уважающей публику актрисы. *Сог.*

*Повѣсть странника о Странникѣ.
Статья четвертая.*

ПОСЛАНИЕ КЪ А. ВЕЛЬТМАНУ.

Предисловіе.

Какъ! *предисловіе* къ посланію? . . .

Почемужь нѣтъ? . . .

Всѣмъ извѣстно, что и огромная *Энциклопедія*, почиаемая въ осьмнадцатомъ вѣкѣ вмѣстѣ спилищемъ всѣхъ мудросшей ума человѣческаго, — что и эта Египетская библіотека не обошлась безъ *предисловія*. Извѣстно также, что *предисловіе* сочинялъ пошъ самый *Аламберъ* или *Даламбертъ*, котораго Екатерина Вторая пригласила въ наставники Наслѣднику Престола и который ошвѣчалъ: *Кусокъ хлѣба, стаканъ воды — и друзей моихъ предпочитаю всѣмъ сокровищамъ міра.*

П р е к р а с н о !

Однакожь *Лагарпъ* замѣчаетъ, что и шупъ прокрадывалось *Ларошфульдское* себялюбіе. „Даламбертъ“ говоришь *Лагарпъ*“ былъ чахошочень и пошому не диво, что ошвергъ богашство.“

Увы! да вѣдь бываетъ *чахотка* и въ карманѣ. Увы! чахошному еще нужнѣ звонкость. Увы! богачъ Фернейскій говоришь: *la pauvreté n'est pas un vice, mais c'est un grand malheur.* Увы! бѣдень, да чесень: эта поговорка давнымъ давно ошжила. Увы! кажешся, въ комедіи: *Слѣпой*, Сумароковъ сказалъ: „Безъ жизни можно жить, шо ешь на томъ свѣтѣ, а на эшомъ свѣтѣ безъ денегъ и умереть не лзя. Увы!“

Спранное дѣло! безъ денегъ и умереть не
 лзя! Госпожа Севинье сказала еще спраннѣе:
 „Если бы я не вѣрила Провидѣнію; по давилась
 бы по десятии разъ на день.“ Довольно и одного
 раза! — можно-бъ было возразить.

Но я не люблю никому возражать. То ли
 дѣло воля, да воля! Лешай! пари! гуляй! шакъ
 и долешишь. . . . до посланія.

И шакъ посланіе къ Вельшману.

Мнѣ ли, филину лѣсному,
 Соловьемъ по роцѣ пѣть?
 Мнѣ-ль тянушь по пустому
 За побою въ слѣдъ лешѣшь?

Мнѣ; какъ будто *Бурмоствку*,
 Только, шолько бы мурчать,
 Иль поклонъ отдавши вѣку,
 Запайшься и молчащѣ.

Всѣмъ извѣстно, что сочинитель *обворо-
 жительнаго* Киргисъ - Кайсака сочинилъ и сказ-
 ку о кошѣ *Бурмоствкѣ*.

„А каждая сказка
 Вѣдь есть на что нибудь указка.“

А жизнь наша?

„Всѣ люди живутъ;
 Какъ миль - цвѣшь цвѣшушь.“
 Мод-жь голова
 Вянешъ, какъ шрава.“

Ничего! ничего!

Говоря о жребіи волосъ своихъ, Эдипъ Озе-
 рова сказалъ:

„Ихъ изсушила скорбь и вѣтеръ ихъ разнесъ!“
 Эдипъ! . . .

Что же шакое жизнь наша?

Плещешь море волнами кипящими; мчишь ладью отъ вала *девятаго* къ валу *десятому*. То на мѣль брошена ладья, шо несется къ скаламъ: шрепещи, бѣдный пловецъ! Спрахъ и надежда борюшся въ душѣ его.

Ушхило море; разцвѣло небо, и пловецъ заплѣлъ :

Возвратилася надежда ;
Возвратилася и радость !

Чудо ! . . .

Мечтатель.

ЕГИПЕТСКІЯ ПИРАМИДЫ.

(Изъ *La Contemporaine en Egypte.*)

Египетскія пирамиды видны издалека. Если бы я не обѣщалась бышь искреннею во всѣхъ своихъ ощущеніяхъ ; шо съ шрудомъ бы осмѣлилась говорить о шѣхъ, кошорыя произвелъ во мнѣ видъ сихъ древнѣйшихъ зданій въ мірѣ ; когда мы посѣщили ихъ : ощущенія шягосшныя, печальныя, кошорыя, вмѣсто шого чшобы уменьшиться, еще увеличились, когда я разсмашривала сіи исполинскія зданія суешности человеческой, находясь подлѣ фундамента, занимающаго болѣе двухъ сошъ шаговъ отъ одного угла до другаго. Гизехскій горизонтъ, и сіи необозримыя поля, сія долина гробницъ не шолько не показали мнѣ прекраснѣйшею шраною на землѣ, но представили глазамъ моимъ однѣ шолько безплодныя и печальныя пущыни, гдѣ поглошилось шакое множештво народовъ и Царей. Сіи песчаныя моря ужасающъ своимъ однообра-

зіємь всякаго , кто только несумазброденъ подобно *Англійскому классику* (*), ушверждающему, что *самая грязь святаго града не безъ привлекательности.*

Мы въѣхали въ Каиръ вечеромъ 16 Іюля 1829 года чрезъ Эльбекирскія вороша, гдѣ Клеберъ палъ подъ ударами смертоубійцы фанатика. Это мѣсто, предсавленное нашими аршисшами подѣ пысячью образовъ, не напоминаешъ ничего изъ произведеній карандаша или кисти ихъ. Они нарисовали дворцы шамъ, гдѣ взоръ видить одни только дома въ развалинахъ; правдивымъ паланшомъ своимъ разсыпали золошо и пурпуръ шамъ, гдѣ испина предсавляешъ однѣ только лахмошья; написали гордыхъ коней вмѣсто медленныхъ и безобразныхъ верблюдовъ, ословъ и дурныхъ лошаковъ, пересѣкающихъ другъ друга во всѣхъ направлєніяхъ по продолговатому чешвероугольнику, весьма обширному, но не вымощенному, гдѣ скошина ищешъ скудной пици подѣ шѣнью шрежъ или чешырежъ смоковиць, палимыхъ солнцемъ.

А л ь б о м ь .

Можещъ бышъ, по какому нибудь печальному предчувствію о судьбѣ своего сочиненія, Викторъ Гюго назвалъ свои послѣднія стихопворенія *Осенними листьями.* Въ самомъ дѣлѣ сіи стихопворенія имѣли участь осеннихъ листьевъ: блеснули только на одинъ день въ увѣдо-

---

(*) Евстафію, автору Классическаго пушешествія по Италіи.

мленіи отъ издашеля. Нѣтъ сомнѣнія, что полищическія развлеченія много охлаждали публику; но должно шакже сказаць, что и недоумѣніе между секшорами Викшора Гюго было, конечно, не малое. Кромѣ двухъ или прехъ піесъ, ознаменованныхъ печашью новой школы, кажешся, что сей великій полководецъ Парнаскихъ Башкирцовъ оставилъ кнушь, копорымъ грозился на Музь, и взялъ лиру менеспредя, и что отъ крупной скалы, на копорую взбирался впереди Сен - Бевовъ и другихъ бичей языка и сладкогласія, хопѣль бѣжашъ для того, чтобы пѣшь благозвучно по слѣдамъ Ламаршина.

Приводимъ въ подкрѣпленіе нашего обвиненія слѣдующія доказательства :

Oh primavera gioventù dell'anno!

Oh gioventù! primavera della vita.

O mes lettres d'amour, de vertu, de jeunesse,

C'est donc vous! je m'enivre de votre ivresse;

Je vous lis à genoux.

Souffrez que, pour un jour, je reprenne votre âge!

Laissez - moi me cacher, moi, l'heureux et le sage,

Pour pleurer avec vous.

J'ai donc dix-huit ans! J'étais plein de songes!

L'espérance en chantant me berçait de mensonges,

Un songe m'avait lui.

J'étais un dieu pour toi, qu'en mon coeur seul je nomme;

J'étais donc un enfant, hélas! devant qui l'homme

Rougit presque aujourd'hui.

O tems de rêverie, et de force et de grâce!

Attendre tous les soirs une robe qui passe!

Baiser un gant jeté!

Vouloir tous de la vie, amour, puissance et gloire!

Être pûr , être fier , être sublime ; et croire

A toute pureté.

Aprésent j'ai senti , j'ai vu , je sais. — Qu'importe,

Si moins d'illusions viennent ouvrir ma porte

Qui gémit en tournant !

Oh ! que cet âge ardent , qui me semblait si sombre ,

A côté du bonheur qui abrite à mon ombre ,

Rayonne maintenant !

Que vous ai-je donc fait , ô mes jeunes années !

Pour m'avoir fui si vite , et vous être éloignées ,

Me croyant satisfait ?

Helas ! pour revenir m'apparaître si belles ,

Quand vous ne pouvez plus me prendre , sur vos ailes ,

Que vous ai-je donc fait ?

Oh ! quand ce doux passé , quand cet âge sans tâche ,

Avec sa robe blanche où notre amour s'attache ,

Revient dans nos chemins ,

On s'y suspend , et puis que de larmes amères

Sur les lambeaux flétris de nos jeunes chimères ;

Qui vous restent aux mains !

Oublions , oublions ! quand la jeunesse est morte ;

Laissons nous emporter par le vent qui l'emporte

A l'horizon obscur.

Rien ne reste de nous ; notre oeuvre est un problème ,

L'homme , fantôme errant , passe sans laisser même

Son ombre sur le mur.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Петру Александровичу Булахову (*).

Прочь, холодное искусство!
 Сердце — сердцу говорить.
 Жизни нашей въ сердцѣ чувство! . . .
 Разсужденіе — все мертвить,
 Булаховъ! ты сердце знаешь;
 Изъ него ты извлекаешь
 Голосъ сладостный — души.
 За болѣзнію унылой,
 Нашъ пріятель добрый, милой,
 Зашерялся ты въ пиши,
 Но свои мы слышимъ звуки:
 Сердцу съ сердцемъ нѣтъ разлуки.
 Не поешь, но голосъ пвой
 Породнился такъ съ душой,
 Чшо и самое молчанье
 Говорить, повѣрь, сердцамъ.
 Гдѣ самой души созданье,
 Нѣтъ предѣла чувству тамъ,
 Выздоровливай, другъ милой!
 Оживись съ весной — весной;
 И своей душевной силой
 Щастье жизни намъ воспой.

Метатель.

(*) Экспромтъ, написанный *безъ малѣйшей поправки* въ кругу друзей на Прѣснѣ. *Изд.*

К ъ П о э т у.

Другіе съ почестями свѣша
 Хладѣли къ почестямъ даровъ
 Опъ щедрыхъ къ избраннымъ боговъ :
 Въ тебѣ мы зримъ всегда Поэша , —
 Поклонника Парнасскихъ дѣвъ !
 И твой при западѣ напѣвъ
 Не измѣнилъ зари напѣвамъ !
 Огнь Весты свяшо сохранилъ —
 И ты всегда любезень , милъ
 Всегда любезнымъ , милымъ дѣвамъ !
 Пой , нашъ Горацийъ , Меценатъ !
 Внимаешь твоимъ я пѣснямъ радъ :
 Онѣ мнѣ служатъ пробужденьемъ
 Опъ лѣни , грусти и суешь !
 Тебѣ внимая съ наслажденьемъ ,
 Подчасъ скажу : *И я поэтъ !*

Ш а р а д а.

Мой *первый* слогъ — всего начало и конецъ ;
 Онъ грозенъ вѣкъ для злыхъ , благъ для благихъ сердець.
Второй — идешь за имя между нами ,
 Когда его произнесемъ устами ;
 Но на Нѣмецкомъ языкѣ.
 А *цѣлое* мое . . . всѣ , вѣрно , угадають ,
 Когда скажу : оно не вдалекѣ ;
 Ему , какъ Промыслу , опцы дѣшей ввѣряють .

Моск. Мал. Отд. Кадетъ Венедиктовъ.

С М Ъ С Ъ.

*Вечеръ у Княгини Варвары Васильевны
Голицыной.*

Ежели бы надлежало имѣть *право* на все; по нѣчто болѣе почтенной хозяйки ни имѣлъ бы права — на веселье: ибо кому неизвѣстны ея благошворенія, оказанныя бездомнымъ сиротамъ въ злополучное время нашей Столицы?

И шакъ вечеръ у Княгини Варвары Васильевны былъ, конечно, однимъ изъ самыхъ веселыхъ, какіе только бывающъ въ столицахъ.

Онъ начался спектаклемъ на прекрасно устроенномъ шеапрѣ съ прекрасными декораціями, зала кошораго вмѣщала въ себѣ до 130 зришелей, сидѣвшихъ очень спокойно; а спектакль начался комедією въ одномъ актѣ, переведенную съ Французскаго В. М. Бакунинымъ: *Дѣв тайны, или испытаніе.*

Какая разница между комедіями, играемыми на публичномъ шеапрѣ и на шеапрѣ общества! Въ послѣднихъ видимъ именно шѣ лица, кошорыя выведены авторомъ на сцену, погда какъ въ послѣднихъ — не узнаемъ сихъ лицъ: причину сей разницы угадашь не прудно. Вы скажете объ *искусствѣ*, кошорое *изучается* людьми, посвятившими себя шеапральному поприщу. Но *извѣстное воспитаніе*, но *хорошій тонъ*, но *свѣтское обращеніе* не замѣняющъ ли сего искусства, кошорое впрочемъ главнѣйше состоишъ въ *подражаніи* исчисленнымъ нами качествамъ? Присо-

едините къ нимъ и нѣкоторое *драматическое дарованіе*, въ кошоромъ природа *никому* не отказываетъ, и тогда. . . . Но Чипапельницы наши непергѣливо желаютъ знать, *какъ шелъ спектакль?* Со всею математическою точностію отвѣчаемъ: „Очень, очень хорошо! а особливо опера-водевиль въ одномъ актѣ, сочин. В. М. Бакунина: *Княгиня и Княжна*. Совершенно *новымъ* сюжетомъ, масперки выдержаннымъ; куплетшами, исполненными апшической соли, невыисканнаго остроумія и многихъ поучительныхъ испинъ; языкомъ, нимало не *книжнымъ*, и оплчною игрою Елены Ивановны Колошиной сія піеса съ начала до конца не переставала веселить зритель, отдававшихъ всю *справедливость* Авшору. — Не было недосапка и въ хорошихъ голосахъ.

Въ первой піесѣ играли: *Графиню А. И. Фельцманъ*; *Адольфа* Кн. Н. Н. Трубецкій; *Эрнеста* П. И. Гессе; *Луизы* Л. М. Телегина; *Педро* Г-нъ Дмипріевъ; *Фламана* И. П. Йогель.

Во второй: *Князя Сенирскаго* А. И. Цемшъ; *Княгиню Сенирскую* А. И. Фельцманъ; *Княжну Сенирскую* Е. И. Колошина; *Графа Зенандина* С. Ф. Сазановичъ; *Леониллова* П. И. Гессе; *Енисейскаго* Г-нъ Дмипріевъ; *Анфизова* Кн. А. И. Дулгорукій.

Спектакль заключился *Шарадою*. Въ первой часпи были сцены изъ оперы: *Отець и дочь*. Представляли: *Сумасшедшаго* Кн. А. И. Дулгорукій; *Доктора* А. И. Цемшъ; *Инспектора* Кн. Н. Н. Трубецкой. Вторая часпъ сошояла изъ диверписмана: *Ярмарка*, въ кошо-

ромъ панцовали: поруски юная К. Н. Ладыженская. Надлежало видѣшь ея мимику и пѣлодвиженія! Ничего не можешъ бышь живописиѣ, пѣнишельнѣ! Вообразите Альбанову сельскую Грацію. Поширольски Т. Н. Ладыженская и К. А. Тарновскій. Эпошъ 5 - лѣтній ребенокъ при рожденіи вѣрно былъ приняшь на руки Терпсихорою, кошорая усердно качала его въ своей воздушной колыбели. Чшо за прелеспная пара!... Пошомъ слѣдовалъ Малороссійскій панець съ пѣніемъ, премилый панець, въ кошоромъ ошличались К. Н. и В. Н. Ладыженскія, Н. М. Телегина, М. И. Залѣская и ошпашъ ангель - ребенокъ — Тарновскій. Е. И. Калошина и Кн. А. И. Долгорукій пѣли Нѣмецкій дуэшь — чрезвычайно забавно. Г-да Дмипріевъ и Давыдовъ Жидовскій дуэшь, и намъ казалось, чшо мы на Бердичевской ярмаркѣ. А. И. Фельцманъ и С. Ф. Сазановичъ пѣли дуэшь: *Соловей и Тройка* — прекрасно. Пошомъ Кн. А. И. Долгорукій пѣлъ Нѣмецкую арію — уморительно. Г-нъ Дмипріевъ пѣлъ Рускіе привѣшшвенные куплеты и былъ привѣшшшвованъ рукоплесканіемъ. Наконецъ славный виршуозъ національнаго инструмента, Г-нъ Радивиловъ, игрой своей на *балалайкѣ* удивлялъ какъ не лзя болѣе.

Въ прешей и послѣдней часши Кн. А. И. Долгорукій явился въ костюмѣ *Микелли* и съ его *бочкою*, кошорая и объявила ошгадочное слово *Шарады*.

По окончаніи спектакля или спектаклей начался *балъ*, споль же веселой какъ и все, ему предшешшвовавшее.

П а р и ж с к і я л о д ы .

Превзойти моду прѣстолою гораздо славнѣе, нежели богатствомъ. Нѣсколько дней тому, одна знатная дама появилась на балъ съ гирляндой натуральныхъ цвѣтѣвъ на головѣ. Конечно, они скоро увяли, но подобнымъ изобрѣщеніемъ доказывається умъ и вкусъ. Гирланда, о кошорой говоримъ, была à la jardinière изъ самыхъ рѣдкихъ цвѣтѣвъ по времени года, и два часа не увядала. Эшо напоминаетъ моду, существовавшую лѣтъ за пятьдесятъ предъ симъ: дамы, чтобъ сохранить свои цвѣты какъ можно долѣе, носили на головѣ маленькія вазы съ водой, прикрывали ихъ косами и ставили во внутренность вазъ букеты. Чтобы понять эшу моду, надобно вспомнить, что тогда танцовали одни только менуэты и присѣдали шихо, не дѣлая нималѣйшаго движенья корпусомъ.

— Бархатныя платья вышиваются нынѣ золотомъ надъ колѣномъ. Тюрбаны очень идутъ къ симъ платьямъ.

— На балахъ желтый цвѣтъ болѣе другихъ въ употребленіи. Платья шелковыя, газовыя или креповыя желтаго цвѣта, съ агатовыми вещами, весьма въ модѣ.

— Бѣлыя газовыя эшарпы вообще предпочитаются боа, особенно на вечерахъ.

Изъясненіе картинки при семь No.

Прическа парикмахера Нарциса, съ жемчугомъ и цвѣтами. Платье креповое, вышитое шенилью.

Шарада, напечатанная въ предыдущемъ No, значить:
Италія.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечатаваніи, были представлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Января 22 го дня, 1861 г.

Ценсоръ Сергій Аксаковъ.

1852.

Парижскія Моды.

№ 5.

Данскій Журналъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

О ж е н щ и н а х ъ.

Женщины, своими сладостными и тихими склонностями, составляют прелесть и украшение жизни. Грудь ихъ лелѣетъ насъ и питаетъ; заботливыя руки ихъ опираютъ слезы нашего дѣтства. Съ весны дней нашихъ женщины навѣвають на насъ щасливую будущность и любовь ихъ, вѣчно дѣтельная и попечительная, украсивши всѣ минушы юности, на закашъ жизни посылаетъ еще намъ дни ясныя, минушы усладительныя! Священныя узы родства и дружбы! какъ вы щасливы своимъ могуществомъ! И послѣдняя степень бытія человеческого, нерѣдко почтенная славою и добродѣ-

пелю, чуждая уже, по видимому, нѣжныхъ впечатлѣній сердца, приноситъ съ собою воспоминаніе минувшихъ ощущеній, и все еще питается любовью.

У Грековъ, какъ у народа чувствительнаго и спраснаго, опъ природы обожающаго любовь и Грацій, женщины приготавливали и украшали собою всѣ пріумы. Сократъ, окруженный блескомъ мудрости, жертвуетъ красотою. Кто не удивлялся прогательной рѣшимости Карфагенскихъ женщинъ, которыя, сбросивъ съ себя всѣ украшенія, но не покинувъ внутренняго достоинства и славы, подали опечеству, во дни его бѣдствій, незабвенный примѣръ величія и добродѣтели? И кому не извѣстно происшествіе, случившееся въ Римѣ, гдѣ слезы Веспуріи нѣкогда обезоружили гнѣвъ раздраженнаго побѣдителя и спасли Капитолій?

Не у мѣста было бы упоминать здѣсь о поспыдномъ измѣненіи склонности, вошедшемъ въ обычай у Восточныхъ народовъ. Тамъ въ любви извѣстны одни только чувствительныя ощущенія; они не вкушаютъ сего божественнаго сочетанія любви и дружбы, уваженія и довѣренности. Женщины! вы, которыя съ мыслию о себѣ возбуждаете мысль о добродѣтели, а съ поперею скромности лишаетесь всего, вамъ принадлежащаго! когда вы стремитесь къ почестямъ не иначе, какъ спезею самозабвенія; по опавляете по себѣ слѣды и нашихъ слабостей.

Сила чувствъ принадлежитъ существенно женщинамъ. Ихъ живое воображеніе съ жаромъ усремляется на все, имѣющее видъ благородной смѣлости. Будучи по природѣ нѣж-

ны и робки, онѣ должны бороться со внутреннимъ ихъ обольстителемъ — сердцемъ, и въ то же время отражать внѣшнія нападенія. Къ счастью, необходимую для себя опору нерѣдко находятъ онѣ въ великодушій мушину.

Таково было рыцарство. Каждый знаетъ строгость его законовъ; это былъ нѣкоторый родъ богослуженія, при коемъ честь и любовь были единственными кумирами; а скромность и чистота нравовъ — его достоинствами; но по мѣрѣ своего распространенія, оно постепенно вовлекалось въ слабости, несомѣстныя съ симъ званіемъ. Пламенное воображеніе отважныхъ и вѣрныхъ рыцарей раздражалось препонами; все казалось бисвою въ глазахъ сихъ храбрыхъ сыновъ чести. Но и примѣрное постоянство упоминается излишними испытаніями для желаній, ежеминутно рождающихся и исчезающихъ; любовь долженствовала быть одною лестною для нихъ перспективою. Вотъ что побуждало рыцарей золотого вѣка къ ихъ блистательнымъ нашествіямъ.

Любовь одушевляла рыцарей въ битвахъ; она же назначала и награды за ихъ воинскія доблести: щастливое время, когда постоянство умѣло упрочить себя непостоянствомъ счастья!

Ежели есть на землѣ страна, гдѣ обожаютъ женщинъ, то это — Франція: здѣсь настоящая родина любви. По свидѣтельству Тацита, Галлы имѣли къ женщинамъ уваженіе, подходившее даже къ богошворенію.

Со времени Кловиса до Франциска I, думавшаго, что Дворъ безъ женщинъ похожъ на

весну безъ розъ, и съ самой сей эпохи до нашихъ дней — все свидѣльствуетъ объ ихъ успѣхахъ и вліяніи. Нигдѣ историческія лѣтописи не представляютъ эпохи славнѣе и знаменитѣе для сего прелестнаго пола, какъ царствованіе Лудовика XIV.

Сей знаменитый вѣкъ, истощавшій во всѣхъ родахъ пособія генія, къ довершенію славы своей, долженъ былъ еще придашь изящество нравамъ, снабдишь правилами и образцами искусство нравиться. Эпохъ вѣкъ ежеминутно напоминаетъ воображенію нашему о прелестномъ слогѣ госпожи Севинье, о пѣпическомъ дарованіи г-жи Дезульеръ, о психой чувствительности и превосходномъ умѣ госпожи Ламберъ, о произведеніяхъ ученаго и трудолюбиваго пера г-жи Дасье; о г-жѣ Меншенонъ, и ея благодѣтельныхъ учрежденіяхъ.

Вспоминая о славныхъ женщинахъ того времени, не лзя забыть или не упомянуть съ похвалою о прекрасной и обворожительной Нинонъ; ей недоставало пріятностей, свойственныхъ ея полу, и той нравственности, безъ которой женщина не имѣетъ правъ на наше уваженіе.

Если бы симъ мирнымъ слушницамъ нашей жизни я могъ предложить нѣсколько мыслей о ихъ воспитаніи, то прежде всего обратилъ бы заботливое вниманіе на ихъ раждающіяся склонности. Я приготовилъ бы сердце ихъ къ принятію всего нравственно добраго, а разумъ направилъ бы къ единой пользѣ, и сказалъ бы имъ: „Исполненіе своихъ обязанностей есть

ваше наслажденіе , а данное вамъ назначеніе — есть источникъ вашихъ добродѣтелей.»

Убѣжденный опытомъ , что излишнее разсѣяніе проповно и скромности , и благоприличію женщинъ , я желалъ бы поселишь въ прекрасномъ полѣ охоту къ уединенію. Уединеніе , пріюпъ невинности и пишины , покоитъ душу и предохраняетъ юность отъ искушеній. Здѣсь развиваются сіи пихія и сладостныя ощущенія , составляющія прелестъ нѣжныхъ душъ , опоры несчастныхъ и щастіе семействъ.

Изъ всѣхъ добродѣтелей , коими обладаютъ женщины , нѣтъ ни одной столь пламенной , столь сильной , какъ любовь. Безъ любви чувствительность женщинъ есть не иное что , какъ живое скоропроходящее ощущеніе ; какъ опасное желаніе видѣшь рабовъ у своей колесницы. Но любовь , чистая , высокая , небесная , оправдываетъ всѣ ваши пріумфы.

Чѣмъ болѣе спраспи удерживаются въ своихъ порывахъ , тѣмъ спановящся сильнѣе : онѣ образуются въ молчаніи и раздражаются сопровивденіемъ. Любитъ или ненавидѣтъ : вопъ два чувства , вообще господствующія надъ женщинами. Любовь , какъ спраспъ , вполне ими чувствуемая или выражаемая , составляетъ прелестъ и главную цѣль ихъ жизни. Воображеніе , пламенное и быспрое , заставляетъ чувства предшествовать мысли. Удовольствія , занятія , успѣхи и даже самыя усилія служатъ мущинѣ къ разсѣянію ; женщина , такъ сказать , сосредоточенная въ чувствахъ своихъ , видитъ одну только любовь на пуши жизни — и сейпо пушь долженъ бытъ обозрѣваемъ женщиною со всевозможнымъ вниманіемъ !

Въ мужчинѣ желанія, часто обдуманныя, придають смѣлость. Въ одномъ любовь есть побѣда, въ другой — жертва.

Потребность жить для другихъ есть какъ нѣчто необходимое въ существованіи женщинъ; но онѣ должны чинить въ самихъ себѣ опличительный характеръ, данный имъ вмѣстѣ съ жизнію. Природа, покрывши чело ихъ румянцемъ спыдливости, довольно ясно шѣмъ показала ихъ назначеніе: она не желала видѣть въ женщинахъ вѣроломства; одаривши ихъ скромностію, не думала уполномочить властію. Жить для нашего щастія, быть предѣломъ всѣхъ надеждъ нашихъ: вотъ ихъ опредѣленіе въ семь мѣръ.

Прелесныя созданія! если мущина, въ минуты самозабвенія, упоенный могуществомъ, заграждаешь вамъ путь ко славѣ, то ушѣшьшись и не допускайте прискорбію овладѣть собою: небо, образуя васъ на то, чтобы нравиться и плѣнять, хотѣло дать вамъ достойнѣйшее назначеніе. Вы могли бы съ гордостію указать на женщинъ героинь и законодательницъ: на Изабеллу — въ Каспидіи, Елисавету — въ Англіи, Марію-Терезію — въ Венгріи и наконецъ Екатерину — на Сѣверѣ, управляющихъ обширными Государствами и носившихъ съ честію державу и скипетръ; но природа скупа на подобныя явленія. Впрочемъ излишняя власть поршитъ добрыя качества сердца и охлаждаетъ вкусъ къ истиннымъ наслажденіямъ. Снисхожденіе къ слабости, состраданіе къ нещастію: вотъ чувства, имѣ-

юція гораздо бѣльшее право на ваше сердце, нежели преимущества политическія. Вы рождены для побѣдъ, болѣе шихихъ; и мужество, прикованное къ подножію любви, есть лучшей девизъ, достоинѣйшій украшать ваше милое владычество.

*

16 го Января 1832 года.

---

*Повѣсть странника о Странникѣ.
Статья пятая.*

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ ВЕЛЬТМАНУ.

Куда ты заводишь
Нась мыслью своею?
И какъ ты приходишь
Самъ обратно къ ней?
И Странникъ твой милый,
Веселый, унылый —
Не жизнь-ли души? . . . .
То дремлемъ въ тиши;
То бурею мчимся;
То радостью льщимся;
То въ гробъ ногой.

И безъ рифмы поминай, какъ звали! — Не возьмешь съ собою ничего; а въ рифму: *ногой*, не возьмешь и того, что было подъ *головой*.

А забошимся! а возносимся! а прудимся!
а мудримся! а спарикъ Фернейскій кричишь:

En vain par vos travaux vous courez à la gloire,
Vous mourrez; c'en est fait. . . .

Посмотрите, какъ въ своемъ Экклезіастѣ перевелъ Н. М. Карамзинъ стихи. У меня сочиненій его нѣтъ: книгу держу какъ можно мѣнѣе; зрѣніе мое шупьешъ; а того, что Англичане называютъ *благодѣніемъ старости*, носишь или не хочешь, или не умѣю. А почему? спросите въ шляпной лавкѣ г-на Спужина, сколько я изношу шляпъ въ году; а ошъ чего? скажу послѣ; если же вамъ досугъ, по прочитайше *Геллертову* басню о шляпѣ.

„Да когдажь выскажите мысль свою о Спранникѣ? . . . .“

Слушайте!

Видите ли Невшона? Онъ въ глубокомъ раздумьѣ сидишь подъ грушею. А за чѣмъ? за чѣмъ? и еще за чѣмъ? Ошвѣчаю Вольперовымъ стихомъ.

Tes pourquoi, dit le Dieu, ne finiront jamais.

Твои за чѣмъ? за чѣмъ? никшо не разберешъ.

Этотъ же Вольперъ въ слѣдующихъ двухъ стихахъ предложилъ *очеркъ*, по новому, и объемъ или начертаніе, по старому, всей Невшоновой системы.

Вошь они:

Ces astres asservis à la loi qui les presse,

S'attirent tour à tour et s'évitent sans cesse.

Сии свѣтила или планеты, поработенныя гнѣущему ихъ закону, просягивающъ другъ друга въ печеніи своемъ и непрестанно другъ ошъ друга опшалакиваются.

Чудно, право чудно! Что такое законъ гнѣшущій? Хорошъ законъ благодѣтельный, законъ милующій челоуѣчество; хорошъ законъ правды и льготы. А законъ гнѣшущій! . . . *Помилуй Богъ!* — сказалъ бы Суворовъ.

А каковъ законъ, воспослѣдовавшій недавно во Франціи о *разводѣ*?

Нажешся, 1792 года Англичаникъ *Буривъ* напечаталъ въ своемъ журналѣ, что опъ развода все погибнешь; а по-просу сказать; все сгинешь.

Правда ли это? незнаю. Я не судья.

А какъ и какимъ образомъ?

О толкованіе! о перетолкованіе! Потому-то умный *Паскаль* и сказалъ: *On peut interpreter me me le silence.* Молчимъ; молчаніе перетолкуюшь. Это же самое повшорила Екашерина въ 482 параграфѣ Наказа Своего.

Чудный, чудный Вольперъ! Что такое свѣшила или планеты, которыя по тянушся непрестанно другъ къ другу, по непрестанно бѣгають другъ опъ друга? Подумаешь, что это шѣ любовники, о копорыхъ Мольеръ говоришь въ своемъ *Dépit amoureux*, или па нѣжная, спрасшная и бранчивая чепа, о которой Екашерина въ Быляхъ и Небылицахъ сказала: *Розно такъ тошно, вмѣств такъ тѣсно.*

О дай Богъ жить вмѣствъ, хошь бы и шѣсно!

Сократъ спроилъ домъ — и слышитъ опъ знакомыхъ своихъ: домъ шѣсенъ. „Увы!“ отвѣчалъ мудрецъ: „слишкомъ просшорень, чтообъ помѣстить всѣхъ друзей.“

А Пиеагоръ лѣпъ за сто до Сократа ска-
залъ молчаливымъ ученикамъ своимъ: »О друзья
мои! нѣтъ уже друзей.«

А что такое дружба? Аристопель отвѣ-
чаетъ: »Одна душа въ двухъ шѣлахъ.«

Да когда-жъ вы дадите полкъ о *Странни-
кѣ*? — Спранникъ и мысль — одно и то же.

А что такое Спранникъ и мысль? Если не
забуду Невтона, то объясню это въ предле-
жащихъ шапкахъ.

Ахъ! ты дума моя, думушка!

Ты куда, дума! ведешь меня?

То за доли, то за горы,

За дремучіе лѣса;

Будто молнією вьешься,

Будто бурей несешься,

То вспорхнешь, то отдохнешь;

То за тридцать земель

Мысль и сердце унесешь.

Ахъ! ты дума моя, думушка!

Метатель.

Мать Гомера.

Тамъ, гдѣ была древняя Смирна, у береговъ
Мелеса, обтекающаго деревню Бурнаба (*),
Криѳеиса произвела на свѣтъ Гомера. Бѣдная
Криѳеиса! Выгнанная изъ Кумъ за какой-то
грѣшокъ молодости, она долженствовала разрѣ-
шиться отъ бремени на большой дорогѣ! По
щаслію, мать божественнаго слѣнца была хо-
роша собою; а хорошая собою женщина въ древ-

(*) Древнія Кумы.

носпи могла, какъ можешь и въ наше время, болѣе другой надвѣяшься выдши изъ дурныхъ обстоятельствъ. Криеиса пронула сердце одного школьнаго учителя: это былъ шагъ въ науки. Глава Греческой азбуки былъ шакже и музыкантъ; а это безъ сомнѣнiя развернуло палантъ Гомера, которому вскорѣ Смирна, прославившая его рожденiемъ, воздвигла храмъ и выбила медали въ честь безсмершнаго пѣвца.

(Изъ *La Contemporaine en Egypte.*)

А л ь б о л ь.

Нѣкто на вопросъ: „Что такое прекрасная женщина?“ отвѣчалъ, смѣясь: рай для глазъ, адъ для души и чистилице для шкапулки.

Говорятъ, когда Африканцы покупаютъ лошадь, то она покрывается вся, исключая ногъ, для того, чтобы хорошей складъ не заспавиль купишь лошадь, слабую на ноги. Мнѣ кажется, и при женишьбѣ надлежало бы слѣдовать сему примѣру: ибо какъ благонравiе нужно женѣ для супружескаго щастiя не менѣе, какъ лошади нужны здоровыя ноги: то не худо бы набрасывать покрывало на богатство и красоту — чтобы ослѣпивши блескомъ своимъ, они не опдали подчасъ во власть какой-нибудь Тизифоны, Мегеры, Алекшы.

А. Шиланскiй.

Какой-то поэтъ расхвастался, что ему стихи не дорого споятъ. „Они, вѣрно, вамъ стоятъ по цѣнѣ своей,“ подхватилъ добродушный прозаикъ.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

М А Ш Ъ .

На новой 1832 годѣ.

Изъ области дальной
 Шелъ странникъ печальной ;
 Туманенъ душой ,
 Туманенъ очами .
 Безвѣстной спезей ,
 Бредеть онъ лѣсами ,
 Во мракъ природа ;
 Съ небснаго свода
 Чуть брежжешся свѣтъ .
 Въ уныніи странникъ ,
 Опчаянья данникъ ;
 Оспрады же — нѣтъ ! . . .

Но , вошь ! засвѣтилась
 Заря въ облакахъ ;
 Вошь дѣва спустилась
 Съ сіяньемъ въ очахъ ,
 Съ улыбкой небснаой ,
 Съ осанкой предестной ,
 Съ лилейнымъ жезломъ .
 „О странникъ печальной !
 „Сынъ области дальной !
 „Что въ сердцѣ швоемъ ?“
 Богиня вѣщаетъ . . . .
 Душой оживаетъ
 Страдалецъ своею ;
 Надежду встрѣчаетъ
 И щастіе съ ней ,
 Яснѣе блистаетъ
 Къ намъ солнечный лучъ ,
 Когда разгоняетъ
 Скопленье онъ пучь .

Весенней душою
 Жила ты съ тоскою!
 Упѣшься, другъ мой!
 Надежда съ тобою:
 Цвѣсть алой судьбою —
 Вѣрь! — жребій есть пвой.

Метатель.

1 го Января 1832 года.

МАРЬЯ ИВАНОВНА ШТИОРМЕРЬ.

В ъ А л ь б о м ъ.

Когда изъ нѣжныхъ устъ твоихъ,
 Одушевленныхъ чувствомъ сердца,
 Внимала я съ жаромъ чувствъ своихъ
 Чертамъ прелестнаго младенца,
 Которымъ Богъ на радость дней
 Благословилъ тебя, младую,
 Но лучшую изъ матерей;
 То каждую черту живую
 Воображеніемъ ловилъ
 И самъ себѣ съ живымъ воспоргомъ
 Едва не вслухъ ли говорилъ:
 „Равно ущедренные Богомъ,
 Такъ и твои отецъ и мать
 Любили съ тѣмъ же чувствомъ сердца
 О милой дочери вѣщать!“
 И вмѣсто одного младенца
 Я видѣлъ двухъ передъ собой;
 Въ ихъ сходныхъ прелестяхъ перялся,
 Какъ взоръ средь цвѣтника весной —
 И благодарно наслаждался! . . .

К. Ш.

С М Ъ С Ъ.

Рускій театръ.

БЕНЕФИСЪ Г-НА БУЛАХОВА.

Даны на Большомъ Театрѣ, 22 Января: *Леонъ, или замокъ Черногорскій*, опера въ трехъ актахъ; музыка Далеярака. — *Еще романъ на большой дорогѣ, или чему быть* (*) *не миновать*, водевиль въ одномъ актѣ, соч. Н. П. Грекова.

Послѣ пѣвца Соколова, прославившаго, вмѣстѣ съ незабвенною Сандуновой, сію оперу на Руской сценѣ, г-нъ Булаховъ украшалъ ее мелодическимъ паланпомъ своимъ еще въ самое цвѣтущее время онаго, такъ что нынѣ безъ сего пѣвца (**) замокъ Черногорскій казался намъ — *Черногорскимъ* и вподлинну; и если бы не бросало на него лучей своихъ солнце паршера, г-нъ Живокини: по и *Лаура*, сколь она, или г-жа Пешрова, ни была хороша собою, костюмомъ, игрой и пѣніемъ, едва ли бы спасла наконецъ опъ. . . . Но мы спѣшимъ выдти на *большую дорогу*, чтобы позабавиться *романомъ*, копорые въ старину происходящъ бывало на *проселочной дорогѣ*, въ шемной дубравѣ, въ уединенной аллеѣ и п. п.; за по на большой дорогѣ все гораздо виднѣе, и пошому не лъзя было не смѣяться надъ. . . . *Павломъ Федуловичемъ*, копорый не будучи *Щепкинымъ* (***) , по-

(*) Кажется, шупъ пропущено: *тому* не миновать.

(**) Онъ давно уже не здоровъ.

(***) Передъ водевилемъ разнесли въ театрѣ печатную аффишку, возвѣстившую, что за *болѣзнію г-на Щепкина* *будетъ играть г-нъ Богдановъ 2й.*

ходилъ на него какъ двѣ капли воды, или какъ *Зои* другъ на друга. Но къ особенному удовольствію нашему, *молодой повѣса* былъ очень живъ, ловокъ и прекрасно *оттѣнялъ*, въроятно, прекрасные куплешы; ибо партнеръ рукоплескалъ имъ и заспавлялъ повшоряшь ихъ. Но мы были въ ложѣ, откуда вообще прудно вслушиваться не только въ куплешы, но и въ монологи, а особливо Рускихъ акперовъ, кошорые обыкновенно или кричащъ, или шепчушь; а всѣ *крайности*, какъ извѣстно, *сходятся*. — Эшаго милаго повѣсу игралъ г-нъ Ленскій: не опъ пого ли шакъ удачно, что водевиль — не его? ... Мы нѣкогда сказали мнѣніе свое объ игрѣ и авпорствѣ сего образованнаго арписпа. Онъ былъ увѣнчанъ шумнымъ вызовомъ, равно какъ и г-жа Пешрова съ г-мъ Лавровымъ послѣ оперы, имѣющей неопъемлемое достоинство по прекрасной музыкѣ славнаго въ свое время композитора.

За піесами слѣдоваль разнохарактерный диверсисманъ: *Цыганскій табаръ*, съ хорами Рускихъ пѣсенниковъ, соч. г-на Лобанова, кошорый опмичался, какъ *Бурмистръ табара*, не обыкновеннымъ испушеніемъ, имѣющимъ въ цыганскихъ Весприсахъ особенную прелестъ, или сильное дѣйствіе на самыя крѣпкія нервы... Египтскія героини, бѣсновавшіяся съ своимъ предводителемъ, были сущія Менады. — Г-да Лавровъ и Баншышевъ очень хорошо пѣли вмѣстѣ: *Прощаніе съ соловьемъ* и *Вотъ мчится тройка удалая*.

Театръ былъ полонъ, исключая не многія кресла.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Розовое платье изъ газа съ обьярью, лифъ сердцемъ сзади и спереди; изъ - подъ котораго видѣнь бѣлый гроден-наплевый чехоль; самая широкая блонда, почти покрывающая рукава и суживающаяся къ поясу; головной уборъ, составленный изъ широкой косы, перемѣшанной съ жемчугомъ; большая роза, осѣняющая съ обѣихъ сторонъ букли, упадающія en tige-bouillons: воть прекрасный вечерній шуалешъ.

— Черное атласное платье, устьянное маргаритками, вышитыми разноцвѣтнымъ шелкомъ; лифъ драпированный; широкіе рукава и блондовый эшарпъ; бѣлый креповый беретъ, украшенный двумя райскими птицами, также принадлежитъ къ хорошему вкусу.

— Употребленіе фаршучковъ не выходитъ изъ моды. Самые щегольскіе — черные обьяринные, вышитые внизу, на поясѣ и на карманахъ, разноцвѣтными шелками. Дѣлаются также и мериносые фаршучки.

— Бальный нарядъ для молодыхъ дѣвицъ: бѣлое платье изъ органди, драпированный лифъ; короткіе рукава; роза на волосахъ и у пояса. Сіи платья вышиваются иногда гладью сверхъ рубца, который нынѣ дѣлается не выше, какъ на четверть.

Изъясненіе картинки при семь No.

Платье креповое, отдѣланное лентами и тюлемъ. Прическа украшена гирляндой.

Шарада, напечатанная въ предыдущемъ No, значить: *Готдейнь*.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ шѣмъ, чтобы по отпечатаніи, были представлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Февраля 1го дня, 1832 г.

Ценсоръ Сергій Аксаковъ.

цемъ
 роде
 ваю
 оръ
 мчу
 укли
 шу
 ами
 тый
 бе
 при
 оды
 изу
 фла
 шье
 роза
 ргда
 ше
 емъ
 шь
 сур
 2 г.

ТАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

П Р О З А.

Дочь, преданная проклятію,

и л и

Волосы Аглаи.

Смирна. На Сардинскомъ бриггѣ.

Въ то время года, когда удушающіе жары едва умѣряются прохладнымъ вечернимъ вѣтромъ, которъй волнуетъ поверхность воды, протягиваешь на подобіе исполинскихъ стѣнъ вѣшви древнихъ дубовъ, величественно колеблющіяся надъ берегами, я сидѣла подъ однимъ изъ сихъ прекрасныхъ деревьевъ и видѣла въ кончающемся прекрасномъ днѣ убѣгающій образъ удовольствій и молодости, цѣнимыя нами лишь только тогда, какъ онѣ улетаютъ отъ насъ невозвратно. „Ахъ!“ думала я: „переходъ свѣта

ко мраку быспрь пакъ же , какъ мысль ; и сколь крошокъ эпошь промежушокъ , которъй воображеніе наше наполняешъ преднамѣреніями ! Но дни , которые горестъ наполняешъ своею оправою , сущъ дни безконечные ! . . . « Разсмапривая прекрасную природу , я не находила въ себѣ словъ для выраженія чувствъ , шѣсившихся въ груди моей . Я пошла , куда глаза глядяшъ . . . Вдругъ деревянный крестъ останавливаешъ шаги мои ; нѣкоторый спрахъ овладѣль мною при видѣ мѣста , на которое привели меня сладоснѣйшія мечшы жизни , всѣ обольщенія сердца и гордыя замыслы самолюбія . . . . Все исчезло при семъ невольномъ восклицаніи : „Боже мой ! я на кладбищѣ . . . « Окинувши взоры вокругъ себя , вижу повсюду разрушеніе , обломки камней , шерновые кусты ; повсюду напечатлѣніе ничшожества , еще ужаснѣйшаго на оставленномъ кладбищѣ . Одна гробница безъ всякаго украшенія находилась въ опдаленномъ углѣ . Бѣдноспѣ начершала на ней буквы , которыхъ не почшило время пакъ , какъ чшишъ пышныя надписи обдѣланныхъ мраморовъ .

Но я разобрала ее . Здѣсь погребена машь семейства , оплакиваемая супруга ; горькія слезы спруились на сію смиренную гробницу . Свѣжіе слѣды человѣческіе показывали еще , что она не была покинуша . Нѣсколько выдернушыхъ изъ земли шерновниковъ служило доказательствомъ попеченій дружеской руки ; даже небольшое мѣсто означало положеніе молящагося на мхѣ и примяшой шравѣ . Сія гробница волновала душу мою пысячью неопредѣленныхъ мыслей ; я хощѣла удалиться ; но какая - шо сила , могущеспвеннѣйшая воли моей , удерживала меня . . . . Я усилилась иди и ноги мои косну-

лись чего - то швердаго ; наклоняюсь посмотришь — и неизъяснимый ужась овладѣль мною при видѣ черепа , кошораго длинныя волосы еще свидѣтельствовали , что онъ былъ женскій. . . . О прекрасныя , юныя чашательницы мои ! кто изъ васъ повѣришь , чтобы спрахъ и опшращеніе топчасъ успунили мѣсто обращенію на самое себя , кошорое уже не допускала меня чувствовашъ что - либо иное , кромѣ живаго и горестнаго состраданія ? . . . Прислонившись къ полуразвалившейся стѣнѣ , я усшренила взоры на сіи покинутыя оспашки. . . . »Можешъ спашься , шы была хороша !« говорила я въ самой себя , смопря на черепъ : »шамъ , гдѣ шеперь однѣ только ямы — шамъ , можешъ спашься , прелестныя глаза блиспали огнемъ и выбрасывали пламенные спрѣлы . . . . Теперь все нѣмо , спрашно и даже опшращишельнѣе самой могилы . . . . Ахъ ! кто испоргъ шебя изъ мрачнаго спокойствія подѣ землю ? . . . « Я сорвала близъ грогницы нѣсколько лисшьевь и бросила на черепъ , опшоропивши лицо свое . Въ эту минушу вышель изъ черепа какъ будпо звукъ , какъ будпо вздохъ ; а волосы , казалось , приподнялись . Уже было поздно ; ударили часы на сельской башнѣ . Эмопшь людской бой возвращиль меня самой себя . Спыдясь шщепнаго спраха , я сорвала еще нѣсколько лисшьевь плюща , вблизи распущаго , покрыла ими предמשъ моего ужаса и медленно , хошя еще съ большимъ волненіемъ , пошла въ свое уединенное жилище . Дочь моихъ хозяевъ вспрѣшила меня милыми выговорами за неблагоразуміе мое идши одной вечеромъ на старое кладбище , присоединивъ : »И еще на могилу Аглаиной машери и опца . . . . Боже мой ! развъ вы не знаете , что они приходять шуда ? . . . Я

боялась, что уже не увижу васъ, когда примѣшила съ высокой терассы нашей, что вы спойте шамъ, гдѣ голова дочери, преданной проклятію.“ Я общалась — и очень искренно — не ходишь впередъ на кладбище; но просила добрую дѣвушку дать мнѣ понятіе объ этой дочери, преданной проклятію. Юлія (имя хозяйской дочери) сказала, что одна только мать ея знаетъ все и охотно расскажетъ мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я узнала, что одинъ честной земледѣлецъ, живившись по любви на прекраснѣйшей изъ окрестныхъ дѣвушекъ, имѣлъ дочь, которая превзошла мать свою въ прелестяхъ, но — увы! — не сравнялась съ нею въ добродѣтели. Щасливый отецъ далъ дочери имя обожаемой жены своей. Аглая по шрешьему году была любима всѣми, ее выдавшими, а когда ей исполнилось четырнадцать лѣтъ, но спекались изъ ближнихъ деревень попанцовашъ съ прекрасною Аглаею, плѣнявшею всѣхъ мужчинъ. Въ числѣ прелестей Аглаи, кошорыми отецъ чрезвычайно щеславился, особенно восхищались прекраснѣйшими волосами, какіе только когда-либо украшали голову женщины; они были шакже предметомъ и особенныхъ опцовскихъ ласкъ. Сколько разъ эпошъ нѣжный отецъ возвышалъ еще болѣе прелестъ сихъ волосъ, приколлови къ нимъ свѣжую розу, образъ дочери своей! Когда онъ велъ ее съ гордостью на сельскіе праздники, посреди молодыхъ людей, шѣсившихся видѣть прекрасную Аглаю; по ободришельная улыбка опца и машери, казалось, говорила: „Наша Аглая еще очень молода; но какъ будешь щасливъ эпошъ, кто окажется достойнымъ ея сердца!“ Ахъ! сія гордость, споль извинительная, но и споль безразсудная; эша

длинная предбудущность счастья, опцовскою любовію предусмаприваемаго, долженспвовали окончишься позоромъ и смертію.

Близъ мѣстечка, въ которомъ жилъ отецъ Аглаи, находился загородный домъ, принадлежавшій молодому богачу. Онъ часпо прихаживалъ на праздники забавляясь неловкостію поселянокъ; но лишь полько увидѣлъ Аглаю, какъ и началъ упошреблять всѣ хипрости и все искусство для ея обольщенія. Внезапная и смертельная болѣзнь Аглаиной матери помогла его намѣреніямъ. Уже чувствуя склонность къ обольстителю до такой степени, что скрывала свои поступки отъ отца, Аглая скоро воспользовалась пошерею матери и свободою, въ которой оставляло ее ужасное отчаяніе несчастнаго отца; видѣлась тайно съ возлюбленнымъ своимъ, похипившимъ наконецъ ее изъ родительскаго дому. Надобно опустить занавѣсъ на горести, подобныя тѣмъ, которыя раздирали сердце злополучнаго отца пресупной дочери.

Однажды ему вручаютъ письмо и деньги. Онъ узнаеть, что дочь его уже закоснѣла въ пресупленіи; но она цѣною своего безчестія надѣялась получить прощеніе, — опвергъ золото и громко проклялъ дочь обезчещенную. Съ эпаго дня злополучный отецъ помѣшался въ умѣ; и если видѣлъ молодую дѣвушку съ прекрасными черными волосами, то приходилъ въ испупленіе и проклиналъ прекрасные волосы Аглаи, называя ихъ сѣпями Искусителя, или обливалъ горькими слезами предметъ, невинно пробуждавшій его воспоминанія и отчаяніе. Наконецъ онъ умеръ и погребенъ подлѣ жены.

Большая, подурнѣвшая и лишенная всѣхъ средствъ къ существованію, несчастная дочь вспомнила объ отцѣ и предалась надеждѣ, что онъ проситъ ее. Она слышала о горестномъ его положеніи, но не знала о смерти. Находясь въ двухъ шагахъ миляхъ отъ своей родины, Аглая рѣшилась идти туда съ помощію подаянія. „Увидѣшь отца, просишь о прощеніи и умерешь у ногъ его: вопъ чего желаю!“ швердила несчастная дочь. Эта мысль подкрѣпляла ея силы. Въ тридцать седьмой день она пришла передъ вечеромъ къ селенію отъ спороны кладбища, гдѣ покоились тѣ, копорые споль много любили ее и копорымъ она опплашила неблагодарностію. Въ это время два человека идутъ съ кладбища. Аглая узнаетъ въ нихъ пріятелей отца своего; но чувство пресупленій не допустило ее наименовать себя; тихо идешь она за ними и слышишь приговоръ свой: „Злополучный отецъ этой гнусной, неблагодарной дочери шеперь щасливъ.“ Конечно! — сказалъ другой — онъ съ добродѣтельною женой въ раю. Но Аглая проклята имъ, и нигдѣ уже не найдешь спокойствія, и некому уже проситъ ее. . . . — Жалосный крикъ оспанавливаешь ихъ; они слышатъ произносимыя умирающимъ голосомъ слова: „У вашихъ ногъ прошу прощенія, и спокойствія. . .“ подвигаются впередъ и видяшь Аглаю, проспершую на земль. Несчастная, изнуренная Аглая умерла. Ее похоронили близъ родительской могилы. Обычай этой страны пребуешь, чтобы мертвыхъ несли безъ покрывала; и когда такимъ образомъ несли преступную Аглаю къ послѣдному жилищу, то вѣтромъ сорвало печальной вѣнокъ съ охладѣвшаго чела ея, и рассыпавшіяся длинныя

косы зацѣпились за сучокъ дерева. Вдругъ раздался между сопровождавшими гробъ спрашный крикъ : „Смоприте! Искуситель схватилъ добычу свою за пѣ сѣти , которыя погубили молодую дѣвушку.“ Устрашенные женщины разбѣжались.

Вскорѣ послѣ того, какъ похоронили Аглаю, кладбище было оставлено. По естественному измѣненію земли, черезъ нѣсколько дѣтъ явились на ея поверхности печальные остатки, столь сильно испугавшіе меня. Но время не испребило народнаго мнѣнія. Поселяне увѣряютъ, что слышатъ стоны на кладбищѣ; что волосы дочери, преданной проклятію, не сгниваютъ; что черепъ ея находятъ иногда подлѣ родипельской могилы пакъ, какъ будто онъ прищанушь къ ней за длинные волосы — и тогда-то слышатся спенящіе голоса. Вспоминая о чувствованіяхъ своихъ, о слышанномъ мною стонѣ, о черепѣ, который нашла я въ самомъ дѣлѣ подлѣ могилы, и рѣшившись однажды навсегда быть справедливою, даже на счетъ своего самолюбія, признаюсь, что не взирая на чрезвычайное желаніе мое видѣть, остался ли предметъ моего ужаса на помѣ мѣстѣ, гдѣ я покрыла его плющемъ, ничто, нѣтъ ничто въ свѣтѣ не могло бы заспавишь меня иди опять на кладбище и устремишь глаза на черепъ Аглаи и на сохранившіеся волосы дочери, преданной проклятію.

(Изъ La Contemporaine en Egypte.)

---

*Повѣсть странника о Странникѣ.
Статья шестая.*

Пропѣшь ли вамъ пѣсню про молодца? Только припѣвъ чуденъ. — Такъ чшожь? и Екашерина припѣвала въ операхъ своихъ: *Хемъ! хемъ!* а Сумароковъ шакія *обракадабры* бралъ въ припѣвы, чшо ихъ и не выскажешь! Да и мало ли чшо поюшь и припѣваюшь? *Chantez, mes bons amis! Tout fini par une chanson,* какъ говоримъ *Фигаро*. „Заговорили про молодца, а сбились на Фигаро!“ Да почемужь не шакъ? . . . Слышите ли длинный его *монологъ*? Слышите ли, какъ онъ восклицаетъ: „О вельможи! вельможи! если-бъ вы знали да вѣдали, какъ надобно иногда гнущься въ при погибели — а изъ чего? изъ куска хлѣба!“ Это вольной переводъ. Обращаюсь къ молодцу съ чуднымъ припѣвомъ. А не любя даже и мысленной кражи, объявляю, чшо чешыре стиха первой строфы, частъ второй и припѣвъ — не мои :

Какъ за рѣчкою,
Да за быстрою
Живушь мужички
Все богатые,
Торовашые;
Всѣ въ кафшанахъ цвѣшныхъ,
Да и въ шапкахъ удалыхъ.

Бухъ, бухъ, бухъ!

У нихъ дѣвушки
Все хорошія,
Все пригожія,
Бѣлолицыя
И какъ маковъ цвѣшь.

Бухъ, бухъ, бухъ!

Къ нимъ повадился
 Молодецъ ходишь.
 Будто соколомъ
 Онъ залешнымъ былъ.
 Гордой поступью
 Онъ дѣвиць сердиль.

Бухъ, бухъ, бухъ!

Онъ смѣялся,
 Издѣвался;
 Балагуриль и шушилъ;
 Решивое прошушилъ:
 Сердце Танѣ подарилъ;
 Сердце Таней запомилъ.

Бухъ, бухъ, бухъ!

А Таня? ахъ! она
 Другому суждена;
 Другому отдана,
 Иль просто — продана.
 Вѣдь богатство
 Лнешъ къ богатству:

Бухъ, бухъ, бухъ!

Ахъ! онъ сгрустился,
 Съ шоской породнился,
 Спалъ онъ съ бѣлаго лица,
 И не стало молодца,
 И не стало удалца.

Бухъ! бухъ! бухъ!

И не стало молодца;
 Паль онъ съ горя подъ обухъ.

Бухъ! бухъ!

Ахъ! шы горе! горе жизни! какъ тебя про-
 пѣшь? чѣмъ тебя запишь? Развѣ водою изъ *Ле-
 ты*, шо естъ въ *Елисейскихъ*. Ну! шакъ чпожъ?
 до всего доживемъ. Графъ Федоръ Васильевичъ
Растопчинъ сидишь подлѣ Суворова. У него
 лѣшся рѣчь Цицероновская, рѣчь Кесарская.

Графъ превратился весь во вниманіе — и вдругъ раздалось: *кукореку!* «Можно ли шамъ проказишь!» вскрикиваетъ Графъ *Растопчинъ*. Поживи *съ-мое* — опвѣчаешь Герой — *запоешь и курицей*. —

Эпо увершка! увершка! а мы на опрѣвъ скажемъ: можно ли въ девятнадцатомъ спольши пѣть пѣсни про *молодца*? — А почемужь нѣтъ? Ваши сиссемашики недавно пропѣли слѣдующую пѣсню, думая что чудо выдумали: «Шла звѣзда бродящая, или комета; шла, шла; задѣла солнце за бокъ, *бухнулась* шуда, да и опбила шестисопную часть его съ долями.»

А съ какими? объ эпомъ справьшесь въ *Бюффонѣ* — *dans les sept éroques de la Nature*.

Кража! Господа! кража! а выдаеше за свое! По крайней мѣрѣ пѣвецъ про молодца опкровенно говоритъ: *это мое*, а *это не мое*.

А бѣда, бѣда была въ земль Руской, когда говорили: «*И это мое!* и *это мое!*» Объ эпомъ пишешъ пѣвецъ о полкѣ Князя Игоря.

«Докончишежь намъ хопя о бродящей звѣздѣ.»
La patience est amère; mais son fruit est doux. Пошерпимъ.

О душа моя, душа!

Жизни бремя

Здѣсь на время. . . .

Не сердись, мой милый другъ!

Ни въ умъ своемъ, ни вслухъ.

«Что у васъ все за одинакіе къ спашьямъ припѣвы? Да и шакіе унылые!»

Извольше! вошь погромче:

О вы, надменные Типаны!

Какой опвагой обуяны,

Противъ *Зевеса* вы текли?

На горы горы громоздили,

Громами по громамъ громили ;

И миръ изъ мира увели !

Chacun a son goût.

Не огромляйте слуха ; лакомьте сердце !

О сердце ! сердце ! что ты такое ? . . . Говорить : c'est un abus. Да кпожь эшо видѣль ? Вѣдь въ сердцѣ нѣтъ окошка.

(Продолженіе впрѣдъ.)

Мечтатель.

А л ь б о м ъ .

„Важная новость ! Вскорѣ будетъ изданъ *Манифестъ боговъ о дѣлахъ Франціи*, за подписью *Юпитера Олимпійскаго* !“ восклицаетъ одинъ Французскій журналъ : „въ брошюркѣ, кошорой рукопись на минушу была передъ нашими глазами, авторъ (и какой же авторъ ! дѣвица Ленорманъ !) представляетъ Лудовику-Филиппу покойную Герцогиню Орлеанскую, дающую сыну своему послѣдніе совѣты.

„Много смѣлоспи ; но эшо мало удивитъ въ наше время и вѣрно содѣлаетъ сіе сочиненіе любопытнымъ для публики, лишъ бы полько правосудіе не нашло въ немъ ничего прошивнаго законамъ. Во всякомъ случаѣ Парижская Сивилла должна будетъ имѣть клѣвъ и когши для своей защиты ; ибо она закликаетъ *хищныхъ птицъ* и другихъ *плотоядныхъ звѣрей*, кошорые, безъ сомнѣнія, не преминуть явиться на призывъ ея.“

Когда нашего брата журналиста зовутъ некорошкно знакомые люди на вечеръ, на балъ, въ спектакль ; то мысль : зовутъ для шого, чшо-

бы публиковать объ этомъ вечерѣ, объ этомъ балѣ, объ этомъ спектаклѣ, рождаетъ невольную досаду, причиняемую *чувствомъ униженія*. Но если подумаешь, что вообще и всѣхъ зовушь не для чего инаго, какъ для *разказовъ* по всему городу о *видѣнномъ*, то успокоиваешься совершенно; этаго мало; находишь еще преимущество на своей сторонѣ — въ предположеніи, что *стало имѣють довѣренность къ нашему авторскому таланту*; и остаешься — благодарнымъ.

Между примѣчательными явленіями супружеской жизни многимъ изъ Московскихъ жителей извѣстно одно, досшойное сохранилось въ ея лѣтописяхъ. Весьма богатая, очень хорошо воспитанная, молодая и согласная чета проспирала сіе послѣднее качество, но есть *согласіе*; до того что . . . разорилась совершенно и успѣла дѣшею, еще малолѣтнихъ, пуспиться, какъ говоришься, по-міру. Опъ чего же? опъ *сюрпризовъ*. Не было ни одного праздника, семейнаго или церковнаго; не было въ городѣ такоаго спектакля, бала, вечера, для которыхъ бы мужъ женѣ, а жена мужу не заготовили какого-либо *сюрприза*. . . . Но вообразите *общій сюрпризъ* ихъ, когда они *увидѣли* себя — въ нищету! Этопъ послѣдній *сюрпризъ* былъ дѣломъ искусныхъ машинистовъ, способствовавшихъ имъ пѣщиться *сюрпризами* для того, чтобы наконецъ и себя пощипать — ихъ послѣднимъ *сюрпризомъ*, вѣроятно, оставшимся навсегда въ памяти *согласной четы*! . . .

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

У н ы н і е .

Ахъ ! грустно , грустно вспоминанье
 Прошедшихъ радостей и благъ
 Тому , чье жизни упованье
 Давно утрачено въ слезахъ !

*

Груди , измученной спѣсненьемъ ;
 Душѣ , испытанной поскою ,
 Одно осталось утѣшеньемъ —
 Въ сырой землѣ найти покой .

*

Всегда довѣрчивый , радушный ,
 Я грустну опытность снискалъ :
 Что въ мірѣ сердцу лишь послушный
 Отраду рѣдко обрѣшалъ .

*

За чѣмъ же , небо ! ты мнѣ льстило ?
 За чѣмъ хотѣло сердцу внять ,
 Когда все то , что было мило ,
 Я обречень — навѣкъ перяшь !

*

Гдѣ вы , восторгъ и упоенье !
 Любви опрадные часы !
 Какъ сонъ исчезло наслажденье ;
 Увяли бышія красы .

*

Моя потеря не возвратна ;
 Моихъ склонилось солнце дней
 И въ грустныхъ сумеркахъ не внятна
 Другимъ печаль души моей.

*

Отраднѣй лучъ не пронеть вѣжды ;
 Мой жребій духъ во мнѣ стѣснилъ ;
 И я въ развалинахъ надежды
 Все невозвратно схоронилъ !

Князь А. Долгорукій.

Въ день именинъ А. В. Н. . . .

Безцѣнный другъ ! мнѣ сердце предвѣщаетъ
 Щастливый день веселыхъ именинъ ;
 Но сердце грусть , какъ деспотъ угнетаетъ .
 Съ тобой любовь , друзья , а я одинъ !
 День Ангела почту воображеньемъ
 Златыхъ минутъ , въ которыхъ пиръ родной ,
 При звукѣ арфъ струился наслажденьемъ ;
 И ты его былъ первую душой .
 Твоихъ стиховъ прелестные напѣвы ,
 И музыку плѣнительную дамъ ;
 Кругъ рѣзвый , гдѣ метала ножка дѣвы :
 Все это я мечтѣ своей предаю .
 Живи , люби , лови восторговъ сладость
 Въ объятіяхъ супруги молодой ;
 Храни ее , какъ нѣжный цвѣтъ весной ,
 И рай любви украситъ вашу младость .
 Невѣждъ — враговъ и дружбы , и добра ,
 Не укоряй ты въ блескѣ величавомъ :

Ихъ шумъ и блескъ фортуны лишь игра!
 Твоимъ трудамъ награда въ сердцѣ правомъ.
 Незабывай на родинѣ меня;
 Я помню всѣ твои благодарья.
 Вопшь, милый другъ, шебѣ мои желанья!
 Я съ юныхъ лѣтъ привыкъ любишь тебля.

А. Никитинъ.

САМОЛЮБІЕ И СКРОМНОСТЬ.

Б а с н ь.

Въ собраніи боговъ
 И Самолюбіе, и Скромность вдругъ родились.
 „Какъ ксшаши намъ они явились!“
 Сказалъ державный царь громовъ:
 „Пускай заспѣнчивая Скромность,
 „Сопровождая дураковъ,
 „Обуздываетъ языковъ
 Неугомонность.
 „А Самолюбіе — достойною цѣной
 Пускай талантъ природный возвышаетъ!“
 Но Рокъ съ сѣдою бородой
 Даетъ приказъ совсѣмъ иной;
 И Самолюбіе глупцамъ опредѣляетъ,
 А Скромность — Генію въ удѣлъ.
 Юпитерь лучшее намѣренье имѣлъ.

Б. * * *

П а р и ж с к і я м о д ы .

Полный туалет. — Бѣлое креповое платье, вышитое внизу до колѣна пунцовымъ шелкомъ, представляющимъ корраловые корни (*racines de corail*). Съ одной стороны сіи корни означаются золошою сѣпчочкою. На головѣ гирланда изъ сихъ же корраловъ надѣвается почти на лобъ; съ обѣихъ споронъ множество буклей *en tire-bouchons* выюся по щекамъ. Переплеменные вмѣстѣ *en chou* косы перемѣшаны съ золотыми цѣпчочками, и наклоняются нѣсколько къ запылку; золошая спрѣла, украшенная корралами, проходитъ чрезъ сію косу. Ожерелье корраловое же.

— Зеленое изъ шали платье съ разноцвѣтными узорами; пелерина, съ шрѣмъ воротниками, изъ той же матеріи, окружена фестонами, глубоко вырѣзанными. Шляпка черная бархатная съ цвѣтными перьями.

— Розовое платье изъ газа *Dona Maria* опдѣлывается двойною блондовою оборкою, схваченною на колѣнѣ баншомъ розь.

— На балѣ, данномъ г-жею Ж****, три ея дочери были одѣшы одинаково: бѣлое креповое платье; три апласныя ленты, падающія отъ пояса къ колѣну, гдѣ соединялись розовымъ баншомъ. Короткіе рукава, перехваченные чепырмя баншами, которыхъ концы шли до самаго локтя. Онѣ были и убраны одинаково: мѣлкія букли *en tire-bouchons*, коса въ видѣ вѣнка и роза на одной споронѣ буклей.

Изъясненіе картинки при селѣ No.

Платье изъ Французскаго кашемира. Пелерина блондовая.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечашаніи, были предшавлены въ Ценсурный Компшешъ три экземпляра. Москва. Февраля 12 го дня, 1852 г.

Ценсоръ Сергѣй Аксаковъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

ИЗГНАНИКЪ.

Ненаспное утро, было предзнаменованіемъ дурнаго дня. Въпръ наносилъ дождевыя облака; изрѣдка показывалось солнце между ними. Вдали на краю горизонта собирались черныя тучи, иногда разсѣкаемыя молніею; былъ слышенъ громъ: все предвѣщало сильную бурю. — Вътеръ шумѣлъ, море ревѣло — и все вмѣстѣ наводило мрачную горестъ на душу спарца, сидящаго подъ деревомъ, подлѣ пещеры. — Давно уже опщѣла жизнь его, давно бѣлый пепель осыпалъ главу его. Изсохшее лице, покрытое морщинами, доказывало нещастія, перенесенныя въ жизни, доказывало и величіе благородной души. Рука горести

начерпала на челѣ спарца что - то суровое , но вмѣстѣ и высокое. Часто кровь его кипѣла подѣ хладнымъ панцыремъ , и десница обагралась кровію враговъ ошечества неблагодарнаго , жестокаго. Часто съ вѣрною дружиною , со знаменемъ свободы въ рукахъ , онъ поражалъ многочисленныя шолпы непріятелей , и обогранный собственною и вражескою кровію , возвращался съ торжествомъ побѣдителя. Но не уже ли для того служилъ онъ ошечеству , не уже ли для того проливалъ кровь свою , чтобъ бытъ изгнану неблагодарными ? Вопъ жребій человѣчскій ! . . . Горестъ , перзавшая душу спарца , ясно изображалась на лицѣ его. Потухшіе взоры иногда воспламенялись : быспрый огнь мелькалъ , но не на долго ; скоро возвращалась прежняя мрачность. — Слава его и величіе исчезли , какъ дымъ , развѣянный вѣтромъ ; щаспіе померкло , какъ заря на западномъ небѣ ; однѣ добродѣтели души его ошались съ нимъ ! . . .

Онъ сидѣлъ въ задумчивости , опершись рукою на камень ; душа его лешала во тѣмъ давноминувшаго ; взоры блуждали по морю.

Сильный ударъ грома прервалъ его задумчивость ; онъ опомнился. „Гремите , громаы !“ воскликнулъ спарець - герой , смотря на угрюмое небо : „шумите , вѣтры ! и несите вздохи мои на берега родины милой , незабвенной ; напмните ей объ изгнанникѣ , спенящемъ на берегу чуждомъ , далекомъ. Скажите , что и на краю жизни , и при дверяхъ гроба я люблю родину. Скоро угаснешъ жизнь моя , скоро душа ошлешитъ въ другой міръ , для насъ неизвѣсшннй , но вѣрно менѣе злополучный. Вопъ уже двадцашая осень видитъ меня на семь бе-

„регѣ; вопшь уже двадцать лѣтъ внимаю однообразному шуму волнъ и свисту вѣтровъ. — „Слава, щасшіе, величіе скрылись отъ меня; я „не сожалью о нихъ; о шебѣ, родина, о шебѣ „унываю.“

Онъ умолкъ. — Вѣсперъ развѣвалъ его сѣдыя волосы, и грудь, волнуемая вздохами, высоко воздымалась. Самая природа согласовалась съ его горестію; спрашно гремѣли громаы; горы и лѣсъ повпоряли ихъ удары; небо мешало перуны, и молнія разсѣкала шучи и волны. Море шумѣло ужаснымъ образомъ; кипящая пѣна разсыпалась по чернымъ волнамъ, разбивавшимся съ глухимъ ревомъ о каменные ушесы. На берегѣ моря споялъ темный лѣсъ, — вѣковыя сосны качались и скрышѣли. — Для смященной души героя былъ пріятень вой бури! . . . .

* * — * *

Повѣсть странника о Странникѣ. Статья седьмая.

Три СТРАННИКА И МЕТЕЛЬ.

„Мой другъ! существенность бѣдна:
Играй въ душѣ своей мечтами;
Иначе будетъ жизнь скучна.“

Такъ сказалъ *Карамзинъ*, а г-жа *Дезулиеръ* говоритъ:

*Cette fièvre raison, dont on fait tant de bruit,
Un peu de vin le trouble, un enfant le séduit.*

Увы! отъ розъ и незабудокъ

Кичливый нашъ *хвастунъ* - разсудокъ

Бываетъ — сущее дитя. . . .

То онъ за горы залеша,

То рыская по моккой грязи,
Напрасно ищешь въ мысляхъ связи.

Эпо вольной переводѣ.

Сумароковъ написалъ :

„Не мни переводя , что *смысль* въ шворцѣ готовъ :
Творецъ даруешь мысль , а не даруешь словъ.“

Гдѣ-жъ искашь *смысла* , если его нѣшь въ
сочинишелъ ?

Чудное дѣло !

О *смысль* ! *смысль* ! что ты такое ?

Локкѣ увѣряешь , что мозговая обласъ Карла XII на волосъ ошшояла ошъ мозговой обласи *Дон - Кишота*.

О *смысль* ! *смысль* ! что ты такое ?

Однакожь , чтобъ незабышь , о чемъ буду пишашь , повшоримъ еще заглавіе :

Три странника и метель.

О *странникъ* мой , досугъ ! въ край дальный поспѣшай !

О *мысль досужная* ! за нимъ ты поспѣвай !

Вопъ вся шайна *мысленнаго* странника.

„Только - шо ? за эпой *истиною* не нужно спускашь на дно колодезя.“ — А кто вамъ сказашь , что она шамъ угнѣздилась ? — древніе ? — Не вѣрьше : истина очевиднѣ солнца . И солнце померкаешъ въ очередь свою , а истина всегда свѣпла . Ее заслоняють заблужденія , предубѣжденія , приличія , опличія , раздробленія , совокупленія , и шакъ далѣе . Однажды скромная истина опважилась явишься въ собшвенномъ видѣ ко двору одного изъ власпелиновъ Восшока . Ее выгнали , бѣдную . Изгнанница облеклась въ просшую и разноцвѣшную одежду *Басевъ* и *Апологовъ* ; и — ее приняли съ привѣшливою улыбкою .

На межѣ познаній человѣческихъ споятся два вѣстовые столпа съ надписью: *Наблюденіе и соображеніе*. Наблюдайте и соображайте и — истина ошкликнется на призывъ мысли вашей. Хорошо! хорошо! но сколько ни увершывайтесь, а эти стихи:

О странникъ мой, досугъ! въ край дальный поспѣшай!

О мысль досужная! за нимъ ты поспѣвай.

„Эти стихи очень не гладки.“ — А сколько *гладенькихъ* стиховъ изгладилось? сколько сильныхъ обезсилело! Слогъ — мода, М. Г., мода! такая же мода, какъ покрой фраковъ и чепцовъ. Передавайте человѣчеству живошворныя движенія души; и вы будете жить. Повторяйте чаще:

Dans le bonheur d'autrui je cherche mon bonheur.

Я въ щастіи другихъ лишь щастіа ищу.

Что наши блестящіе призраки? Тѣни ночныя, исчезающія при первомъ оплескѣ упренней зари. Захвативши владычество надъ претія частями древняго міра, Юлій *Кесарь* съ горестію воскликнулъ: „*За этимъ - то только я гонялся!*“ — Только!... Гдѣ Римъ исполинскій?... Но безсмертенъ пошъ мигъ, когда Кесарь, помѣсивъ больнаго спутника своего въ покойный пріющъ, сказалъ: „*Больнымъ дайте покойнѣйшее мѣсто.*“ Гдѣ слава Аѳинъ? ... Но безсмертенъ пошъ мигъ, когда *Алькивиадъ*, видя что никто не выручаетъ въ судѣ бѣднаго должника, закричалъ звучнымъ своимъ голосомъ: *Я за него плачу!*

Намъ все дано въ *займы*; уплачивайте другъ за друга.

„Да когда же расскажете повѣсть о *трехъ странникахъ* и о *метели*?“ — Но обождите.

За мною еще остались — *вопервыхъ*: пупешесствіе въ Аравію; *вовторыхъ*: рассказъ о бродящей звѣздѣ и о пожарѣ земнаго шара.

Видите ли, что въ излучиспомъ моемъ странствованіи я не выпускаю изъ рукъ ниши Ариадниной? Видите ли? . . . А если нѣтъ, — такъ и бытъ.

»Одинъ мигъ все перемѣняешь,« сказалъ *Виландъ* въ своемъ *Оберонѣ*.

Мечтатель.

(Продолженіе впрѣдъ.)

Входъ въ Египетскія пирамиды.

Леопольдъ (*) вошелъ первый; послѣ него г-нъ Бернардинъ (**), за которымъ слѣдовала я, пресмыкаясь, какъ и они, во прахѣ и царапая руки и ноги свои о камни, подъ нимъ кроющіеся. Входъ въ пирамиды описывали, или срисовывали съ наималѣйшими подробностями споль многія перья и споль многіе карандаши, что я буду говорить единственно о впечатлѣніяхъ своихъ, и о позднемъ сожалѣніи, за чѣмъ пренебрегла всѣмъ безпокойства для того только, чтобы видѣть гробницу и четвероугольныя щели, слишкомъ пышно украшаемыя именемъ комната. Лепучія мыши, впревоженные нашими факелами, бросаясь во всѣ стороны, заславляли меня содроганьями оупъ мысли, что, можешь бытъ, я наспуплю на какую-нибудь гадину, или лепучая мышъ

(*) Спутникъ Современницы, усыновленный ею.

(**) Племяникъ бывшаго французскаго Консула въ Египтъ, Дроветти.

выбьешь мнѣ глаза своими крыльями. — Наконецъ Мы доползли до комнашы, называемой комнашою Царицы — какой? не знаю; видѣли тамъ большую пусную гробницу, черныя стѣны и пошолокъ, покрытый шканью пауковъ. Напрасно искала я какого-нибудь сходства съ великолѣпными рисунками, мною видѣнными, и на которыхъ сіи опшрашительныя стѣны покрыты іероглифами. — Намъ оставалось видѣть еще другія щели; но я опказалась идиши, будучи швердо увѣрена, что не найду ничего инаго, кромѣ новаго доказательшва, сколь недосшойнымъ образомъ упошребляющъ во зло живописцы кисть свою, а ученые люди перья свои, предшавляя намъ чудеса древности тамъ, гдѣ взоръ путешешвенника видитъ одни шолько нагроможденные камни и безобразные обломки,

Пусть другіе находящъ въ сихъ исполинскихъ произведеніяхъ человѣческой гордости неисчерпаемый источникъ похвалъ шворцамъ ихъ; но я оставила сіи мѣста, убѣдившись болѣе, нежели когда-либо, въ томъ, что никакой родъ гордости не имѣетъ здраваго разсудка.

(Изъ *La Contemporaine en Egypte.*)

А л ь б о м ъ.

Рускій языкъ шребуетъ, вмѣстѣ съ новыми *требованіями* вѣка, — шребуетъ, говоримъ, нѣкоторыхъ перемѣнъ въ образѣ изложенія мыслей. Такъ, на примѣръ, вмѣсто вопроса: „За кѣмъ шакая-то?“ должно, по справедливости или по шочности, спрашивать нынѣ: „*Передъ* кѣмъ шакая-то?“ или: „Кшо *за* нею?“

Ссылаемся на васъ , любезныя чипашельницы : не уже ли *вы* за нами , а не *мы* за вами — во всякомъ случаѣ , и дома , и въ гостяхъ , разумѣя при семъ случаѣ брачныя узы ? . . . *Узы!* . . . спало *узникъ* , или *узница* ? Для чего найдено споль ужасное слово , когда подъ сими *узами* должно предполагашь *полную свободу* — любить избранное нами , нашимъ сердцемъ ? . . . И какъ не замѣшишь эшаго спрашнаго слова другимъ , несравненно пріятнѣйшимъ , гораздо благозвучнѣйшимъ ! . . . Спранный языкъ !

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ Д. Н. Д. . . . у.

Видалъ ли ты ночной порой ,
 Когда звѣзда на небосклонѣ ,
 На эшомъ неприступномъ шронѣ ,
 Сіяеть милою красой ?
 Такъ и въ душѣ моей безпечной
 Сіялъ надежды яркій лучъ ;
 Но онъ исчезъ ; онъ изъ - за тучъ
 Моей судьбы не выдетъ вѣчно.
 Ты знаешь , милый , я любилъ
 Ее , красу всего творенья ;
 Законъ , казалось , Правидѣнья
 Лишь для меня ее хранилъ.
 Она цвѣла ; всегда рѣзвилась
 У ней улыбка на устахъ ,
 И въ голубыхъ ея очахъ
 Душа небесная свѣтилась !
 . . . . .
 Но что-жь она ? въ судьбѣ-ль щастливой ?
 Ахъ , вѣшь ! ее теперъ ревнивой

Взоръ истукана спорожитъ ;
 Она , печальная , груститъ ,
 И цвѣтъ красы ея ужь вянешъ ;
 Порой надежда изъ очей
 Огнемъ безжизненнымъ проглянешъ ,
 Потомъ опяшь все мрачно въ ней.
 Чѣмъ оцѣнить ее страданье
 Во цвѣтѣ лѣтъ и красоты ?
 Видалъ ли ты милѣй созданье ?
 Имѣлъ ли я милѣй мечты ?
 Скажи , мой другъ , за чѣмъ играешь
 Судьба желаньями людей ?
 Но полно . . . . слезы изъ очей , —
 И сердце въ грусти замираетъ !

А. Никитинъ.

Э П И Т А Ф І Я

Натальѣ Михайловнѣ Зиловой.

Умъ , чувства , знанія , таланты и любовь
 Къ супругу милому , и счастье жизни вновь ,
 И самой юности предбудущность златая —
 Все скрыто вмигъ тобой , завѣса роковая !

*На кончину Князя Симона Петровича
 Мещерскаго.*

Надежды , радости — все счастье земное ,
 Всѣ блага міра въ немъ — все было въ немъ одномъ
 Для сердца матери . . . и гдѣ-жь дитя родное ?
 Далеко отъ нея почило вѣчнымъ сномъ !

Ахъ ! въ жизни призрачной , въ минутной жизни нашей ,
 Не все-ль обманчивый , коварный , лютый сонъ ? . . .
 Лишь сердце обольстимъ блаженства полной чашей ,
 Какъ вѣжды намъ раскрывъ , исчезнешъ съ нею онъ !

Причти же къ горестямъ , споль *вѣрнымъ* подь луною ,
 И горесть ты свою , мать нѣжная , причти !
 И ободришь умомъ , и вознесишь душою
 На испыщательномъ таинственномъ пуши . . .

Ш а р а д а.

Игрокъ за картами слогъ *первый* произносишь ;
 А Скандинавскій богъ *второго* имя носишь .
 Но чтобы *цѣлое* , чашашель ! отгадашь ,
 Изволь у Лютеранъ во храмѣ побывашь .

Иванъ Марковъ.

К О Р Р Е С П О Н Д Е Н Ц И Я.

Письмо молодого Офицера къ Княгини
Е. Д. А. . . й.

ЛАГЕРЬ ПРИ Д. БОЛВОКЪ БЕССАРАВСКОЙ ОБЛАСТИ ,
 МАЯ 24 ДНЯ 1828 ГОДА.

Надъ мушной влагой Буджака
 Стоить шатерь мой ; въ немъ унылой
 Сижу и зрю издалека
 Враговъ надъ будущей могилой
 Нижегородскаго пѣвца ;
 Имъ нѣтъ числа , имъ нѣтъ конца ! —
 Не слышно вамъ на вашей Прѣсни ,
 Какъ вѣтеръ мчитъ чужія пѣсни
 Изъ Задунайской стороны :
 Поюшь ихъ Турціи сыны .

. . . . .
 Ихъ голосъ буйный громокъ , дикъ
 И звонокъ такъ , какъ Руской шпыкъ ,
 Упадшій на кремнистый камень .
 Но мы ихъ , кажется , уйдемъ !

Дунай глубокъ — мы перейдемъ ;
 Его изсушитъ битвы пламень
 Въ день переправы роковой ;
 И тамъ , гдѣ нынѣ Опшоманы ,
 Мы перевяжемъ наши раны
 Турецкой чистою чалмой.

Мы споймъ лагеремъ подъ д. *Болбокъ* въ двѣ-надцати верстахъ отъ *Сатунова* , гдѣ будетъ наша переправа черезъ Дунай. — Мы сидимъ теперь въ ложѣ не нанятой ; передъ нами открытъ занавѣсъ ; театръ представляетъ огромной Турецкой лагерь со спо-пушечною бапареею — Дѣйствіе первое и явленіе первое очень будутъ занимательны , отъ того что наши актеры очень твердо знаютъ свои роли , а Турецкіе не имѣютъ недосыпка въ Англійскихъ и Французскихъ суфлерахъ. Говорятъ , что спектакль начнется прологомъ (приготовленіемъ къ переправѣ) , потомъ обратится въ трагедію (во время битвы) и кончится драмою , когда въ семейства наши достигнетъ вѣсть объ убитыхъ и раненыхъ.

Завтра или послѣ завтра мы , какъ слышно , начнемъ переправу ; многіе уже приуныли , многіе готовятся приуныть , а другіе совсѣмъ объ этомъ и не думаютъ . — Что же касается до меня , то я до сихъ поръ не знаю , къ которой партіи присоединюсь : — изъ эшаго вы можете заключить , что и я спать полишикомъ ; слѣдственно держу *неутралитетъ* . . . . Насилу написалъ это чершовское трудное неутралишешъ.

Прощайте ! „Что такъ скоро?“ спросите вы. Офицеръ ѣдетъ въ Баллу и поропитъ меня , потому что и его поропитъ. Дѣло походное — Турокъ на носу , — только что не

убьель: пущь ужь можно ясно видѣшь, что бѣдному *Петрухану* не до приличій. . . .

Прощайте!

Любящій васъ подлинно по гробъ, если шолько убьюшь меня на переправѣ.

К. П. С — въ.

ИЗВѢСТІЯ.

Съверные цвѣты на 1832 годѣ.

Ничего нѣшь забавнѣе журнальныхъ объявленій, что въ шакомъ - шо Альманахѣ прозаическихъ сочиненій шолько - шо, стихопвореній шолько - шо; какъ будто *читатели* не умѣли бы *счестъ* сами, еслибъ имъ вздумалось заняшья шакимъ *любопытствомъ*. Чшо кажешся до насъ, шо мы не почитаемъ даже за нужное произнестъ своего приговора о піесахъ: всѣ онѣ *извѣстныхъ* авторовъ. Но мы съ живѣйшимъ чувствомъ сердечнаго умиленія повшоримъ прогашельную пѣснь давно умолкшаго соловья и достойный ошвѣтъ на оную соловья, еще поющаго:

Василію Андреевичу Жуковскому,

по случаю полученія отъ него двухъ стихотвореній на взятіе Варшавы.

Была пора: питомецъ Руской славы,
И я во слѣдъ Державину пѣваль
Фелицы мощь, погромъ и стонъ Варшавы —
Рекла и бысть: и Польши тронъ упаль.

Пришла пора : увянуль , спалъ безгласень ,
И лиру прахъ въ углу моемъ покрылъ ;
Но прочь *свое* ! мой вечеръ шихъ и ясенъ :
Побѣды звукъ меня одушевилъ .

Взыграй же , духъ ! Жуковскій , дай мнѣ руку !
Пускай съ пѣвцомъ воскликнетъ папріошъ :
Хвала и честь Е к а ш е р и н ы Внуку !
Съ Нимъ Рускій лавръ цвѣсть будетъ въ родъ и родъ .

И. Дмитріевъ.

О т в ѣ т ъ

Ивану Ивановичу Дмитріеву.

Нѣтъ , не прошла , пѣвецъ нашъ вѣчно-юный ,
Твоя пора : швой геній бодръ и свѣжъ ;
Ты пробудилъ давно молчаши струны
И звуки насъ плѣнили тѣ-жь .

Нѣтъ ! никогда ничтожный прахъ забвенья
Твоимъ струнамъ коснуться не дерзнетъ ;
Невидимо ихъ геній вдохновенья ,
Всегда крылатый , спережеть .

Державина струнамъ родныя , пѣли
Онѣ дѣла тѣхъ чудныхъ прошлыхъ лѣтъ ,
Когда вездѣ мы бисвами гремѣли ,
И бисвамъ тѣмъ дивился свѣтъ .

Ты намъ воспѣлъ : „какъ буйные Типаны ,
„Смутившіе Астреи нашей дни ,
„Ея Орломъ низринуты , попранны ;
„Въ прахъ ! въ прахъ ! рекла . . . и гдѣ они ?“

И нынѣ то-жь , пѣвецъ двухъ поколѣній ,
Подъ сѣдиной ты претъему поешь ,
И намъ , швоимъ пипомцамъ вдохновеній ,
Въ часъ славы руку подаешь .

Я помню дни : магически мечпою
 Быль для меня тогда расписанъ свѣтъ ;
 Тогда , являсь , сорвалъ передо мною
 Покровъ съ Поэзіи Поэпъ.

Съ задумчивымъ , безмолвнымъ умилениемъ
 Твой голосъ я подслушивалъ тогда ,
 И вопрошалъ судьбу мою съ волнениемъ :
 „Насступитъ ли и мнѣ чреда ?“

О ! въ эти дни , какъ райское видѣнье ,
 Быль съ нами онъ , шеперь ужъ не земной ;
 Онъ , для меня живое Провидѣнье ;
 Онъ , съ юности товарищъ швой !

О какъ при немъ все сердце разгоралось !
 Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ !
 Въ младенческой душѣ его , казалось ,
 Небесный ангель обиталъ ! . . . .

Лежишь вѣнецъ на мраморѣ могилы ;
 Ей молился Россіи вѣрный сынъ ;
 И будишь въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
 Святое имя : Карамзинъ.

А ты цвѣти , пѣвецъ , нашъ вдохновитель ,
 Младый душой подъ снѣгомъ старыхъ дней !
 И долго будь намъ въ старости учитель ,
 Какъ былъ во младости своей.

В. Жуковскій.

Равномѣрно предославляя самимъ чипашелямъ отдѣлишь *балласть* опъ *груза* , спрашиваемъ шолько : не уже ли можно въ Рускомъ языкѣ замѣнишь слово : *стихотворенія* , словомъ : *поэзія* ? не уже ли поэзія и спихотворенія одно и шо же ? Ну если подъ именемъ *поэзіи* окажется *проза* ? Положимъ что въ *Сѣверныхъ цвѣтахъ* эшаго случишься не можешъ ; но все шаки большая разница между *поэзіей* , не

имѣющей у насъ множественнаго числа, и *poesies*, чего не лзя замѣнить другимъ словомъ, соотвѣствующимъ нашему *стихотворенію*, въ которыхъ, повшоримъ, не рѣдко находимъ *прозу*, равно какъ *поэзію* въ сей послѣдней.

Кстати о поэзіи. Когда мы прочли анпологическую (не имѣемъ духа писать анеологическую) эпиграмму: *Риѣма*; по удословѣрились совершенно, что она родилась опъ *Эхо*, вспомнивши въ *Увѣдшей розѣ* риѣмы: *оживи и живи!* (спран. 33). Что же можетъ быть убѣдительное такой генеалогіи?

Но вошь въ чемъ мы не убѣждены нимало, прочитавши на 150й спраницѣ: *Изъ воспоминаній старика о его молодости*. Какъ! развѣ не о своей молодости? Какое же надлежало бы употребить мѣстоименіе, когда бы находилось другое лицо? . . . Мы вошли въ такую грамматическую мѣлочь для того единственно, что подъ оною спашьею видимъ имя великаго *обозрѣвателя* нашей словесности. Да проспимъ ему Великій мужъ Россійской Грамматики *невольное* прегрѣшеніе!

Не помолишься ли намъ и о себѣ, впадшихъ въ искушеніе разсмѣясь (не вольно же!), при спрокахъ (294 — 295): „Природою занимаешься Естествоенная Исторія.

„Человѣкомъ — человѣческая Исторія.“ И наконецъ:

„Отсюда начинается человѣческая Исторія, которая и проч.“

Которая и проч.! скажите, какъ же было воздержаться? . . . Если *Нягиня N.* подвержена *хандрѣ*; по вѣрно осталась благодарна за *Нѣчто о наукѣ* (?).

П а р и ж с к і я м о д ы .

Тюрбаны à la Moabite въ превеликой модѣ у молодыхъ женщинъ. Сей головной уборъ по большой части бываешъ бѣлый съ серебромъ или золотомъ.

— На одномъ вечерѣ мы видѣли прекрасный шуалетъ: розовое объяринное плашье, вышитое бѣлымъ шелкомъ; двойная *мантилья* блондовая вокругъ всего лифа; на головѣ розовый бархатный беретъ съ двумя бѣлыми перьями.

— Мы видѣли много головныхъ уборовъ, украшенныхъ разноцвѣтными тюльпанами. Эпошь цвѣтокъ очень красивъ, если расположенъ на головѣ со вкусомъ.

— Концы газовыхъ шюрбановъ, вышитыхъ золотомъ или серебромъ, упадають на шею и обшиваются крученою бахромой. Г-жа В***, на балѣ у Казимира Перье, имѣла газовый шюрбанъ вишневаго цвѣта, вокругъ кошораго обвивались длинныя косы ея бѣлокурыхъ волосъ. На лбу блестящій аграфъ раздѣлялъ двѣ косы.

— Гирланды изъ корраловыхъ корней перемѣшиваются съ зеленою и золотомъ.

— Матерья *Эсмемальда*, о кошорой мы уже говорили, все еще въ большомъ употребленіи на балахъ. Всѣ фантастическіе головные уборы идутъ къ сей матерьи.

— Мушщины носятъ черныя кашемировыя жилеты, вышитыя разными цвѣтами.

Изъясненіе картинки при семь No.

Плашье бархатное. Тюрбанъ à la Moabite.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,
съ шѣмъ чшобы, по ошпечашаніи, были предшавлены въ Цесурскомъ Комишешъ шри экземплара. Москва. Февраля 16го дня, 1832 г.

Ценсоръ Сергій Ансаковъ.

САМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

ЦЫГАНСКІЙ ТАВОРЬ.

*Изъ третьей части Историческаго романа
XV столѣтія :*

ШЕМЯКИНЪ СУДЬ.

Сочиненіе Павла Свижнина.

Осеннее солнце, какъ будто умывшись трехдневнымъ дождемъ, ярко освѣщило на правомъ берегу живописной рѣки Челамы нѣсколько разбросанныхъ по покашости палашокъ, привязанныхъ къ прутьямъ деревь, и гусной парь, подобно шуману, внезапно окружилъ ихъ непроницаемою пеленою. При каждомъ изъ сихъ кочевыхъ припоновъ прещаль костерь сырыхъ

дровъ, копорые подкладывались босыми, запачканными ребяпишками, паскавшими со всѣхъ споронъ въпви, пеньку и все, что ни попадалось имъ сга-раемаго по близости. Надъ косирами, на желѣзныхъ крючьяхъ, висѣли глиняные горшки, ушвержденные къ перекладинамъ, или сошкамъ. Опреножанныя лошади бродили вокругъ и щипали влажную праву; плачь и крикъ ребяшь мѣшался съ лаемъ и воемъ голодныхъ собакъ и часпымъ говоромъ грубыхъ голосовъ. Въ одной изъ сихъ полукрытыхъ палатокъ была видна направо шелега, набитая подушками и перинами, а слѣва опущенный пологъ изъ грубой деревенской серпянки. Пожилая женщина съ всклокоченными волосами, смуглая, неприглядная, сидѣла шущъ подъ навѣсомъ, держа на рукахъ груднаго ребенка, и размѣшивая по временамъ въ горшкѣ жирное варево, что-то бормошала про себя неявственно, опривисто и непріязненно.

„Не нашла коня,“ сказала миловидная смуглая дѣвушка, подошедши къ ней съ уздою въ одной рукѣ и лукошкомъ овса въ другой.

— Ты бы еще больше пялила глаза на Ушѣшку! и подавно ничего не увидишь, ничего не найдешь. Вишь, давно не видались! А башька-то велѣлъ вычиспиль сивку; ужо поведешь его къ Опрепьеву — ворчала спаруха, не обращая вниманія на дѣвушку, копорая, какъ маковъ цвѣшь, покраснѣлась при имени Ушѣшки. . .

„Напрасно, мапушка, напрасно!“ сказала сквозь слезы дѣвушка: „я люблю Ушѣшку, какъ брапа; мы съ нимъ вмѣстѣ выросли у покойнаго дядюшки Вороны: по диво ли, что я ему обрадовалась. Сама вѣдаешь, что онъ обо мнѣ не думаетъ; что онъ спалъ Бояриномъ. — То-то и худо, Стешинька, что онъ о тебѣ не ду-

маешь. Меня не обманешь; чай, и шеперь все съ нимъ прокалякала на Пугаѣ, а конь - по разпушался и убѣжалъ къ шарому хозяину, Мослу. —

Замѣшашельство прелестной Спешки увеличилось шѣмъ болѣе, что машь ошгадала мѣсто ихъ встрѣчи, хопя сія послѣдняя была не ожиданна и Спешка шочно долго искала коня. Какъ же обрадовалась она, когда, обернувшись на конскій шопощъ, увидѣла друга своего, скачущаго на сивкѣ. Проворно соскочивъ съ коня, Ушѣшка подаль дѣвушкѣ поводъ и сказалъ: „На! возми своего звѣря; насилу прокляшаго поймалъ на Красницѣ; шакъ и дерешъ въ Шокшу.“ И не обращая вниманія на слова шарухи, копорая бранилась, что онъ вспарилъ сивка, лешая вѣрно на мѣльницу, чтобъ взглянуть на свою сударку, когда она погонилъ коровъ въ поле, а у Будая еще глаза заволокло мукою; слышашъ же, — онъ не услышитъ, хопъ подъ носомъ цѣлуйся. . . . Подбѣжавъ къ положу и сказавъ нѣсколько словъ лежавшему въ немъ человѣку, Ушѣшка скрылся съ нимъ въ шу же минушу за кусшы.

Едва успѣли они спуститься въ близъ-лежащій оврагъ, какъ нагрянуло великое множество вершниковъ. Шемяка выѣхалъ съ соколами и борзыми позабавилъ охопою Ташарскаго Посла Бигича, копораго уже болѣе недѣли шѣшилъ всѣми Галицкими весельями.

„Собирай Фараоновъ!“ грозно закричалъ Князь: „вонъ всѣхъ изъ нечиспыхъ гнѣздъ; пляшите, пойше, шѣшше дорогаго гостя,“ указывая на Мурзу, гордо сидѣвшаго въ красномъ кафтанѣ на борзомъ аргамакѣ, украшенномъ серебрянною сбруею. Въ минушу выгна-

ны изъ палашокъ и весьма не учпивымъ образомъ всѣ жипели шабора опъ мала до велика; въ одну минупу разоспланы на лужайкѣ ковры и войлоки, выпасканные охотниками изъ цыганскихъ кибипокъ, и Князь Шемяка, соскочивъ съ иноходца своего, усѣлся на нихъ съ Казанскимъ Посломъ, съ любимцемъ своимъ, пучнымъ Воеводою Опрепьевымъ, и пятью или шестью знашнѣйшими Боярами; прочіе составили кружокъ, а Цыгане и Цыганки, собравшись въ кучу, оглушили воздухъ звонкими, рѣзкими головами и хлопаньемъ въ ладоши.

Опрепьевъ, спрашпный охотникъ до сего рода забавъ, самъ назначилъ, какія пѣшь пѣсни и въ воспоргѣ подпягивалъ своимъ басомъ; но Шемяка замѣшивъ, что Магомепанинъ не чувствовалъ никакого удовольствія ни опъ заунывныхъ мелодій, пропяжныхъ Рускихъ пѣсень, ни опъ шума и звуковъ цѣлаго хора, опъ кошораго бы запрещали уши у насъ православныхъ, приказалъ повеселить гостя пляскою. „Подавай Спешку и Палашку!“ вскричалъ Опрепьевъ, и двѣ прекраснѣйшія дѣвушки, съ одною изъ кошорыхъ мы уже познакомились, выступили на средину съ побрякушками въ рукахъ. Угрюмый Тапаринъ умильно осклабивъ зубы, успавилъ лакомые глаза свои на сіе новое, незнакомое для него удовольствіе. Любопышно было видѣшь, съ какою жадностію пожиралъ онъ взорами спрашпныя ухвашки сихъ Вакханокъ, когда подбѣгая къ нему, онъ огненными взглядами, препенаніемъ груди, сладоспрашпнымъ пожатіемъ плечъ, манили, казалось, къ наслажденію и вдругъ удалялись съ быспрошою молніи — какъ будпо убѣгая опъ преслѣдованія, и въ шо же время какъ бы приманивая за собою. . . .

„Ну, Князь!“ сказал Мурза: „ни чѣмъ ты меня не могъ лучше упошчивать на прощаньи! Для эдакова веселья гошовъ я хопь еще денѣкъ другой погоспишь у тебя.“

— Погоспи хопь недѣлку; за чѣмъ поропишься въ Курмышь? Тамъ всё кривые, да хромые, — опъ насъ неуйдушъ — сказалъ Шемяка, захохопавъ — мнѣ, признапьяся, давно хопѣлось пошѣшишь тебѣ Цыганами, да я боялся... вишь, шупъ дѣвки: по не зналъ, какъ тебѣ покажешся. — „А вопъ какъ, чпо Цыгане лучше всѣхъ пвоихъ пошѣхъ, и дураковъ, и медвѣдей.“

Да, пріапшель! — опвѣчалъ Шемяка — съ шѣхъ поръ, какъ они появились у насъ, на Руси, съ шѣхъ поръ спало веселье, даромъ чпо поганые. —

„Какъ шакъ!“

— Да! Цыгане не моляшся ни какому Богу, не знаютъ пошповъ и жрупъ чпо ни попало, даже кошекъ и собакъ. —

Въ эшу минушу раздался всеобщій смѣхъ; Бегичъ привспавъ, увидѣлъ, чпо подѣвзаешъ къ нимъ спранная фигура — чучело въ человѣческомъ образѣ, на низенькой лошаденкѣ, кошорая по и знай, чпо лягала.

„Эшо мой дуракъ, Уродко,“ сказалъ Шемяка Ташарину.

Дуракъ, а не врешъ шакъ! — вскричалъ Уродко охриплымъ голосомъ, и слѣзши съ лошаденки, приказалъ Опрепьеву держашъ своего коня. Добрый ударъ нагайкою былъ опвѣшомъ забавнику и увеличилъ всеобщей хохопъ. Уродко былъ въ нагольномъ шулупѣ, вывороченномъ на изнайку, кошораго одна половина бѣлая, а другая черная. Половина рыжей бороды и головы шупа плошно выприжены, словно выбри-

ты, и къ довершенію красоты, онъ былъ хромъ, горбашъ и съ разсѣченною губою, шакъ чшо, поиспинъ, съ перваго взгляда возбуждалъ ужась и смѣхъ.

„Чшо вы у поганыхъ - шо дѣлаете?“ вскричалъ Уродко: „ужо вамъ дасшь попъ Тарась; и шебъ, брашь, не ускользнушь, даромъ чшо Бусурманинь; развѣ поклонишься поросеночкомъ.“

Ташаринъ нахмурилъ брови при шоль прошивномъ словѣ для слуха чпишеля Алькорана, а Ошрепьевъ замахнулся на дурака нагайкою; но онъ шакъ искусно перекувырнулся черезъ голову, чшо ударъ прошелъ мимо, и шущъ вспавши на ноги, очутился прямо прошивъ Спѣшки; она хощла-было убѣжашъ, но уже было поздно. Уродко схватилъ ее въ охапку, словно впился въ нее и спарался поцѣловашъ. Всѣ хохотали; одинъ Ташаринъ изъ жалоспи, или изъ какого другаго чувства, заспунился за бѣдную дѣвушку и сильною рукою ошдернулъ его опъ Цыганки.

„Пошише, пошише, брашь! вишь, и на чужбину ты не шоровашъ; экъ вы привыкли чужимъ - шо добромъ лакомишься.“

— Эй, Щуръ! спусти нахала на дурака, чшобъ ему глотку вырвалъ — закричалъ Шемяка, и въ одну минушу проворной спремьяный ускнулъ на Уродка большаго пѣгова кобеля, привыкшаго уже къ сей попѣхѣ, равно какъ къ шравлѣ медвѣдей, привязанныхъ къ колесу на дворѣ Княжескомъ. Уродко, шакже опышный въ семъ дѣлѣ, мигомъ вгромоздился на своего аргамака, подобравъ кривыя ноги свои и схватившись лѣвою рукою крѣпко за гриву, правою спалъ опмахивашься опъ собаки плешью, а злая

лошаденка начала лягать всіми чешырма ногами и кусаться.

Сія и подобныя забавы надъ шумомъ и съ Цыганами продолжались столь долго, что Князь опложилъ соколиную охоту до другаго времени, спѣша возвратиться ко обѣду въ городъ.

II. C.

*Повѣсть странника о Странникѣ.
Статья осьмая.*

C'est que je sais le mieux, c'est mon commencement, сказалъ *Расинъ* въ своей комедіи.

А какъ узнаешь наканунѣ, чѣмъ начнешь день завтра?

„Ваше *сегодня* — *завтра*,“ писалъ Суворовъ къ одному изъ племянниковъ своихъ. „Точность“ прибавилъ онъ „въ одномъ Богѣ, а въ дѣлахъ человѣческихъ нужно печеніе.“

Vivre, c'est faire du bien, сказалъ въ письмѣ своемъ *Пелисонъ*, выпрашивая у Людовика XIV пощаду казначею *Фуке*, который пропировалъ милліоны. Замѣшимъ, что и добрый *Лафонтенъ* ходатайствовалъ за *Фуке*.

„Къ чему все это приведено?“ Къ тому, чтобы сказать: *теченіе дѣлъ человѣческихъ должно жить и стремиться къ добру.*

Увы!

La vie est un voyage ;
Tachons de l'embellir.

Путешествіе въ Аравію.

Посмотрите! сонмы людей бѣгутъ, летяшь подъ бисерной небосклонъ щасливой Аравіи, названной щасливою пошому, что

шамъ цаѣшупъ роци пѣнисшыя. И эшо небездѣлица! ешь гдѣ укрышься ошъ зноя солнечнаго. За чѣмъ же спѣшашъ шуда спранники? Они спѣшашъ освѣжисья живою водою. Споусшая молва разгласила, что на вершинѣ холма, осѣненного рощею аромашною, изъ-подъ куста бѣешъ ключъ *живой воды*, возвращающій дни ясныя, дни весенніе. Прибѣжали спранники; съ жадностію пьютъ изъ спруй ключа. Десять лѣтъ спадываешъ съ плечъ; изгладились морщины; румянецъ розъ блеснулъ на щекахъ; глаза засверкали огнемъ любви и сладостраспія. На крыльяхъ радости спремашся пушники къ наслажденію. Вдругъ видяшъ скалу дикую, крупную. Съ вершины ея раздаешся голосъ невидимаго сущесшва: *Остановитесь, легкомысленные! взойдите на скалу мою: »напою васъ водою воздержанія!*«

Не оглядываюшся спранники; они бросаюшся въ объашпія нѣги и любви, до дна испиваюшъ чашу сладостраспія — и мелькнула юность; и пролетѣла; ошалось раскаяніе.

Чего мы ищемъ? чего желаемъ?

Метель. Балада. Руская пѣсня.

Метелица стелится;

Вѣтся снѣгъ столпами!

А невѣсша молодая

Къ лѣсу сквозъ мешель лешитъ.

Къ другу шамъ ея дорога. . . .

Проситъ, молитъ слезно Бога

Видѣть жениха скорѣй;

Видѣть жизнь души своей.

Метелица стелится;

Вѣтся снѣгъ столпами!

Ясно солнце проглянуло ;
 Въ полѣ улеглась метель.
 Сердце дѣвицы вздохнуло ,
 И въ поскѣ она поетъ :
 „Возвратись , другъ ненаглядной !
 Возвратись ко мнѣ скорѣй !
 Ахъ ! въ кручинѣ безоправдной
 Жизнь отдай душѣ моей !“

Лугъ солнца играетъ

И лѣсъ золотитъ !

Загудѣло подѣ саями ;
 Бросилась невѣста къ нимъ —
 И чшожь видишь надѣ саями ? . . .
 Гробъ , увы ! на нихъ стоишь . . .
 Тошь , кто дружкойо былъ званнѣмъ ,
 Друга тошь шеперь везешь !
 Онъ ни слова не промолвишь :
 Лишь слезами говоришь .

Лугъ солнца играетъ ,

И лѣсъ золотитъ .

Падаешь на гробъ дѣвица ,
 Кличешь друга — другъ молчишь !
 Сочешалась съ нимъ невѣста
 Ранней смертію своей !
 Скрылось солнце ! — зашумѣла
 Снова бурная метель .

Метелица стелится ;

Вьется снѣгъ толпами .

Метатель .

(Продолженіе впредѣ.)

С М И Р Н А.

(Изъ *La Contemporaine en Egypte.*)

Въ концѣ 1830 года сказали намъ, что пріѣхалъ сюда Россійскій Посланникъ, и что съ нимъ былъ Генераль Толстой. Я пошчасъ написала къ Г-ну Рибошьеру, прося его о свиданіи. Онъ незамедлилъ пріѣхать ко мнѣ съ Княземъ Голицынымъ. Что же касается до Генерала Толстаго, то онъ осмался въ Константинополѣ; и какъ цѣль моего поступка не была достигнута, то я просила Г-на Рибошьера взять опъ меня письмо къ Генералу Толстому; Посланникъ охотно согласился; мы разговаривали очень весело и очень долго, а на другой день Леопольдъ отправился къ Посланнику на Рускій фрегатъ съ письмомъ, въ копоромъ я рассказала о печальномъ положеніи своемъ (*) и претбовала нѣкоторой помощи опъ родственника опцу моему (**). И пакъ посѣщеніе Россійскаго Посланника было не иное что, какъ протспая семейная нужда, какъ надежда злоключенія, а почлось здѣшними Франками за дѣла общеспвенныя, копорыя мнѣ нанесли бы много вреда со стороны нашихъ добрыхъ Мусульманъ, если бы я не нашла средспва опвращить онаго, напечапавъ черезъ два дня послѣ сего посѣченія въ Смирнскомъ Курьерѣ спашью: *О Туркахъ и Грекахъ.*

Она доказала, что перо мое никогда не претспаетъ бышь справедливымъ и безприспраспнымъ.

(*) Современница была жестокимъ образомъ ограблена разбойниками (но не *Турками*, а *Греками*) на дорогѣ изъ Чесмы въ Смирну. *Изд.*

(**) Современница протсподитъ съ опцовою сторону изъ Венгерскаго дома *Толстыхъ.* *Изд.*

А л ь б о ж ь .

Шекспиръ , великій Шекспиръ , ошъ шеапральнаго крыльца, у кошораго Шекспиръ, юный и бѣдный, снискиваль себѣ прописаніе шѣмъ, чпо держаль лошадей, ошдаваемыхъ ему прїѣзжавшими въ спектакль верхомъ, перешель на сцену, гдѣ сто разъ былъ увѣнчанъ лаврами Талии и Мельпомены; а сколько найдется драматическихкихъ писателей, кошорыхъ бы надлежало свести со сцены къ шеапральному крыльцу именно для шого, чпобы они держали лошадокъ — вмѣсто перьевъ.

Въ 25 Но Сѣверной Пчелы 1832 года подѣ спашьею: *Смѣсь*, авторъ спашьи начинаешъ ее шакимъ образомъ: „Забвеніе всѣхъ приличій дошло въ Московскихъ Журналахъ до высочайшей степени! . . .“ и указываетъ на два Журнала — шо ешъ на *Телескопъ* и *Телеграфъ*, въ кошорыхъ исчислены авторомъ спашьи „площадныя насмѣшки, самая грубая брань и личности, насмѣшливость, хотя безъ грубой брани, распочаемыя при выгодѣ сочиненій писателей —“ (охъ! эши надежи! Не напрасно же они шакъ названы!) — „не имѣющихъ ничего общаго съ Московскими журналистами,“ etc. etc. etc.

„Московскія Типографіи! Московскіе Журналы!“ жужжишъ Сѣверная Пчела, а за нею и другія насѣкомыя, при всякомъ дурномъ сочиненіи, въ Москвѣ вышедшемъ. Но въ Москвѣ издаешся болѣе *двухъ* Журналовъ: на какую же степень поставитъ *неприличіе* ша-

кого *забвенія*? . . . Впрочемъ , кажется , и Пешербургскіе Журналы не уступаютъ Московскимъ въ подобномъ забвеніи , которое , на примѣръ , въ *Сѣверномъ Меркуріѣ* и *Литтературныхъ Прибавленіяхъ къ Инвалиду* простирается иногда до героическаго *самозабвенія* при взаимныхъ комплеменахъ , испинно рыцарскихъ ! . . .

Жаль , что не всѣ подобныя спашьи Сѣверной Пчелы такъ забавны и дѣльны , какъ *Письмо къ Издателямъ* , напечатанное въ 29 номерѣ !

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

ОТВѢТЪ СЛѢПОВА ЗРЯЧИМЪ.

*При разговоръ о стихотвореніяхъ Графа
Дмитрія Ивановича Хвостова.*

Кто умѣлъ прочесть Хвостова ,
Тотъ не скажешь про слѣпова ,
Что слѣпой Хвостову льстятъ .
Какъ при солнцѣ свѣтъ блещитъ ,
Такъ въ стихахъ его алмазы ,
Изумруды и топазы
Свѣщаютъ , блещутъ и горятъ .
Музы сами говорятъ
Въ пѣснопѣніяхъ Хвостова :
„Много блеску золошова ,
Много милой простоты ,
Много умной красоты .
Не умреть Хвостова лира
Для Державинскаго міра . . .“
Истинный языкъ боговъ
Есть глаголь безсмертныхъ словъ .
Все замолкнешъ , омертвѣешь ;
Только шотъ не онѣмѣешь ,

Кто какъ лебедь сладко пѣлъ ;
 Восхищать сердца умѣлъ ,
 Какъ Державинъ , Бардъ Фелицы ,
 Золотыхъ временъ Царицы ;
 Чей одинъ небесный взглядъ
 Тысячи давалъ опрадъ .

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Но Хвостовъ и подъ снѣгами
 Сладкозвучными стихами
 Заслужилъ себѣ вѣнецъ ;
 Какъ лирической пѣвецъ ,
 Какъ питомецъ вдохновенья
 Въ гробовой шуманъ забвенья
 Въместѣ съ славой не сойдесть .
 Слава смерть переживесть !
 И любитель пѣснопѣннй ,
 По уму и сердцу геній ,
 Опдѣливъ отъ свѣта тьму ,
 Умное отдастъ — уму !

Н. Шатровъ.

О н а .

Амуръ своей стрѣлой златою
 По воздуху махнулъ ,
 И розой устъ своихъ живою
 Съ улыбкою дохнулъ —
 И родилась — самой Киприды
 Лицемъ и станомъ дочь ;
 Прелестная , какъ Аониды ,
 И милая шочь въ шочь ,
 Какъ Душенька поэмы нашей ,
 Пѣлннительной досѣль ,

Или еще милѣй и краше! . . .
 „Да ктожь она?“ Уже-ль
 Ее, ее вы не узнали
 По вѣрнымъ симъ чертамъ?
 Вы съ нею вмѣстѣ танцовали
 У *Йогеля*. . . . и памъ
 Она блиспала. . . . Но довольно!
 Едва-ль уже мой спихъ
 Ее не назваль. . . такъ невольню
 Въ мечшаніяхъ моихъ!

II. 16. 20.

14го Февраля 1832.

А н а г р а м м а.

Читай меня впередъ, назадъ хоть цѣлый вѣкъ;
 Все выдешъ изъ меня военный человекъ.

И. Марковъ.

С М Ъ С Ъ.

Утренній балъ Г-на *Йогеля*.

Московскія карнавальныя веселья начались ушреннымъ баломъ, или *танцовальнымъ завтракомъ* (dejeunée dansant), копорый данъ 14го Февраля Г-мъ *Йогелемъ* въ большой залъ Благороднаго Собранія. И кому же приличнѣе открывать балы всякаго рода, какъ не *генію танцовъ*, образовавшему по крайнѣй мѣрѣ два поколѣнія танцующей публики? За то сія публика и благодарна своему паркешному Несшору: ибо не взирая, чпо уже это былъ *третій* балъ, данный г-мъ *Йоге-*

лемь въ нынѣшнемъ году, большая зала Благороднаго Собранія наполнилась лучшимъ обществомъ; панцы были очень живы, танцующіе очень веселы; зришели любовались развитіемъ юныхъ прелестей, еще не украшающихъ свѣта, но уже готовыхъ украситъ, подобно какъ весеннія розы пышный цвѣтникъ.

Недоставало только *жемчужинъ*, украшающихъ балы нашего неупомимаго Новера — прехъ маленькихъ Грацій-Ладыженскихъ, и крошечнаго Весприса-Тарновскаго; за шо вдругъ посреди обширнаго круга общей мазурки явились при машроса опъ 7 до 10 лѣтъ; музыка перерываеся; машросы начинаютъ свой панецъ и подъ свою музыку; плѣняютъ каждымъ *па*, каждымъ движеніемъ гибкихъ членовъ своихъ и... новые лавры увѣнчиваютъ почтенное чело *хозяина* — въ жаркихъ рукоплесканіяхъ его пипомцамъ. Эшо были дѣши Г-жи Еврейновой. О самомъ меньшомъ изъ нихъ мы можемъ разсказать слѣдующую замѣчательную черпу раняго оспроумія:

Одна юная знакомка эшаго милаго ребенка, надѣвши на себя какую-шо шапочку, спрашиваетъ у него: „Какъ я вамъ кажусь въ эшомъ нарядѣ?“ Въ чемъ бы вы ни были, — вы равно хороши! — отвѣчалъ онъ съ живостію. И ему только *семь лѣтъ!*

Говоря о балахъ, должно сказать, что давно въ Москвѣ не было споль часпыхъ, споль многихъ въ одинъ и попъ же день и споль разнообразныхъ въ отношеніи къ хозяевамъ.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Креповое платье вишневаго цвѣта отдѣляется пятью баншами изъ ленъ такога же цвѣта съ золотою выпушкою : сіи баншы идутъ отъ колѣна въ низъ платья на равномъ разстояніи другъ отъ друга , а посрединѣ перехвачены аграфами . Рукава приподняты посреди ленною , которая составляетъ на плечѣ баншъ , украшенный аграфомъ же .

— Газовыя платья , вышитыя золотомъ или серебромъ , въ большой модѣ , особенно когда они перемѣшаны съ пунцовымъ или бѣлымъ — цвѣта , которые нынѣ предпочитаются всѣмъ прочимъ .

— Мы замѣтили одно голубое креповое платье , убранныя шрема концами ленъ , падавшими отъ пояса до колѣна ; каждая ленша оканчивалась баншомъ , концы же шли еще гораздо ниже . На рукавахъ отъ банша выходило пять концовъ , которыми совершенно покрывались рукава .

— Нынѣшнюю зиму на всѣхъ праздникахъ мы видѣли всего больше причесокъ à la Grecque , украшенныхъ гирляндой à la Cégés . Зеленые колосья , перемѣшанныя съ бриллиантовыми , также въ большой модѣ , равно какъ и спрѣлы .

— На самыхъ блестящихъ балахъ замѣчены платья изъ шалѣ , убранныя золотыми или серебряными листьями .

— Бархатъ или апласъ — самая употребительная матерія для шляпокъ , которыя по большой части имѣютъ не большія , но расширенныя поля .

И з љ а с н е н і е к а р т и н к и п р и с е л ь N o .

Головной уборъ газовый . Платье апласное . Рукава блондовые .

Шарада , напечатанная въ предыдущемъ N o , значить :
П а с т о р ь .

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В Ъ Л Я Е Т С Я ,

съ шѣмъ шобы , по отпечатаніи , были предсдввлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра . Москва , Февраля 22 го дня , 1852 г .

Ценсоръ Сергѣй Аксаковъ .

1832.

Парижская Мода.

№.

Дансвилль Шляпаль.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П Р О З А .

ВЫЗЫВАНІЕ ТѢНЕЙ.

В о с т о ч н а я п о в ѣ с т ь .

Ахъ! не завиденъ здѣшній свѣтъ,
 Гдѣ милое — одинъ минушній цвѣтъ,
 Гдѣ доброму — слѣдовъ ко щастью нѣтъ,
 Гдѣ мнѣніе — надъ совѣстью властитель,
 Гдѣ все — иль жертва, иль губитель.

Жуковский.

Въ царствованіе славнаго Калифа Альманзора жилъ въ Багдадѣ чародѣй, большую часть жизни своей посвятившій на изслѣдованіе, какое благо для человѣка дороже всего на свѣтѣ. Философія научила его, что нѣтъ щастія въ раболѣпствѣ спраснямъ, всегда мятежнымъ, или въ привязанности къ мечтамъ не сбыточнымъ, на которыхъ люди слишкомъ часто основываютъ свое щастіе.

Продолжительныя и многотрудныя изысканія увѣрили его, что жизнь есть величайшее благо, какимъ только Алла надѣлилъ человѣка. — „Жизнь драгоцѣнна,“ думалъ онъ: „одна мысль о потерѣ ея заславляетъ препешать отъ страха; да и самый несчастливецъ, сколько можно, спарается продлить ее; между тѣмъ мы видимъ, съ какою быспрошою текутъ крашкія минушы нашего земнаго спранствія. Лишь только достигнемъ возраста, когда здравый разумъ раскроется и укажетъ намъ средства наслаждаться жизнью, какъ смерть прерываетъ сонъ, обольщавшій насъ мечшою благоденствіемъ.“

Мудрый Рогдай, остановившій мысль свою на томъ, что, по его мнѣнію, было всего драгоцѣннѣе для человѣка, прибѣгнувъ къ волшебному искусству и рѣшился вызывать мершвыхъ изъ гробовъ (*). „Меня почтуютъ величайшимъ благодѣтелемъ человѣческаго рода,“ думалъ онъ „и пусть мой устютъ цвѣтами тѣ, которымъ возвращу друзей и родныхъ; я разсѣю темное облако, скорбію на землѣ распротертное; опру слезы опчаянія и снова произведу улыбку на устахъ, поблекшихъ отъ горести.“

(*) „Какъ бы я желалъ, чтобы какой-либо чародѣй вызвалъ для меня тѣни великихъ мужей!“ говорилъ одинъ юный восточный Принцъ своему наставнику. *Я исполню твое желаніе — отвѣчалъ мудрецъ — возьми эту книгу (жизнь знаменитыхъ мужей, описанныхъ Плутархомъ); тѣмъ внимательнѣе будешь читать ее и тѣмъ чаще станешь размышлять о свойствахъ и дѣяніяхъ лицъ, въ ней изображенныхъ, тѣмъ болѣе будутъ носиться надъ тобою тѣни великихъ мужей, и никогда уже не оставятъ тебя. —*

Для пріобрѣтенія успѣха въ семь предпріятій, надлежало умолишь мрачнаго Генія смерти, коего охранительныя крылья служатъ покровомъ шихому приспанищу, гдѣ покояшся оспашки смершныхъ, и коего тяжкія цѣпи навсегда удерживають въ гробницахъ шѣни, желающія возвратиться къ предметамъ своихъ земныхъ привязанностей.

Рогдаи убѣдилъ Генія явиться къ нему — но безплошный долго не соглашался исполнить желаніе мудреца.

„Хорошо ли шы обдумаль, чего опъ меня пребуешь?“ сказалъ ему Геній: „не забыль ли шы, что въ гробницахъ, порученныхъ моему надзору, покояшся спрасши, причиняющія ужасное зло человѣческому роду? — Смерть спольже нужна, какъ и жизнь, къ сохраненію вселенной; одной полько смерти предоспавлено препятствовашъ разлицію зла и смиряшь буйство порока.“

Какъ бы шо ни было, Геній, убѣжденный неоспупными просьбами чародѣя, позволилъ ему — не болѣе, какъ на нѣсколько часовъ — возвращашъ жизнь шѣнямъ, кошорыя почпешъ онъ шого достойными.

Багдадъ въ эшо время былъ погруженъ въ мрачное уныніе и раздѣлялъ глубокую горестъ своего Калифа. За нѣсколько недѣль передъ шѣмъ онъ лишился Фашимы, одной изъ прелестнѣйшихъ и любимѣйшихъ женъ своихъ. — Она распалась съ жизнію и сошла во гробъ спольже неожиданно, какъ роза, увядшая опъ бурныхъ дуновеній холоднаго вѣпра. Умъ Фашимы, превышавшій самую красоту ея, обворожилъ Калифа: для нея распочаль онъ всѣ почести; не щадилъ ни какихъ издержекъ для ея удовольствій, и пре-

доставилъ ей всѣ преимущества, какими только первая красавица можешь пользоваться на востокъ.

„Какое добро сдѣлаю,“ думалъ Рогдай „если возвращу жизнь Фахимъ! Какія права приобрѣту на признательность Альманзора; и сколько юная супруга его будетъ благословлять руку, которая снова приведетъ ее на блистательное поприще славы, въ объятія Калифа, даровавшаго ей неопъемлемое право царствовать надъ соперницами, подобно кедрю, выше всѣхъ растений поднимающему свою вершину на долинь, цвѣтами испещренной.“

Рогдай съ нетерпѣнiемъ ожидалъ минулы, когда ночь темною завѣсою покроетъ все въ природѣ, чтобы ему, ни къ кому не замѣченному, можно было пробраться на кладбище, находившееся за стѣнами Багдада.

Дошедши до жилища смерти, на которомъ земля орошена слезами осиротѣвшихъ, и гдѣ дружба, любовь и всѣ прiятныя ощущенiя сердца слишкомъ часто принуждены были покоряться жестокой необходимости навсегда разставаться съ предметами, душѣ любезными, Рогдай подошелъ къ надгробному камню, покрывавшему бездыханное тѣло Фахимы и окруженному благовоннымъ кустарникомъ, посаженнымъ по приказанiю безумнаго Альманзора. — Распустившіеся цвѣты сославляли разительную противоположность между жизнью и смертiю, — противоположность, которою сама природа означаетъ путь нашей жизни, и которая доступна только взорамъ мудраго.

Рогдай началъ вызывать тѣнь Фахимы. Легкій паръ нечувствительно сгустился надъ ея гробомъ и принялъ на себя прелестныя

формы, подъ кошорыми пламенная поэзія Аравіянъ изображаетъ Гурій. — Пльнишельныя округлости сего воздушнаго образа колебались опъ легчайшаго дыханія въпра, подобно пламени, движущемуся по направленію воздуха.

„Фашима!“ сказалъ Рогдай, обращаясь къ тѣни, волновавшейся при каждомъ его словѣ: „я могу оживопворить себя и возврапитъ Калифу, кошорому ты служила единспвеннымъ утѣшеніемъ.“ Тѣнь опвѣспшвовала пихимъ вздохомъ, подобнымъ пому, какой производится въперкомъ, слегка прикасающимся къ шпроснику. — „Фашима!“ продолжалъ Рогдай: „я имѣю возможность снова оживить сіи обворожительныя формы и новыми розами украситъ сіи успа, споль мило выражавшія любовь.“ Рогдай! — мелодическимъ голосомъ опвѣчала тѣнь — за чѣмъ пришелъ ты возмущать пишину, царспвующую въ моей могилѣ? не для шого ли, чшобы возврапитъ мнѣ жизнь, даръ споль крапковременный и ничшожный? Оспавъ меня наслаждаешься безмяшешнымъ миромъ, даруемымъ смерпію. —

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

А л ь б о м ъ.

„Вы лишили меня удовольспвія опвѣчать на письмо ваше. . . . я боялась вашего авторспва.“ — Жалѣю, очень жалѣю, чшо авторспво мое пугаетъ! . . . За шо вы и наказали меня, не удосшоивши опвѣща, опъ котораго. . . . споль *обязательно* изволили опдѣлаться: эпо дамская спрашегика! . . . Чувствую всю тонкость ея. —

Такъ начался разговоръ любезной хозяйки съ вошедшимъ гостемъ, который предлагаетъ *психологамъ* вопросъ: „Точно ли могла

дама бояться авторства при мысли объ отвѣ-
стѣ на письмо автора?« Чшо касается до меня,
шо безъ всякаго авторскаго самолюбія, думаю,
чшо эшошъ *страхъ* имѣешъ свою истину для
истиннаго ума, обыкновенно недовѣрчиваго къ
себѣ; ergo. . . .

Прочшите въ 4о Но Сѣверной Пчелы спашью,
подъ заглавіемъ: *Монологъ паяца-философа на
балконѣ масляничаго балагана*, и вы безъ со-
мнѣнія скажете, чшо ничего не можешъ бышь
основательнѣе, справедливѣе, остроумнѣе, вѣр-
нѣе и милѣе Паяцовой философіи. Чшо слово,
шо мысль; чшо мысль, шо истина! . . . . Ахъ!
если бы чаще слышали мы шакіе *монологи*! . . .
Тогда и *діалоги* нашихъ жишейскихъ балага-
новъ менѣе походили бы на *масляничные*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Послѣдняя пѣсня прекрасному полу.

Проси, полъ милый и прекрасной!
Проси отнынѣ навсегда!
Ты вздоховъ сердца, рѣчи страстной
Ужь не услышишь никогда.

*

Отнынѣ все одной Темирѣ
Должно навѣкъ принадлежать.
Въ послѣдній разъ на слабой лирѣ
Спѣшу хвалу себѣ воздать.

*

Внимай, полъ милый и прекрасной!
Признанью сердца моего:
Ужь скоро звуки лиры страстной
Не шронущъ слуха твоего

*

Едва успѣлъ мой умъ развиться ,
Тебя нарекъ кумиромъ я ;
Въ тебѣ одномъ Творцу дивисься
Меня душа влекла моя.

*

Даръ жизни , сердца ощущенье
Тобою только я цѣнилъ ,
И жизни райской восхищенье
Къ тебѣ одномъ я находилъ.

*

Души высокой благородство
Поспигъ пристрастїемъ къ тебѣ
И чувствъ прекрасныхъ превосходство
Ты могъ одинъ рождать во мнѣ.

*

Тобой позналъ образованье
Ума и сердца своего ,
Оспраду , радость , упованье ,
Цѣль бышїя здѣсь моего.

*

Ты былъ мой Геній - покровитель ;
Тебѣ я вѣренъ былъ судьбой ,
Ты въ скорби былъ мой утѣшитель
И въ щастьи — щастїя виной.

*

За каждый въ жизни мигъ щасливой ,
Которымъ ты дарилъ меня ;
За каждый часъ мечты игривой
Благодарю всегда себя.

*

Простите , пайныя свиданья !
Очей волшебный разговоръ !
Надежда , страхъ и ожиданья ,
И первой страсти робкій взоръ !

*

Въ послѣдній мигъ существованья
 Я вспомню прелести свои
 И облегчивъ мои спаданья,
 Я мирно кончу дни свои.

*

Прости, полъ милый и прекрасной!
 Прости отнынѣ навсегда!
 Ты вздоховъ сердца, рѣчи страстной
 Ужь не услышишь никогда.

К. А. Долгорукой.

К ъ н е м у.

Ахъ! если-бъ меньше ты *трубилъ*
 О знаніяхъ своихъ, и больше бы щадилъ
 Слухъ бляжняго; тогда-бъ ты былъ
 И меньше прослъ, и больше миль.

Я радъ!

Я радъ, когда враговъ моихъ
 Возвыситъ случай своенравный:
 Тогда не такъ мнѣ спыдно ихъ,
 Какъ намъ поспыденъ бой неравный.

А н а г р а м м а.

Съ лица-ль, съ запылка ли меня возьмешь:
 Все древняго Царя во мнѣ ты обрѣтешь.

И. Марковъ.

 К О Р Р Е С П О Н Д Е Н Ц И Я .

Письмо къ пріятелю изъ Курска.

18ГО ФЕВРАЛЯ.

Ты знаешь , любезный другъ ! что Курскъ всегда славился необыкновенными веселостями и радушнымъ госпепрїимствомъ жителей ; но нынѣ онъ превзошелъ самого себя . Нѣтъ дня , въ который не было бы нѣсколькихъ пышныхъ обѣдовъ и шанцовальныхъ вечеровъ ! Швеи не успѣваютъ шить нарядовъ , купцы выписывали махерей . Ювелиры , модные магазины спеклись изъ многихъ сосѣдственныхъ Губерній и не могли вполнѣ удовлетворять требованіямъ публики ; и не смотря на то , что Курскъ есть одинъ изъ обширныхъ городовъ Россіи , нѣтъ дома , который не былъ бы занятъ ; особенно послѣдняя недѣля представляла нѣчто невѣроятное : на каждой улицѣ были видны дорожные экипажи , ѣздящіе взадъ и впередъ ; вездѣ слышались распросы о квартирахъ и жалобы на недоспашокъ оныхъ . Я самъ былъ свидѣтелемъ , какъ нѣкопорые экипажи , проѣхавши по нѣскольку разъ городъ во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ , отправлялись обратно , не опысавъ ни одной свободной комнаты . Такой необычайный сѣздъ , конечно , удивилъ тебя : Курскъ не столица . Но здѣсь есть магнитъ для привлекаемости сердецъ : это благороднѣйшее желаніе Курскаго Губернатора , Павла Николаевича Демидова , изъявши дворянству Губерніи , ему вѣренной , *нелицетѣрное свое уваженіе , душев-*

ную преданность и усердную готовность (*), въ ознаменованіе чего онъ далъ 7го Февраля блистательнѣйшій балъ въ залахъ Благороднаго Собранія. Я не въ силахъ описать шебъ той роскоши, того великолѣпія, копорыя означались на каждомъ предметѣ сего необыкновеннаго бала. Полпораспа человекъ спудились около пяти недѣль надъ убранствомъ всѣхъ залъ; вкусъ и разнообразіе украшеній превзошли всякое ожиданіе. Тысячи предельно расположенныхъ разноцвѣтныхъ огней, отражаясь во множествѣ зеркальныхъ и металлическихъ украшеній, ослѣпляли зрѣніе, восхищали чувства! Кто привыкъ видѣть богатые столичные освѣщенія, чей взоръ наслаждался многократно живописными иллюминаціями Пепергофа; того, конечно, спрудно удивить *огнями*; не взирая на то, я былъ вполне изумленъ симъ еще не бывалымъ явленіемъ въ Курскѣ. Мнѣ казалось, что я вижу тѣ волшебныя мѣста величественнаго Эльборуса, гдѣ хитрая природа соединяя двѣ крайности — палящее солнце и громады снѣжныхъ, вѣковыхъ скалъ и вершинъ — заставляешь каждый апомъ снѣжный отражать тысячи яркихъ лучей и поразать изумленный взоръ путешественника.

Все, что самая зашѣйливая гастрономія можетъ избрѣсть для угожденія избалованнаго вкуса человеческого; все, что богатая природа и упонченное искусство Италіи и Франціи производятъ отличнаго въ сластяхъ и ликерахъ: все было соединено на семъ балѣ. Но для меня пріятнѣе всего было видѣть безкорыстное и

(*) Такъ сказано на пригласительныхъ билетахъ. II.

чистѣйшее желаніе Начальника Губерніи заслужишь любовь дворянства. Всѣ чувства, всѣ помышленія сего почтеннаго Начальника устремлены къ одной цѣли — снискашь доброе расположеніе онаго.

Вошь примѣръ, достойный подражанія! Что касается до самаго общества, то напрасно спарался бы я изобразить прелестный полъ нашъ, которымъ Курскъ, подобно Москвѣ, всегда славился и гордился. Но какъ желалъ бы я, чшобы враги Россіи, не престающіе извергать желчь свою на нее, видѣли сію картину величія и богатства! Какъ были бы удивлены они, нашедши въ Губерніи, опдаленной ошъ столицѣ и извѣстной еще и понынѣ, въ иныхъ мѣстахъ, подъ названіемъ *степной*, общество столь изящное, убранства столь роскошныя и вкусъ столь ушонченный! Какъ были бы они присшыжены въ собспвенныхъ своихъ глазахъ!

Въ 5 часовъ по полуночи кончился сей блистательный балъ. Онъ навсегда сохранился льпописями Курскихъ увеселеній, равно какъ и въ признавательныхъ сердцахъ дворянства. Всѣхъ посѣщителей было около двухъ тысячъ.

Но не успѣли еще — шакъ сказать — ушущихъ пылающихъ огней, какъ уже начинающся чрезвычайныя пригововленія къ Коренной ярмаркѣ.

Говоряшь о шакихъ же увеселеніяхъ, о шакихъ же угощеніяхъ. . . Но не все разомъ — обшомъ поговоримъ въ слѣдующемъ письмѣ. Прощай!

М. П — *сб.*

С М Ъ С Ъ.

Французскій театръ.

Можно всякой разъ спросишь съ новымъ удивленіемъ: о чемъ споряшь, когда споряшь о *Классицизмѣ* и *Романтизмѣ*? Развѣ не лъзя эшаго, какъ будпо заколдованнаго спора рѣшишь однажды навсегда *по всей очевидности*, и рѣшишь самымъ проспымъ образомъ — шакимъ, напримѣръ: *Классицизмъ* пребуеъ *особенныхъ правилъ* для каждаго сочиненія, какъ *необходимости*, опредѣляющей раздѣленіе родовъ ихъ; *Романпизмъ* *отвергаетъ всѣ правила* — какъ *узы*, безъ сомнѣнія шяжкія; ибо гораздо легче, напримѣръ, вывесъ на сцену человѣка, раненнаго пулею въ грудь, и въ шо же самое время, и на шой же самой сценѣ предспавишь его совершенно здоровымъ — черезъ полгода, нежели раненному пулею въ грудь выздоровѣшь черезъ часъ, или два; а какъ эшо почти не возможно даже и по *театральнымъ законамъ*: шо *Классицизмъ* и не допускаеъ подобной *свободы*, кошороу пользуется *Романпизмъ* — въ пропивность *искуству*, уже переспающему быъ искусствомъ, когда оно не подчинено никакимъ *правиламъ*: вопъ вся разница между *Классицизмомъ* и *Романпизмомъ*, впрочемъ довольно значительная. Но на чьей же споронѣ побѣда? на шой ли, кошорая дѣйспвуеъ какъ ни попало; или на шой, кошорая шоржешвуеъ надъ преодолѣніемъ шрудностей?

И пошому - шо въ комедіи: *Un an, ou le mariage d'amour*, соч. Ансело, данной 19 Февраля Французскими арпистами, мы видѣли одного и

шого же челоуѣка въ одно и шо же время и про-
спрѣленнымъ въ грудь, и здоровымъ совершенно;
видѣли соединеніе комедіи, драмы и тра-
гедіи — въ одной и той же піесѣ, и пошому —
шо эта піеса была ни смѣшна, ни жалка — и
мы говоримъ съ нашимъ Поэшомъ:

Пишите! . . . въ добрый часъ!

Слѣдовавшій за сею *трилогіею* водевилъ:
La dame des belles cousines, соч. Ахилла и Дар-
шуа, разрушилъ мрачную пишину и привелъ
въ движеніе ладоши, а особливо при появленіи
г-жи Дюпаркъ въ пажескомъ костюмѣ. Вѣрно,
самъ Пажъ Герцогини *Мальборугъ* не былъ пре-
лестнѣе Пажы, принадлежащаго Герцогинѣ *Мец-
кой*, копорая въ свою очередь была шакъ хоро-
ша и лицомъ, и шуалепомъ, и благородствомъ
разговора и вида! Ее играла г-жа Вальмонъ. —
Дамы Герцогини Мецкой: *Изабелла* - Констансъ
и *Катерина* - Бельманъ, каждая въ своей роли и
своимъ шаланшомъ, и наконецъ *Рыцарь* - Сент-
Альбенъ, вовсе не *печальнаго образа*, вознагра-
дили зришелей за скуку длинныхъ антрактовъ.

ИЗВѢСТІЯ.

Послѣдняя Глава Евгенія Онъгина.

Une haute renommée peut exciter l'envie, mais
n'en reçoit jamais d'atteinte.

Поэшь Делиль говоритъ въ предувѣдомленіи
къ одной изъ Поэмъ своихъ, что когда выходи-
ло въ свѣтъ его новое сочиненіе; шо рецензен-
шы обыкновенно восклицали: „Нѣтъ! это сочи-
неніе дурно! Какая разница съ послѣднимъ со-
чиненіемъ, копорое издано симъ поэшомъ!“ И

такимъ образомъ — продолжаетъ Делиль —
всякой разъ судили о моихъ сочиненіяхъ. —

То же было и съ *Онѣгинымъ*: по приговорахъ крипики, *новая* Глава всегда имѣла большіе недоспапки, и о каждой изъ нихъ мы слышали такъ много различныхъ мнѣній, что если бы вздумали основать на нихъ свое собственное; то — не имѣли бы никакого. Между шѣмъ чипапельницамъ Дамскаго Журнала извѣстно мнѣніе наше о всѣхъ предыдущихъ Главахъ Евгенія Онѣгина.

Сія послѣдняя намъ кажется мастерскимъ произведеніемъ опличнаго паланша опносительного къ общему плану, къ новымъ описаніямъ большаго свѣта, къ поршрешамъ *во весь ростъ* двухъ главныхъ лицъ, къ развязкѣ ихъ *асцетическаго* знакомства и наконецъ къ испоріи Музы, характеризующей Поэта въ различныхъ эпохахъ его жизни, начиная съ шѣхъ дней,

Когда въ садахъ Лицея
 Онъ безмятежно разцвѣталъ;
 Читалъ охотно Апулея,
 А Цицерона не читалъ.

до того времени, когда Муза Поэта:

И позабывъ столицы дальней
 И блескъ, и шумные пиры,
 Въ глуши Молдавіи печальной
 Она смиренные шапры
 Племень бродящихъ посѣщала,
 И между ними одичала,
 И позабыла рѣчь боговъ
 Для скудныхъ, странныхъ языковъ,
 Для пѣсень степи, ей любезной. . . .

И напослѣдокъ до той роковой эпохи, о которой Поэтъ говоришь такъ :

И нынѣ Музу я впервые
 На свѣтскій раушъ привожу ;
 На прелести ея степныя
 Съ ревнивой робостью гляжу.
 Сквозь рядъ напыщенныхъ магнаповъ,
 Военныхъ франшовъ, дипломатовъ
 И гордыхъ дамъ она скользитъ ;
 Вотъ съла тихо и глядишь,
 Любуясь шумной тѣсною,
 Мельканьемъ плашьева и рѣчей,
 Явленьемъ медленнымъ гостей
 Передъ хозяйкой молодою,
 И темной рамою муцинъ
 Вкругъ дамъ, какъ около карпинъ.

Ей нравился порядокъ спройный
 Олигархическихъ бесѣдъ,
 И холодъ гордости спокойной,
 И эша смѣсь чиновъ и лѣтъ.
 Но это кто въ полкъ избранной
 Стоитъ безмолвный и шуманной?
 Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
 Мелькающъ лица передъ нимъ,
 Какъ рядъ докучныхъ привидѣній.
 Чшо? снлинъ, иль страждущая спѣсь
 Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
 Кто онъ таковъ? Уже-ль Евгеній?
 Уже ли онъ? . . . Такъ, точно онъ.
 Давно ли къ намъ онъ занесенъ?

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

П а р и ж с к і я м о д ы́.

Для *простыхъ* причесокъ бантъ изъ лентъ часто служить большимъ украшеніемъ; онъ располагается такимъ образомъ, что одна часть его въ *кокахъ* (*coques*), а другая упадаетъ почти на шею.

— Банты для бальныхъ шуалетовъ стали нынѣ необходимою; они или прикалываются къ поясу, или проходятъ сквозь плашья, или же съ обѣихъ сторонъ въ видѣ фарточка. Поясы съ длинными концами опять вошли въ моду.

— Мы видѣли прекрасное черное апласное платье, съ бархатными черными же отворотами (*revers*), отдѣланными широкою блондою, покрывающею половину рукава. Много появилось обярильныхъ платьевъ такого же фасона.

— Большая часть *реденгоновъ* украшается спереди одними только бантами, но и пышныя отдѣлки не совсѣмъ вышли изъ моды. *Цедеринны* все также велики на сихъ *реденгонтахъ*.

— Часто большое перо, падающее на одну спорону *en spirale*, придаетъ прекрасный видъ простой прическѣ. Греческіе головные уборы украшаются жемчужными нитками, окружающими нижнюю часть косы; они соединяются на боку букетомъ, или какимъ-либо другимъ украшеніемъ.

— Нынѣ изобрѣли въ Парижѣ прекрасный способъ украшать матерчатые и даже кожаные башмаки золотою живописью, которая не стирается и не шемнѣетъ.

Изъясненіе картинки при селѣ Но.

Платье креповое вышитое. Прическа въ древнемъ вкусѣ, съ лошоновымъ вѣнкомъ.

Анаграмма, напечатанная въ предыдущемъ Но, значить: *Казакъ*.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, въ ошечашаніи, были представлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Февраля 27 го дня, 1852 г.

*Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ
и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.*

1832.

Парижская Мода.

N. 10.

Данский Журнал.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

П Р О З А.

ВЫЗЫВАНІЕ ТѢНЕЙ.

В о с т о ч н а я п о в ѣ с т ь .

(Продолженіе.)

„Возможно ли, чшобы Фашима, копорой краса, подобная благоуханію цвѣшовъ, производила сладосное упоеніе во всѣхъ сердцахъ, — ша, копорую любовь Альманзорова почтила завиднымъ преимущесшвомъ располагать судьбою могущесшвеннѣйшаго Государсшва на воспокъ; предъ копорою преклонялись всѣ соперницы, какъ рабыни предъ повелительницею, — возможно ли, чшобы Фашима могла безъ сожалѣнія разсшаться съ жизнью?“

Чшо пользы въ швоей мудрости, если она не научила шебя цѣнить жизнь ни больше,

ни меньше того, чего она сшдить? — сказала шнь Фашимы — знаешь ли ты; какъ я дорого плашила за блистательныя оболвченія; изъ которыхъ было составлено мое щасіе? Находилъ ли Альманзоръ въ улыбкѣ моей все свое блаженство, — мрачная ревность перзала мое сердце; клялся ли онъ въ неизмѣнной любви ко мнѣ, — одна мысль, что мое царствованіе зависить опъ взора Одалиски или опъ своенравія самого Калифа — эша одна мысль ужасомъ поражала душу мою. Между шмъ какъ величію моему воскурялись фиміамы, шайная грусть снѣдала меня; я препешала опъ одного помышленія, что рано или поздно восторжествуютъ надо мною хипрости и пронырства моихъ соперницъ. Если бы смерть не предупредила моего паденія, то спарость, покрывъ морщинами красоту мою, принудила бы усшупишь другой по сердце, которымъ я одна владѣла до послѣдней минуты моей жизни. Позаботишься ли кто о цвѣткѣ, ушрашившемъ свою свѣжестъ? Пустынный въпръ засушишь его — и ни одна благодѣтельная рука не прикоснется къ нему, чтобы предохранишь его опъ увяданія. Знаю, что Альманзоръ оплакиваетъ меня; но слезы его падаютъ на грудь Зюлимы; взоры его, щещно ищущіе меня среди красавицъ, часто встрѣчаются со взорами сей любимой невольницы. Если бы ты представилъ меня въ гаремъ, то бы принудилъ бышь свидѣтельницею непостоянства, которому предпочитаю эшу хладную гробницу, гдѣ гаснешъ пылъ спрастей. И такую услугу могу ли почиташъ одолженіемъ? . . . —

Въшеръ разнесъ послѣдніе звуки голоса Фашимы; шнь ея разсыялась, подобно ушренне-

му шуману, исчезающему отъ первыхъ лучей солнца. „Если Фахима, щаспливѣйшая изъ женщинъ, находишь горечь въ фѣаль жизни, то кому же шеперь осмѣлюсь поднести его?“ воскликнулъ Рогдай, бросивъ послѣдній взглядъ на ея гробницу.

Между тѣмъ какъ въ головѣ его полпились скорбныя мысли о судьбѣ человѣчества, луна, выглянувъ изъ-за облака, ее заслонявшаго, освѣтила блистательную каршину воинскихъ доспѣховъ, выставленную надъ великолѣпнымъ мавзолеемъ. — Рогдай подходилъ къ памяшнику и узнаешъ, что подъ симъ мраморомъ покоился Нурадинъ, герой, со славою предводительствовавшій войсками Альманзора. Каждый годъ, со вспуленія его въ званіе вождя, былъ ознаменованъ многочисленными, громкими побѣдами; но неумолимая смершь, сразивъ его среди бишвъ, прервала нить его жизни въ ту самую минушу, какъ знаменитые подвиги гошовили ему великолѣпное торжество въ Багдадѣ.

„Сей храбрый воинъ“ — шакъ думалъ Рогдай — „съ радостію приметъ жизнь, какъ даръ драгоцѣнный. Сердце его пипалось благороднымъ честолубіемъ, возведшимъ его на вершину почешей — и онъ вѣрно пріобрѣлъ бы еще блистательнѣйшія опличія, если бы преждевременная смершь не сокращила поприща, начашаго имъ при шоль благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Сколько вздоховъ сожалѣнія испорглось изъ груди его, когда рука, изнемогшая отъ упомленія, опустилась, и выпалъ изъ нея мечъ, наводившій ужась на враговъ его!“

Вызванная тѣнь вышла изъ великолѣпнаго мавзолея, Альманзоромъ воздвигнутаго въ памяшь героя и вѣрнаго подданнаго. На головѣ у

него былъ шлемъ голубаго цвѣта, подобнаго чистѣйшей лазури небесной; а по верхъ волновались перья, на коихъ отражалось зыбкое сіяніе луны и сверкали искры огней, въ бурную ночь разсѣкающихъ воздухъ.

„Хошя нарушаю покой швоего праха, Нурадинъ!“ воскликнулъ Рогдай: „но къ сему побуждаешъ меня желаніе принесли тебѣ въ даръ то, что безъ сомнѣнія будетъ угодно швоей храбрости. Въ моей власпи снова скрѣпишь ниши, соединявшія шкань жизни швоей, но жестокою судьбой прерванныя въ шу самую минушу, когда ты собиралъ плоды безпримѣрныхъ своихъ подвиговъ; въ моей власпи снова посшавишь тебя на чреду военачальника и предводитшеля фалангъ, съ шобою вездѣ гремявшихъ побѣдами. Слѣдуй за мною, и во дворцѣ Алманзоровомъ облекись въ оружіе, нѣкогда для враговъ гибельное, а теперъ содѣлавшееся суешнымъ украшеніемъ шроея.“

— Человѣкъ ли, мудрѣйшій въ Багдадѣ, вызываешъ меня снова вступишь на поприще жизни, кошорую со славою кончилъ я на рашномъ полѣ? Къ чему мнѣ дни, шобою предлагаемые? Жизнь сама по себѣ — ничто; одно воспоминаніе о дѣлахъ живешъ по смерти нашей. Человѣкъ, желающій господствовать надъ будущимъ, не имѣешъ сердца, какое бѣешя въ груди воина. Не уже ли ты хочешъ, чшобы я дожилъ до шого времени, когда дряхлость приведешь въ изнеможеніе руку, всегда наносившую врагамъ удары поразительные, смертоносные? Не уже ли хочешъ, чшобы я, состарѣвшись, уступилъ мечъ предводительства рукъ, менѣ опышной въ бранномъ искусствѣ? И ты думаешъ, что я равнодушно буду взирашь на воина, кошорый

заступить мое мѣсто и шоржественное свое знамя водрузить среди развалинъ моей славы? И ты думаешь, что я соглашусь жить, и полько для того, чтобы на самомъ себѣ испытать всю щещу, все непосоянство военного щассія? Взгляни, что начертано на этомъ памятникѣ: *Здѣсь поκειται непобѣдимый Нурадинъ*. Хотя бы жизнь моя продлилась долѣе спольшя, и тогда не была бы достославнѣе смерть моя. Оставь же меня покоиться въ достойно чпимой гробницѣ, и ничтожный даръ свой предлагай, кому хочешь, полько не воину. — Подобно раскату опдаленнаго грома, послѣднія слова героя раздались подѣ сводомъ памятника, кошорый въ ту же минушу закрылся съ шумомъ.

„Кто болѣе Нурадина имѣетъ побудительныхъ причинъ къ новому вступленію въ жизнь?“ думаль Рогдай, медленно удаляясь: „и онъ не хочеть разспаться съ безмолвіемъ могилы!... Если и самое обольщеніе славы не въ сосояніи возбудить въ человекѣ желанія сущесшествовать въ здѣшнемъ мірѣ, то какими же узами можно привязать его къ оной?“

Гробница, обѣ которую споткнулся Рогдай, вывела его изъ задумчивости. Это былъ необдѣланный камень, оскѣненный кипарисомъ, посаженнымъ рукою друга. Подѣ нимъ покоились ошпакки добродѣтельнаго Джіафара, благошворительностію своею заслужившаго любовь бѣдныхъ и несчастныхъ жителей Багдадскихъ.

„Человекъ добродѣтельный“ — шакъ мыслиль Рогдай — „безъ шягосшнаго сожалѣнія не можеть разспаться съ жизнью, кошорой всѣ минушы были посвящены облегченію судьбы и спомоществованію ближнихъ. Джіафаръ назоветь меня

своимъ благодѣшелемъ , если возвращу ему жизнь , кошорою такъ хорошо умѣлъ онъ пользоваться.“

Рогдай вызвалъ шѣнь — и она, величественно поднявшись изъ подножія гробницы , оспановилась , какъ бы опасаясь разспасться съ нею. Видъ этой шѣни показывалъ спокойствіе и торжественную важность — двѣ принадлежности смерти.

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

А л ь б о м ѣ.

Госпожа Спаль была одарена величайшею силою понятія и блистательнымъ краснорѣчіемъ. Если бы она имѣла менѣе самовласшія въ своихъ идеяхъ , то была бы любезнѣе. Г-жа Спаль такъ много думала о своемъ неоспоримомъ превосходствѣ , что унижала другихъ женщинъ , хотя вовсе того не желала ; самыя ласки ея имѣли въ себѣ что-то покровительствующее — а это чрезвычайно непріятно. Я не думаю , чтобы она хотѣла изобразить самоё себя въ Дельфинѣ. Въ Неккеровой дочери не было ничего инаго , кромѣ страши , кромѣ честолюбія ; Дельфина же вся предана щастію любви и быть любимою. Г-жа Спаль безпрестанно занималась полишикою , и будучи совѣтницею Барраса , задушевною пріятельницею Талейрана , хотѣла , но тщетно старалась , привлечь къ себѣ Наполеона. Удивительно , какъ она не могла догадаться , что вліяніе женщины - мужчины не годилось для Наполеона , и что надъ существомъ превосходнымъ не возможно взять власти иначе , какъ пришворяясь , будто не желаемъ никакой.

Знаменитая сочинительница *Коринны* имѣла склонность къ полишическому господству: что вовсе не совмѣстно съ высренними палантами женщины. Но какъ пріятна эта великодушная опкровенность, съ которою говоритъ г-жа Спаль, что Моренгская бшва была *наипрекраснѣйшимъ днемъ ея жизни!*

Госпожа Таспю, Муза истиной чувствительности, была воспитанницею десятой Музы, госпожи Дюфренуа.

Шабобрианъ былъ въ лѣпахъ мужества при созываніи Государственныхъ Чиновъ, и совершенно не имѣлъ никакой религіи. Но вошь что значить размышленіе и. . . положеніе! Нравственность и религія суть кости, которые надлежитъ подавать людямъ, имѣющимъ слабыя ноги. Глупцы однакожь не умѣютъ слушать.

*(Изъ бумагъ, потерянныхъ путешественникомъ въ
Тентирахъ.)*

La Contemporaine en Egypte.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ПОРТРЕТУ

Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ТЕОДОРОВНЫ.

Какъ подь Вѣнцомъ чело молодой ЦАРИЦЫ нашей
Еще прекраснѣ величіемъ своимъ;
Такъ въ чувствахъ Матери Порфиросной вашей,
О юные пшцы! всю благость сердца зримъ!

Князь Шаликовъ.

Н А Н О В О С Е Л Ь Е

Александра Филипповича Смирдина (*),

Угодникъ Рускихъ Музь! свой праздную юбилей;
 Гостямъ шампанское для новоселья лей,
 Ты намъ Державина, Карамзина изъ гроба
 Къ безмершной жизни вновь, усердствуя, возвадь
 Для лавра новаго, восторга и похвалъ.
 Они отечество достойно славящъ оба!
 Но ты къ пареню путь открылъ свободный имъ;
 Мы нашимъ внучатамъ швой трудъ передадимъ.

Графъ Хвостовъ,

С. - Петербургъ, 19 Февраля 1832 года.

К ъ с л ѣ ц ц у - Л и р и к у ,

*подарившему дочери моей свои стихо-
 творенія,*

Лишенный свѣта для очей,
 И свѣтомъ для души богатый!
 Паришь во тѣмъ своихъ ночей,
 И духомъ, и умомъ крылашый!
 Паришь, какъ смѣлый Солнца сынъ;
 И свѣтоносной колесницы
 Всемошный, вѣрный властелинъ,
 Лучами яркими денницы

(*) „Посылаю вамъ стихи,“ пишеть почтенный Авторъ къ Издателью Дамскаго Журнала „чишанные за столомъ А. Ф. Смирдина въ дець его новоселья. Гостей было до ста человекъ; обѣдали въ библіотекѣ: прекрасное зрѣлище! За здравныхъ чашъ было много; пили и за здоровье Московскихъ Липшерапоровъ. Всѣ гости были писатели, въ томъ числѣ Жуковскій, Пушкинъ, Крыловъ. Стихи мои прияшы со всею брашскою похвалою и въ шу же минушу, во время обѣда, напечатаны у хозяина въ шинографіи.“

Умъ юный дочери моей
 И сердце, новое для чувства,
 Слъпецъ, все зрящій безъ очей,
 Поэшь, съ орудіемъ искусства,
 Достойный своего Пѣвца (*),
 Ты благотворно озаряешь —
 И благодарношь налагаешь
 Равно на дочь и на отца!

К. Ш.

Шарада - Анаграмма.

Въ началѣ азбуки началомъ обипаю ;
 Вторымъ своимъ людей и мучу, и пипаю ;
 А цѣлое мое — сердца ихъ веселишь :
 Переверши-жь его, — злодѣвъ не щадить.

Иванъ Марковъ,

Краснокушскъ,

С М Ъ С Ъ.

Дѣтскій спектакль въ Малолѣтномъ Отдѣленіи Кадетскаго Корпуса.

Древніе почитали полезнѣйшимъ для юношества упражненіемъ — игры гимнастическія, безъ сомнѣнія полезныя для развитія тѣлесныхъ способностей и укрѣпленія силъ физическихъ. Но образованіе нравственное; но таланты изящныя пребуютъ иныхъ упражненій, и для сей цѣли конечно нѣтъ ничего лучше драматическихъ представленій, копорыми въ нашемъ воспитаніи и замѣнены первыя. Свободное, пра-

---

(*) Царя Давыда,

вильное, пріятное произношеніе съ живымъ выраженіемъ лица, взглядовъ, улыбки и соопвѣшпвеннымъ движеніемъ рукъ — есть драгоценное преимущество человека въ обществѣ, — преимущество, которому въ особенности научають сценическое искусство.

Благодаря неупомимому попеченію Начальницы Малодѣснаго Ошдѣленія Московскаго Кадепскаго Корпуса, Ея Превосходительству Баронессѣ Елисаветѣ Ивановнѣ Корѣ, питомцы сего, во всѣхъ отношеніяхъ истинно-отеческаго заведенія, возбуждающаго душевное благоговѣніе къ неиспощимымъ щедротамъ нашихъ Монарховъ, играють на маленькомъ красивомъ театрѣ своемъ, въ свободное отъ наукъ время, приличные дѣламъ своимъ и воспианію піесы Рускія и Французскія.

Мы имѣли удовольствіе видѣть сіи мініатурные спектакли, и не могли налюбоваться успѣхомъ дѣйсвующихъ мадюшоекъ въ мимикѣ и декламациі. Присоедините къ этому изощреніе памяти, *забавою* производимое, и ошвлеченіе отъ обыкновенныхъ дѣтскихъ шалостей, для которыхъ нѣтъ уже ни охоты, ни времени.

Въ ознаменованіе радостнаго извѣстія, за нѣскольдо дней предъ шѣмъ полученнаго, о поступленіи Малодѣснаго Ошдѣленія подъ личное Начальство ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, въ послѣднее воскресеніе Масляницы дѣти - кадепы играли, при Его Превосходительствѣ, Господинѣ Директорѣ Корпуса, Павлѣ Пешровичѣ Годейнѣ, и при многихъ зрительяхъ, двѣ комедіи: *Любопытная*, въ одномъ актѣ и въ стихахъ, и *Благородныя дѣти*, въ двухъ актахъ, перемѣшанную съ Французскими діалогами.

Ничего немогло бытьъ милѣе важности или веселости, пребуемыхъ ролями маленькихъ артистовъ. Твердость ролей, вѣрность дикціи, ловкость и непринужденность каждаго движенія приводили *родныхъ* въ восхищеніе и заслужили полное одобреніе Господина Директора, нѣсколько разъ изъявляющаго свое удовольствіе: пріятная награда Начальницъ - мапери!

Успѣхи дѣшей во Французскомъ языкѣ также обратили на себя вниманіе посѣщителей.

Послѣ спектакля были танцы, въ которыхъ приняли участіе молодая посѣщительница — и вечеръ проведенъ не только для хозяевъ, но и для гостей очень весело.

Ласковый, благосклонный Начальникъ дозволилъ дѣшамъ осмѣиваться даже и за ужиномъ въ предсѣднхъ, какъ они сами, театральныхъ костюмахъ, радовавшихъ невинныя сердца ихъ!

ИЗВѢСТІЯ,

Послѣдняя Глава Евгенія Оньгина,

(Окончаніе.)

Мы перенесемъ Чипашельницъ своихъ къ послѣднему свиданію Евгенія съ Танею, уже значною, богатою, *модною* Княгинею,

Идетъ, на мершвеца похожій,
Нѣтъ ни одной души въ прихожей.
Онъ въ залу, — дальше: никого.
Дверь отворилъ онъ. Чшо-жь его
Съ такою силой поражаетъ?
Княгиня передъ нимъ, одна,
Сидитъ, не убрана, блѣдна;

Письмо какое - то (*) читаешь
И тихо слезы льешь рѣкой,
Опершись на руку щекой.

О кто-бъ нѣмыхъ ея спраданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ !
Кто прежней Тани, бѣдной Тани,
Теперь въ Княгинѣ-бъ не узналъ !
Въ поскѣ безумныхъ сожалѣній
Къ ея ногамъ упалъ Евгеній ;
Она вздрогнула и молчишь,
И на Оцѣгина глядишь
Безъ удивленія, безъ гнѣва. . . .
Его больной, угасшій взоръ,
Молящій видъ, нѣмой укоръ,
Ей внятно все. Прослая дѣва,
Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
Теперь опять поскресла въ ней.

„Она его не поднимаетъ,
И не сводя съ него очей,
Опъ жадныхъ устъ не оцымаетъ
Безчувственной руки своей. . . .
О чемъ шеперь ея мечтанье ?
Проходишь долгое молчанье,
И тихо наконецъ она :
„Довольно ; всаньше ! я должна
Вамъ объясниться опкровенно.
Оцѣгинъ ! помните-ль шопъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела ; и шакъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я ?
Сегодня очередь моя.

(*) Опъ Евгенія. *Изд.*

„Онѣгинъ ; я тогда моложе ;
 Я лучше , кажется , была ,
 И я любила васъ ; и что же ?
 Что въ сердцѣ вашемъ я нашла ?
 Какой отвѣтъ ? одну суровость .
 Не правда-ль ? вамъ была не новость
 Смиренной дѣвочки любовь ?
 И нынче — Боже ! — спынешь кровь ,
 Какъ шолько вспомню взглядъ холодной
 И эту проповѣдь . . . Но васъ
 Я не виню : въ тошъ страшный часъ
 Вы поступили благородно ;
 Вы были правы предо мной :
 Я благодарна всей душой . . .

„Тогда — не правда ли ? — въ пуспынѣ ;
 Вдали отъ суешной молвы ,
 Я вамъ не нравилась . . . Что-жь нынѣ
 Меня преслѣдуете вы ?
 За чѣмъ у васъ я на примѣтъ ?
 Не потому-ль , что въ высшемъ свѣтѣ
 Теперь являюсь я должна ;
 Что я богата , я знашна ;
 Что мужъ въ сраженьяхъ изувеченъ ;
 Что милосивъ за то къ намъ Дворъ ?
 Не пошому-ль , что мой позоръ
 Теперь бы вѣсти былъ замѣченъ ,
 И могъ бы въ обществѣ принести
 Вамъ соблазнительную честь ?

„Я плачу . . . Если вашей Тани
 Вы не забыли до сихъ поръ ,
 То знайте : колкость вашей брани ,
 Холодный , строгій разговоръ ,

Когда-бъ въ моей лишь было власти,
 Я предпочла-бъ обидной спрасни
 И этимъ письмамъ и слезамъ.
 Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
 Тогда имѣли вы хоть жалость,
 Хоть уваженіе къ лѣтамъ. . . .
 А нынѣ! — чѣмъ къ моимъ ногамъ
 Васъ привело? Какая малость!
 Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
 Быть чувства мѣлкаго рабомъ?

„А мнѣ; Онѣгинѣ; пышность эша
 Посылой жизни мишура;
 Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
 Мой модный домъ и вечера —
 Что въ нихъ? Сей часъ опдашь я рада
 Всю эту вепошь маскарада,
 Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадь
 За полку книгъ, за дикій садъ,
 За наше бѣдное жилище,
 За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
 Онѣгинѣ; видѣла я васъ;
 За то смиренное кладбище,
 Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей.
 Надъ бѣдной нянею моей. . . :

„А счастье было такъ возможно,
 Такъ близко! . . . Но судьба моя
 Ужъ рѣшена! Неосторожно,
 Быть можеть, поступила я:
 Меня съ слезами заклинаній
 Молила мать; для бѣдной Тани
 Всѣ были жребіи равны. . . .
 Я вышла за - мужа. Вы должны,
 Я васъ прошу меня оставить;
 Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
 И гордость, и прямая честь.
 Я васъ люблю (къ чему лукавить?);

Но я другому отдана ;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.“

Она ушла. Стоишь Евгенийъ,
Какъ будто громомъ пораженъ.
Въ какую бурю ощущеній
Теперь онъ сердцемъ погруженъ !

Едва ли не въ такомъ положеніи остаётся и читатель, съ которымъ Поэтъ прощается такимъ образомъ :

Кто-бъ ни былъ ты, о мой читатель !
Другъ, недругъ ; я хочу съ тобой
Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости ! чего бы ты за мной
Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ :
Воспоминаній ли мятежныхъ,
Отдохновенья-ль ошъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ ;
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ
Хотя крупицу могъ найши.
За симъ разстанемся — прости !

И благодарный читатель, находившій *à la lettre* въ книжкѣ Поэта все имъ исчисленное, безъ сомнѣнія не совсѣмъ пожелаетъ ему той участи, о которой говоритъ онъ въ послѣдней строфѣ, какъ истинный *Сади* :

Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полного вина ;
Кто не дочелъ ея романа
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ своимъ !

П а р и ж с к і я л о д ы .

Какъ ни ужасно, какъ ни страшно, какъ даже ни отвратительно; но мы должны сказать, что видѣли — и не на одной, не на двухъ, не на трехъ, а на двѣнадцати дамахъ — видѣли ужасный переходъ къ стариннымъ модамъ Версаля, истинное отсутствіе вкуса, проклятіе противъ природы. . . . *пудру*, наконецъ! Пудру въ черныхъ волосахъ, какъ волосы Сицильянки; пудру въ бѣлокурыхъ буляхъ, какъ волосы Англичанки; пудру. . . въ Парижскихъ гостиныхъ!

— *Полные наряды*. Платье креповое вишняваго цвѣта; складки, идущія внизу на драпировкѣ, перехвачены на колѣнѣ аграфомъ, отъ котораго идетъ вѣпка зеленыхъ листьевъ съ золотомъ. Рукава приподняты золотымъ плетешкомъ, который оканчивается на плечѣ аграфомъ же; лифъ отдѣланъ также золотыми плетешками. Ожерелье, серги съ такими же камнями, какъ аграфы. Прическа à la Grecque со стрѣлою.

— Бархатное платье небснаго цвѣта, съ драпированнымъ лифомъ. Рукава короткіе изъ бѣлаго гроденапля съ бархатною голубою отдѣлкою, перехваченною на плечѣ голубымъ банпомъ съ серебромъ; такой же бантъ, но съ весьма длинными концами, приколонъ внизу рукава такъ, что концы падаютъ на локоть. На головѣ брилліантовые перышки составляютъ уборъ ея; всѣ же прочіе уборы бирюзовые съ брилліантами.

Изъясненіе картинки при семь Но.

Шляпка бархатная. Платье также бархатное.

Анаграмма, напечатанная въ предыдущемъ Но, значить: *Нинь*.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,
съ шѣмъ чтобы, по оппечатаваніи, были предшавлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Марша 4 го дня, 1832 г.
Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

ВЫЗЫВАНІЕ ТЪНЕЙ.

В о с т о ч н а я п о в ѣ с т ь.

(Окончаніе.)

„Другъ человѣчества!“ воскликнулъ Рогдай: „слезы несчастныхъ и сиротъ, сопровождавшихъ тебя до послѣдняго швоего убѣжища, не совсѣмъ еще осушились. Твои безчисленные благодаренія до сихъ поръ еще прославляются устами бѣдныхъ; ихъ очи оплакивають еще минушу, въ которую преждевременная смерть испоргла тебя изъ среды согражданъ швоихъ. Опъ меня зависишь снова поставишь тебя среди несчастныхъ, находившихъ въ тебѣ своего опца и друга; могу продлишь жизнь швою, чшобы ты вновь посвятилъ ее на облегченіе нищеты и услажденіе горести.“

Что за чудо! — воскликнула пѣнь Джіафарова — я думалъ, что ты занялъ изученіемъ одной мудрости, и къ удивленію моему слышу отъ тебя такое странное предложеніе! Великій Алла даровалъ мнѣ жизнь, и я, принявъ ее съ благодареніемъ, сколько могъ, наслаждался ею, но никогда не поддавался обольщенію мечпаній, входящихъ въ составъ нашего бытія. Можно ли высоко цѣнить пріобрѣтеніе, коимъ пользуемся только во времени? — Корабль, на которомъ совершаемъ плаваніе, болѣе или менѣе продолжительное, болѣе или менѣе бурное, и съ котораго должны сойти, чтобы успулишь свое мѣсто новымъ мореплавателямъ: вопъ символъ нашей жизни! Удовольствія, встрѣчающіяся съ нами во время сего странствованія, столь же прочны и продолжительны, какъ яркіе цвѣты радуги, распросершой по своду небесному и возвѣщающей конецъ бури. Признаюсь, что я былъ щастливъ, когда имѣлъ возможность облегчать печаль или осушать слезы моихъ ближнихъ; но я долженъ ограничиться добромъ, которое успѣлъ сдѣлать въ печеніе жизни; и хотя бы вѣкъ мой измѣрялся десятью столѣтіями, то и тогда не успѣлъ бы я уменьшить числа нещастныхъ. Кто совершилъ путешествіе, тому оспаешся успокоиться отъ трудовъ своихъ. Послѣдуй моему примѣру и ты, мудрый Рогдай! Вмѣни себя въ обязанность не вызываніе пѣней для новой жизни, но посвященіе собственной своей на то, чтобы научиться искусству умереть благополучно. — Сказавъ это, пѣнь Джіафарова тихо опустилась въ гробницу, съ надеждою получить воздаяніе за добрыя дѣла свои.

Рогдай снова погрузился въ печальныя размышленія. Онъ не могъ постигнуть, опъ чего жизнь имѣеть въ себѣ шакъ мало пріятностей, что оптвергается даже любовью, славою и добродѣшью. „Пускай же предлагаеть смерть женщины, опщаспливленной любовью“ — думаетъ онъ — „или воину, увѣнчанному лаврами, или благошворителю, посвятившему себя на служеніе спраждущему человекшесиву; всѣ они съ ужасомъ опвергнуеть шакое предложеніе. Но если вызову шѣнь матери, которая принуждена сойти во гробъ, оставивъ свое дѣшнще на всѣ бѣдшвія, какія шолько могутъ его постигнуть: шо не уже ли не съ радостію приметъ она жизнь если не для себя самой, по крайней мѣрѣ изъ повиненія врожденному чувству любви материнской.“

Хотя Рогдай былъ окруженъ множешвомъ гробницъ, но неудачные опыты почти угасили въ немъ желаніе пускашся на новыя испытанія. Уже перешупилъ онъ за рѣшешку, окружавшую кладбище, и располагался возвращишся въ Багдадъ, какъ вдругъ обрашилъ на себя взоры его опдаленный бугорокъ земли, при видѣ котораго можно было подумать, что опшашки, въ немъ заключенные, боялись смѣшашся съ прахомъ другихъ умершихъ. Любопытшвуя узнать обшашеля сей уединенной гробницы, Рогдай рѣшилъ на чешвертое испытаніе. Не успѣлъ онъ кончиш своего возванія, какъ съ шрескомъ скапился съ своего мѣста надгробный камень. Изъ - подъ него вышло окровавленное привидѣніе. Глаза его сверкали опъ ярости; волосы, увишые змѣями, спояли дыбомъ; опъ пылавшаго огнемъ его дыханія засохли цвѣшы, которыя росли подлѣ его гробницы.

„Чего ты опъ меня хочешь?“ вскричало спрашилище грознымъ голосомъ, подобнымъ рыканію пигра.

Мнѣ дана власть испоргнуть тебя изъ когшей смерти — сказалъ Рогдай — согласишься ли видѣшь продолженіе своей жизни? —

„Какъ бы я былъ благодаренъ шому, кто свободилъ бы меня опъ сей пожигающей меня гробницы, въ которой осужденъ я погребсти всю яросшь моего мщенія.“

— Какъ! не уже ли шолько для насыщенія своей ненависти желалъ бы ты снова возвратишься къ жизни? —

„Выслушай, какая бѣдспвенная участь доспалась на мою долю. Я любилъ Ишаму, нѣжную супругу Селима, и не могши пронуть ея сердца, поклялся, во чшобы шо ни спало, удвлешворишь своей пламенной спраспи, и разорвать узы, соединявшія щаспливыхъ супруговъ. Я рѣшилъ прибѣгнуть къ усыпишельному яду, чшобъ овладѣшь Ишамою, и къ кинжалу, чшобы погубишь ненавистнаго Селима; но наканунѣ дня, назначеннаго для исполненія моихъ намѣреній, внезапная смерть обезоружила мою руку и спасла врага моего. Позволь мнѣ снова увидѣшь свѣтъ дневной, и какъ скоро насышпсь мое мщеніе, охотно соглашусь заняшь мѣшо между умершими.“

Чудовище, правосудіемъ Небеснымъ пораженное! сокройся со злодѣйствами своими въ ужасную свою гробницу! — вскричаль Рогдай, обьяшый спрахомъ — ни одна капля ушренной росы да не падесть на злочешивый прахъ швой и да не прохладить неугасимаго пламени, пожирающаго швое сердце! — Привидѣніе, окруженное густымъ и смраднымъ паромъ, вдругъ поверг-

лось въ свою гробницу и испустило вопль ярости, опъ котораго земля задрожала.

Рогдай поспѣшно удалился опъ ужаснаго зрѣлища. „И такъ для одного злодѣйства нѣтъ спокойствія во гробъ!“ сказалъ онъ, дошедши до мирной обители своей.

„О Геній!“ воскликнулъ мнимый мудрецъ: „Геній, даровавшій мнѣ власть, посредствомъ которой я, жалкій слѣпецъ, надѣялся вознестись выше людей обыкновенныхъ! прими обратно даръ для меня бесполезный; вижу теперь, что жизнь не можешь быть благомъ.“

Обманываешься! — произнесъ Геній, явясь предъ очами Рогдая — жизнь для человека добродѣтельнаго есть величайшее благо, какое только можешь быть ниспослано ему опъ Всемогущаго; достигнуть безсмертія можно не иначе, какъ совершивъ свое многотрудное поприще. Добродѣтельный человекъ не скорбитъ, когда живетъ, и не спрашивается, когда умираетъ. Лишь только приблизится онъ къ сему предѣлу, — мечпанія его исчезаютъ, взоры отверзаются, и жизнь представляется ему въ истинномъ своемъ видѣ. Только порокъ и злодѣяніе ужасаются разлуки съ землею, которая привязала ихъ къ себѣ узами чувственности; но добродѣтель, возносясь выше слабостей и заблужденій, добродѣтель, возлюбленная дщерь Небесъ, такъ мало пристрастна къ землѣ, что проведши на ней срочное время, съ благодушіемъ и веселіемъ сходитъ во гробъ, какъ въ преддверіе къ чертогу вѣчнаго блаженства. Слѣдуй же примѣру мудраго Джіафара: употреби остатокъ жизни своей на то, чтобы научиться умереть безболѣзненно и мирно. —

~~~~~

*Повѣсть странника о Странникѣ.
Статья девятая.*

*Promettre, et tenir sa parole,
Sont deux choses différentes.*

„Объщаніе безъ исполненія,“ сказалъ мудрецъ Воспока, „ешь прекрасное дерево безъ плодовъ.“

Исполнимъ; а каковы будутъ плоды? не знаю. Увѣряюшь, будшо бы *Сократъ* говорилъ: „Я знаю только то, что ничего не знаю.“ Быть не можешь! онъ очень вѣдалъ, что „добродѣшель ешь *знаніе*; а порокъ — *невѣжество*.“

А первая добродѣшель: любишь человѣчество; охраняешь человѣчество.

Мешель прошумѣла; она не засыплешь нашихъ *трехъ странниковъ*. Проведемъ и *звѣзду бродящую*, чшобъ она въ своенравномъ ходѣ своемъ не задѣла ихъ.

Охраняйше человѣчество на всѣхъ пушяхъ его. Охраняйше его и на поприщѣ чернильномъ. Древній *Радмъ*, изобрѣшашель буквъ, предшавляющихъ всѣ извилисныя пуши мысли, сдѣлалъ чудо.

И шакъ шла комеша или звѣзда бродящая. Ударомъ косвеннымъ опбила она *шестисотую* часшь солнца. (А чѣмъ эшопъ опбивокъ дополнень, Системашики не говоряшь. О сисшемы!) Эша часшь передѣлилась на семь часшей или планешъ, въ чшслѣ кошорыхъ очутился и нашъ шаръ земной. Кружились, кружились эштѣ часши въ вихряхъ *Декартовскихъ* и наконецъ уравнивъсь, спали кружишься по обряду шепе-

решнему. Бѣдная земля наша жаръ жаромъ горѣла. Ливнемъ лился дождь огненный съверху; плескали волны пламенные снизу. Можно предположишь, что въ клубящемся ея пламени разгуливали однѣ полько *Саламандры*. А какое у нихъ было правленіе? предсавишельное, республиканское или Азіяшское? объ эпомъ ничего не упомянуто въ системахъ міра. Вѣроятно, что правленіе было послѣднее. Журнала *преній* у нихъ не было, пошому что не съ кѣмъ было споришь. Огнеземныя живошныя ползали шихомолкомъ. Горѣла, горѣла земля; да не всё-жь было горѣшь. Спала она холодѣшь съ оконечностей своихъ или *полюсоѣв*. Раскинулись лѣса; зацвѣли луга; зазеленѣлись роци; явились рѣки, озера, моря и океаны. А горы опкуда взялись? Вѣроятно, что моря и океаны явились опъ проваловъ; а когда одна часпъ земли нырнула подъ землю, шогда по законамъ механики другая изъ нея вынырнула. Вошь вамъ и горы! А долго ли солнце свѣшило безъ шесписошой часши своей?

„Се шайншво, опъ насъ сокрышое судьбою.“

Анаксагоръ говоришь: „Если хошише, чтобъ лампада не погасла, шо подливайше въ нее масло.“

Молвимъ еще слово о горахъ. Моря *опали*, а горы *возвысились*. То же и въ мірѣ нравшвенномъ.

„Одинъ вспрыгнешъ, другой падешъ.“

Слава шому, кто поддержишь. А сколько рукъ шолкающихъ и сколько поднимающихъ? Я плохо знаю счопъ, и пошому не исчисляю.

При шаринныхъ Короляхъ Французскихъ, одинъ придворный сходиль съ лѣшницы, а дру-

гой всходя на встрѣчу ему, спросилъ! Qu'-y-a-t-il de nouveau? Сходящій ошвѣчалъ! Je descends et vous montez.

Анаксагоръ также увѣрялъ, будто бы солнце не болѣе *Пелопонеса*. Не удивительно. Приемъ не было *телескоповъ*. А что, вы думаете, подало поводъ къ изобрѣшенію телескоповъ? рука ребенка. Не всякую мудросль выдумала мудросль.

Ужасная зараза свирѣпствовала въ Аѳинахъ. *Перикль* лежалъ на одрѣ смертномъ; друзья шопшомъ бесѣдовали о его подвигахъ. *Перикль* привспалъ и сказалъ: „Главный мой подвижъ пошъ, что я ни одного гражданина не заспавиль облечься въ печальную одежду.“

Не дивлюсь мудросли. Благоговѣю передъ благороднымъ движеніемъ души человѣческой.

„А гдѣ-жь спранники?“

О системы! куда вы не увлечете и не завлечете?

Пусть спранники опдыхающъ.

„Опдыхъ души“ говоришь Суворовъ „у прешола Всемогущаго.“

А Карамзинъ сказалъ:

„Тамъ, тамъ за синимъ Океаномъ;

Вдали, въ мерцаніи багряномъ! . . .“

Кто изъ нихъ правъ?

Je ne décide point entre Rome et Genève.

Пишу и не сужу.

Мечтатель.

(Продолженіе впрядь.)

А л ь б о м ъ.

Слава, приобрѣщенная г-жею Марсь на сценѣ, заставила насъ выписатьъ стихи изъ послѣдняго нумера Немезиды, относимые къ сей актрисѣ, и доказывающіе, что даже налюбимѣйшая публикою актриса можетъ повергнуться остроумной сапирѣ, какова слѣдующая сапира г-на Баршелеми :

Aux loges du plafond l'oeil du croupier admire
 L'élégant agio paré d'un cachemire,
 Qui des fades boudoirs fuyant le madrigal,
 Reve le trois pour cent sur le lit conjugal;
 Ces banquiers féminins de scandaleuse histoire,
 Fondent dans leur menage un jeu contredictoire;
 Car tandis que la Baisse écrase leurs maris,
 En faveur de la Hausse elles font des paris.
 De celles qui sont là, courant à la fortune
 Que j'en pourrais citer! Surtout il en est une
 Qui d'un nouveau parterre enviant les succès,
 Change ce temple grec en Théâtre-Français;
 Elle vient exposer aux rentes incertaines
 Son fastueux hôtel de la nouvelle Athènes,
 Son pavillion d'été peint et vives couleurs,
 L'éblouissant écrin, si connu des voleurs;
 Sous les piliers du nord que sa pellicse frôle,
 Elle semble d'avance étudier un rôle;
 Elle prête l'oreille aux clameurs du dedans,
 Puis tout-à-coup elle entre avec des yeux ardents,
 Elle veut de l'attente abrégier le supplice,
 Et l'on voit que le ciel la fit pour la coulisse.

 С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

П у т ь ж и з н и .

Эгова пушь мнѣ указаль ,
 И сердцемъ я возвеселился ;
 И я — съ собою примирился ;
 И новый міръ очамъ предсхаль .
 На мысленной я колесницѣ
 Несуь къ безсмершной той десницѣ ,
 Въ кошорой красоша души
 При блескѣ дня , въ ночной шиши ,
 Чершогъ я горній созерцаю
 И прахъ земной позабываю ;
 Но помню , помню я любовь ,
 Отприну звукъ не дружныхъ словъ ,
 Забуду дней своихъ ненашье !
 Въ любви душа и съ нею щасшье .

Эгова путь мнѣ указаль !

На семь пужи любовь сіяешь
 И сердце съ сердцемъ примиряешь !
 Блажень , кто пушь любви узналь ;
 Кто пушь сей сердцемъ освѣтляешь !
 Промчшся наша жизнь спрѣлой :
 Любовь — оспанешся съ душой .

Мезтатель.

К ъ Г о л у б к у .

Откуда, нѣжный голубокъ ,
 Несешься , крыльями махая ?
 Скажи , куда летишь , дружокъ ?
 Скажи мнѣ , ппичка дорогая ?

*

Скажи , бываль ли на поляхъ
 Моей пы родины щасливой ,
 Гдѣ юность въ золотыхъ мечпахъ
 Моя неслась спруей игривой ?

*

Вкругъ изголовья моего ,
 Гдѣ радость рѣзвая лешала
 И нѣжной ручкою ласкала
 Меня , пишомца своего ?

*

Гдѣ не доспуный для печали ,
 Жиль средь невинности свяшой ;
 Гдѣ дней моихъ не помрачали
 Ни горестъ , ни шоска собой ?

*

Тамъ спрасши я не зналъ мяшежной ,
 Тамъ мракъ не шмиль моей зари .
 Ахъ ! шамъ роскошные дары
 Я пиль изъ кубка дружбы нѣжной !

*

Но вѣкъ исчезъ ужъ молодой ,
 Мелькнувъ падучею звѣздою ,
 И рокъ безжалоспной рукою
 Меня забросилъ въ край чужой .

*

Здѣсь, незнакомымъ окруженный
Грущу, вздыхаю о родномъ
И шепчешь сердцу голосъ вѣрный
О дняхъ щасшливыхъ, о быломъ.

*

И жизнь веселья миновалась ;
Исчезла радость прежнихъ дней ;
Теперь одна печаль осталась
Душѣ поскоющей моей.

*

Ты видишь, другъ мой легкокрылый
Я слезы лью о старинѣ ;
Грущу и мрачный, и унылый ;
Мнѣ душно въ чуждой сторонѣ.

*

Но ты лепишь, мнѣ не внимая ;
Тебѣ докучень голосъ мой ;
Удѣлъ твой — радость золотая ;
Ты не знаешь души съ поскоей.

*

Лепи-жь. . . Чтѣ пратишь съ грустнымъ время !
Лишь въ сѣти берегись попастьъ :
Онѣ для щасшія — нѣпасть! . . .
Страшишь узнашь печали бремя.

Н. Будѣдобрый.

 К О Р Р Е С П О Н Д Е Н Ц И Я .

*Другое письмо молодого офицера
къ Княгинь Е. Д. А — й.*

Б р е с т ь - Л и т о в с к і й .

26 Августа 1831 года.

Письмо ваше, писанное опъ 28 Мая, получено мною 20 Августа, посылка же 3 Июля.

Посылка ваша такъ мила,
 Какъ сладость жизни послѣ боя;
 Какъ для солдата часъ покоя;
 Какъ то, что юность унесла;
 Какъ въ тихій вечеръ шумъ весла
 Среди струи рѣки широкой;
 Какъ голосъ пѣсенки далекой
 Пѣвицы милой у окна,
 Когда въ уныніи она
 Поешъ любовь, разлуку съ милымъ
 Съ слезою крупною въ очахъ,
 Какимъ - то голосомъ унылымъ,
 Какъ Серафимы въ небесахъ,
 Какъ юный лебедь на водахъ!

Ахъ! если бы сбылись желанья,
 Княгиня, ваши и мои!
 Когда-бъ скорѣй минули дни
 И шумныхъ бивъ, и кочеванья.
 Когда-бъ скорѣе на покой
 Пустили, насъ бойцевъ трехъ - лѣшнихъ,
 И закопѣлыхъ, и безцвѣтныхъ;
 Тогда-бъ безъ пушки заревой
 Ложились мы и просыпались;
 И съ нѣгой, чуждою всѣмъ намъ,
 Не шоропились по утрамъ

И равнодушно-бъ одѣвались.

.
 Тогда и я бы хладнокровно
 Лѣнливой поступью и ровной
 Въ урочный часъ маршировалъ
 Туда, гдѣ кофе я встрѣчалъ
 Средь комнаты односаженной
 Въ рукахъ Княгини, а попомъ,
 По спарому, и какъ въ быломъ,
 Пошелъ бы рундомъ, какъ военный,
 Смошрѣшь на безпорядокъ бранный
 Въ покояхъ верхняго жилья,
 Ошкуда, чаще или рѣже,
 Былъ спрого прогоняемъ я;
 Гдѣ царствующишь однѣ и тѣ же:
 Маланья - няня и Княжна,
 И гдѣ шакая пишина! . . .

.
 Какъ сладостно воспоминашь,
 Что было такъ пріятно прежде!
 Какъ горько нынѣ доврѣяшь
 Возвратъ минувшаго надеждѣ!
 Какъ горько думаешь про себя:
 Нѣшь, не видашь ужъ имъ меня!

Едва закуряшся шуманы
 Среди непаханной поляны;
 Едва забрезжешъ только свѣтъ:
 Колонна спрашная вспаешъ;
 Блестяшъ штыки, звѣняшъ уздечки;
 Спучашъ орудья по шоссе —
 И вошь зашевелились всѣ:
 „Поляки!“ Впереди вдоль рѣчки
 Стрѣлки разсыпавшись, лежашъ;
 За ними черной страшной шьюю
 Колонны Рускія пылашъ;
 А тамъ по высотамъ грядюю
 Орудья грозныя стояшъ, —

Съ не вкусной брашной боевою
 Стояшь и ждущъ. . . . Ужь вошь въ цѣпи
 Спрѣлки пархають по степи
 Молниеносною спрѣлою.
 Здѣсь выспрѣлъ. . . . шамъ ихъ семь. . . . шупъ сто. . . .
 Вдругъ приспа. . . . Дымъ и пыль поднялись! . . .
 Свиспихъ свинець , вижжихъ ядро !
 И вошь сошлись и смѣшались , —
 И грудь земли , намъ не родной ,
 Покрылась влагой кровавой .

Прости опчаянной Алины
 Единородный , милый сынъ !
 Забытый , средь чужой долины ,
 Ты съ мертвыми живой одинъ
 Живой , съ отбихою ногою ,
 Неперпѣливо смерти ждешь ,
 И , милый юноша , рукою
 На грудь послѣдній крестъ кладешь !
 Твой опуманень взоръ спраданьемъ .
 Но ты , согрѣшый упованьемъ ,
 Къ Отцу небесному идешь
 Нешрепетно , какъ ангель чистый
 Съ благословеніемъ земнымъ .
 Ты вѣру чпилъ , — ты не былъ злымъ .
 Прости ! прости !

Травы росисшой

Прохлада въ воздухѣ плывешъ ;
 Но , ахъ ! никто къ полянѣ бипвы
 Изъ проходящихъ не идетъ ;
 Никто надъ падшими молишвы
 За упокой ихъ не поешъ !
 Непогребенныхъ сонмъ гнѣшетъ ,
 Окушанъ гробовымъ молчаньемъ ! —
 А шамъ напраснымъ ожиданіемъ
 Въ отчизнѣ сирота живешъ

П а р и ж с к і я м о д ы .

На балахъ очень много бѣлыхъ газовыхъ плашвевъ, вышитыхъ разноцвѣтными шелками. Мы въ особенности замѣтили одно такое платье, усеянное незабудками, а другое маленькими вѣтками синихъ колокольчиковъ.

— Рукава, составляющіе двойную буфу, раздѣлены посрединѣ баншомъ съ длинными концами.

— На балахъ почти всѣ дамы танцуютъ въ черныхъ апласныхъ башмакахъ; а инныя въ башмакахъ 'такого же цвѣта какъ и отдѣлка платья, или какія ленты на платьѣ.

— Платья изъ органди съ рисованными коймами снова вошли въ употребленіе; зелень, перемѣшанная съ золотомъ, всего болѣе украшаетъ сію матерью.

— Голубые съ серебромъ букешцы на желтомъ креповомъ платьѣ чрезвычайно красивы. На рукавахъ голубой газовой баншъ съ серебрянною выпушкой.

— Бархатное вишняваго цвѣта платье съ бѣлыми апласными рукавами, внизу рукавовъ баншъ изъ газовыхъ лентъ вишняваго цвѣта.

— На черныхъ бархатныхъ платьяхъ въ употребленіи двухцвѣтныя шѣвевыя перья.

И з љ а с н е н і е к а р т и н к и п р и с е м ѣ N o .

Д а м с к і й к о с т ю м ѣ .

Прическа à la Fontange, покрытая пудрой на подобіе мnea (frimatée de poudre). Платье креповое.

Б а л ь н ы й м у ж с к о й к о с т ю м ѣ .

Фракъ съ золотыми пуговицами. Прическа Нарсисова.

Шарада - Анаграмма, напечатанная въ предыдущемъ N o , значить : *аракъ*.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ шѣмъ чшобы, по ошпечашаніи, были представлени въ Ценсурной Комитетѣ шри экземпляра. Москва. Марша 12 го дня, 1832 г.

Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Советникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П р о з а .

Добродѣтельная дочь.

Любовь подданныхъ есть наипрекраснѣйшее для Царей достояніе. Тамъ, гдѣ Государь, владѣющій сердцами, уподобляется земному боже-ству, тамъ весь народъ составляетъ одно семейство.

Таковъ былъ Густавъ, Король Шведскій, который любилъ видѣть народъ свой и показываться ему. Не одинъ разъ, переодѣвшись, сей Государь проѣзжалъ по городамъ и деревнямъ, взирая съ радостію на народъ свой, благоденствующій подъ его скипетромъ.

Такимъ образомъ проѣзжая однажды верхомъ чрезъ деревню, недалеко отъ Спокгольма лежащую, онъ увидѣлъ близъ колодезя молодую поселянку, которая черпала воду глинянымъ кувшиномъ. Скромность, и пріятная наружность

ея обратили на себя вниманіе Короля, который попросилъ у ней воды. „Съ удовольствіемъ, баринъ!“ сказала дѣвушка; поднесла кувшинъ и принявши его обратно, спѣшила удалиться. „Куда же ты такъ поропишься?“ спрашиваетъ Густавъ. Домой — отвѣчала дѣвушка — мать ожидаетъ меня.“ — „И такъ у тебя есть мать?“ — Есть; но мать моя очень бѣдна и только я служу ей подпорою. — „Гдѣ вы живёте?“ — Тамъ, въ хижинѣ подъ этою разросшейся вербой. — „Какъ! въ этой бѣдной хижинѣ?“ — Такъ, милосивый государь! это наше жилище. —

Густавъ сошелъ съ лошади, и сказалъ: „Любезная дѣвушка! если дозволишь, то я пойду съ тобою: желаю непременно узнать мать твою, которую, кажется мнѣ, ты такъ горячо любишь.“ — Ахъ, баринъ! отъ всего моего сердца люблю ее; и какъ бы я была щаслива, если бы могла въ истинной моей привязанности удостовѣришь ее на самомъ дѣлѣ! —

Въ продолженіе сего разговора они приближались къ хижинѣ. Дѣвушка вошла прежде, а вслѣдъ за нею и Густавъ; стоны доходили до слуха его. Поселянка кинулась къ соломенной постели. „Матушка!“ сказала дѣвушка: „вопъ какой — то господинъ, которому я подала воды, желаетъ видѣть васъ.“ Король, уже пронувшій при видѣ бѣдной хижины — жилища самой нищеты — почувствовалъ живѣйшую скорбь, когда увидѣлъ больную престарѣлую женщину, лежащую на соломѣ.

„Бѣдная мать!“ сказалъ онъ: „какъ я сожалѣю о тебѣ!“ Ахъ, сударь! — отвѣчаетъ больная — гораздо бѣдственнѣе было бы мое положеніе безъ дочери, которая старается усладить мой жребій своими трудами; повѣрьте,

сударь, что она дни и ночи проводитъ въ тяжкой работѣ собственно для поддержанія моей жизни: Пусть Господь Богъ наградишь ее! — Говоря сіе, старуха горько плакала.

„Достойная, неопѣненная дѣвушка!“ воскликнулъ Густавъ, до слезъ распроганный. „Милое дитя!“ продолжалъ Монархъ: „согласишься ли ѣхать со мною въ Стокгольмъ? тамъ ты получишь отъ меня хорошее приданое и я выберу тебѣ жениха. . . .“ — Ахъ, милоспивый государь! не оставлю мащери, хопя бы могла бытъ Королевою. — Густавъ улыбулся. „Почтенная дочь!“ продолжалъ онъ: „если ты непременно желаешь оставишья при мащери, то не буду принуждашь тебя къ печальной съ нею разлукѣ; но позволъ за твою добродѣтель вознаградишь тебя; возми эшошь кошелекъ. . . .“ „Деньги? . . . ахъ, баринъ!. . . . Машушка! могу ли я приняшь? — „Не бойся, милое дитя!“ продолжалъ Король, „приняшь эшо слабое доказательство моего о васъ соболѣзнованія.“ — Приму, приму! но только для моей мащери — сказала дѣвушка.

„Знай,“ сказалъ попомъ Густавъ „что безъ всякаго оскорбленія для скромности своей можешь приняшь такой даръ отъ меня; могу одолжашъ тебя, ибо я вашъ Король!“ Нашъ Король! — воскликнули вмѣстѣ мащъ и дочь. Спраждущая хопѣла поднисься, чшобы пась къ ногамъ Монарха, предъ которымъ уже стояла на колѣнахъ дочь ея. Но Густавъ поспѣшилъ къ больной и удержалъ ее въ постели. „Не безпокойся, добрая мащъ!“ сказалъ онъ со слезами: „я шочно вашъ Король и желаю доказашъ вамъ, какъ глубоко добродѣтель эшой дѣвушки пронула меня. Любезное дитя! не переставай шу-

дисься и бышь полезною для своей машери. «Потомъ пожелавъ больной здоровья, и выходя изъ хижины, сказалъ: „Благословляю васъ, добрая машь, и тебя, добродѣтельная дочь! Вы дали почувствовать мнѣ щастіе бышь Королемъ.“

Лишь только Король возвратился въ Спокогольмъ, какъ пошчасъ же назначилъ пенсію добродѣтельнымъ поселанкамъ. Узнавъ послѣ того, что въ той же деревнѣ молодой поселанинъ любилъ сію примѣрную дочь, примѣрный въ свою чреду Монархъ велѣлъ обвинчать ихъ, и выдать немалую сумму на приданое. — Но молодая поселанка не оставляла своей машери, жили щасливо всѣ вмѣстѣ, благословляя добродѣтельнаго Короля.

(Изъ сочиненій 2-жи Кампанъ.)

Антоній Шиланскій.

11 Февраля 1832 года.

Въ Ромнѣ.

Повѣсть странника о Странникѣ. Статья десятая.

Пять странниковъ.

Къ тремъ присоединились еще два: убыли нѣшь. Слава Богу!

Не сходишься гора съ горою;
Но человекъ — пока живешь,
Съ кѣмъ жилъ — ояшь того найдешь;
Соединенный съ нимъ судьбою,
Съ нимъ снова странствовать идешь.

Спанемъ сближашь и соединяшъ. Веселѣе будешь гуляшъ по розамъ; легче будешь идиши по шернамъ.

Путь жизни обширный!
 Ахъ! кѣмъ ты сѣсненъ?
 Что жизнь? — лучъ эфирный:
 Блеснетъ и — смѣненъ!
 То слышимъ громъ рашный,
 То вопль клеветы,
 То снятся мечты,
 То смерть — гость незванный —
 Вдругъ спукнетъ ногой. . . .
 Ступай въ пушь другой. . . .

Первый странникъ.

Грозно бушуютъ вѣтры. Волнуется море
 отъ берега до берега. Тѣсно спало и морю въ
 его обширныхъ предѣлахъ: рвется изъ бере-
 говъ. Волны гонятся за волнами и какъ будто
 бы распаленныя властолюбіемъ, поглощаютъ
 другъ друга. — *Карлъ*, названный Великимъ,
 Императоръ Франціи и Король Италіи, извлек-
 шій древній Римъ (на одинъ мигъ!) изъ-подъ
 вѣковыхъ его развалинъ, — Карлъ сидитъ у окна,
 бросаетъ унылые взоры на море и плачетъ.
 Карлъ плачетъ! . . . Градомъ падаютъ слезы на
 бороду его, убѣленную годами и прищипленную
 войною. Великій міра плачетъ и говоритъ:
 „Предвижу близкую смерть свою и вижу новыя
 бѣдствія, угрожающія Франціи. Я не успѣлъ
 укротить морскихъ разбоевъ. Ахъ! и старость
 вырывается изъ рукъ моихъ!“

Чшожь въ нихъ остается? Оппускная. Куда?
 увидимъ.

Второй странникъ.

Лежитъ на одрѣ смертномъ Герой своего
 времени; видитъ *Фридерикъ Второй* блеснув-
 шую надъ нимъ смертную косу, привстаетъ и
 говоритъ: „la montagne est passée.“ Спала съ плечъ
 гора.

Третій страниць.

Быспрыми шагами идешъ по дорогѣ *Перретъ Монталль*. А кто онъ былъ? онъ пасъ пѣхъ живописныхъ, копорыя, говоря риторически, пипаются желудями. Да чѣмъ онъ хуже барса и льва? — *Монталлю* кричащъ; „Куда идешъ? куда спѣшишь?“ *Иду въ Папы* — ѡшвѣчалъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ черезъ шестидесять лѣтъ онъ спалъ Папою. А эшо, прибавляющъ, опъ того, что онъ шестидесящъ лѣтъ думалъ о Папствѣ.

Четвертый страниць.

Въ глубокомъ раздумьѣ *Исаакъ Невтоѡ* сидишь подь грушею. Съ вѣтви падаетъ на него груша. По эшому паденію изобрѣлъ онъ законъ шягошѣнія. „Какъ изобрѣли вы истинную систему міра?“ спросили у него однажды. Чашто думая объ ней — проворчалъ онъ сквозъ зубы.

„Истинная система міра!“ говорите вы. Да не уже ли мысль не выдумаетъ и другой? *Добрый Мерсье*, сочинитель карпины Парижа, подь старосщъ опровергалъ Невтона и писалъ *трактатъ* о шомъ, что соловьи не умѣютъ пѣть. Невтонъ и соловьи! какъ эшо Мерсье сблизилъ въ головѣ своей?

Пятый страниць.

Въ огромныхъ креслахъ своихъ сидишь пущынный. На головѣ у него мѣховой колпакъ, ноги опущены въ холодную воду, чшобы кровь бросалась въ голову. Онъ допиваетъ придцашую чашку шоколаду, съ примѣсью кофе. Разгорѣлась кровь; засверкали въ воображеніи мечшы юности — и *Вольтеръ* поетъ:

On meurt deux fois, je le vois bien ;
 Cesser d'aimer et d'être aimable ;
 C'est une mort inexorable !
 Cesser de vivre, ce n'est rien,

Вольный переводъ, на голосъ :

Ахъ! за чѣмъ было городъ городить,

Ахъ! за чѣмъ было
 До сѣдинъ доживатьъ ;
 Старость кликаши,
 Горе мыкаши ?
 Вѣдь здѣсь долго живъшь,
 Такъ только жизнь крушишь,
 Ахъ! ты молодосъшь !
 Молодосъшь моя !
 Ты вспорхнула,
 Улетѣла ;
 Ты мелькнула, какъ сонъ.
 Разлюбишь. . . эшо смерть ;
 Умереть ! — такъ и быть.

Ce qui tient au sentiment
 N'a dans tous les pays qu'un seul langage.

У сердца вездѣ — общій языкъ.

А потому: разберите мой переводъ аналитически, сентенцически, проблематически, логически; разложите его даже и по законамъ надземной и подземной Химіи — и вы увидите, что выдешъ :

Ахъ! лучше не живъшь,
 Чѣмъ не любишь? . . .

Метатель.

(Продолженіе впредь.)

Крылья Амура.

Однажды мы съ Александриной увидѣли Амура, спящаго на цвѣшахъ. „Свяжемъ его,“ сказала пихонько Александрина, и перенесемъ въ нашъ армишахъ. Мы позабавимся его нечаяннымъ испугомъ и замѣшательствомъ; потомъ освободимъ его; но украдимъ у него колчанъ и обрѣжемъ ему крылья.“ — Колчанъ пусть у него останешся — опвѣчалъ я — а крылья, . . . надобно ему опрѣзать. —

Мы занялись этою работою: свивши цѣпи изъ разныхъ цвѣшовъ, перевязали Амуру и руки, и ноги. Онъ просыпаешся, хочешъ разорвашъ свои оковы, но напрасно! Его божеское могущество — безсильно; цѣпи связаны руками Александрины. Слезы полились изъ глазъ его. „Ахъ! освободите меня!“ сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ; „если вы меня на долго оставите въ оковахъ, то я буду походить на Гименея.“ — Хорошо! мы шебя развяжемъ; но хопимъ прежде обрѣзать крылья. — „Какъ! вы будете сполько жестоки.“ — Но шы опъ ашаго будешъ гораздо миле, и весь мѣръ останешся въ большомъ выигрышѣ. — „Какъ я несчастливъ! но такъ и бышь; если ни просьбы, ни слезы мои не могушь смягчить васъ, то подождите; я самъ опдамъ вамъ свои крылья.“

Потомъ онъ въ самомъ дѣлѣ снялъ крылья съ плечъ своихъ и вздыхая, положилъ къ ногамъ Александрины. Такая покорность Амура меня изумила.

Мы брали его попеременно къ себѣ на колѣна. . . Безразсудный! я осмѣлился играть съ самымъ сильнымъ и самымъ коварнымъ изъ бо-

говъ. Какой - то необыкновенный жаръ вливался во всѣ мои чувства. Томные глаза Александрины весьма понижно говорили, что и она изнывала въ такихъ же сладостныхъ мукахъ; смотрѣла на меня въ какомъ - то изнеможеніи; и души наши объяснились.

Между шѣмъ какое необыкновенное чудо! Плеча Амура опять начали покрываться крыльями, и чрезъ минуту они были ужъ обыкновенной величины. Тогда Амуръ взглянулъ на насъ съ коварною улыбкою. „Узнайте,“ сказалъ онъ: „что Амуръ никогда не останется безъ крыльевъ. Сколько ихъ ни обрѣзываете, — они всегда вырастутъ *по прошествіи нѣкотораго времени*, и вы увидите, что скоро будутъ также крѣпки и сильны, какъ и прежде?“ Ахъ! предсказаніе Амура слишкомъ вѣрно исполнилось. Александрина мнѣ измѣнила; я оплакиваю ея невѣрность. — вмѣсто того, чтобы забыть ее, и чувствую въ полной мѣрѣ, что можно любить только одинъ разъ въ жизни.

Съ Французскаго — Дубенскій.

*Выписка изъ манускрипта, полученнаго
Современницею (*) отъ Бедуина, Ахмета
Алькаманта, въ Коссеирской пустынѣ.*

Апрѣля 1829 года.

Гомеръ говорилъ, какъ слѣпецъ, о Египтѣ, кошораго не видалъ. Ничто уже въ Александріи не существуетъ изъ описаннаго Гомеромъ. Трудно повѣрить, чтобы Омаръ упошребилъ

(*) Изъ la Contemporaine en Egypte.

цѣлый годъ на взятіе Александріи штурмомъ, когда нѣтъ нимальшихъ слѣдовъ, копорые на-поминали бы объ укрѣпленіяхъ сего города. Но Александрія наслаждалась благоденствіемъ при Пшоломеяхъ прежде, нежели перешла къ Римлянамъ, къ Императорамъ Греческимъ и попомъ къ лютому Намѣспнику Амру. Я осмашриваль такъ называемыя развалины библіотеки, въ которой Омаромъ сожжено чепыреста тысячъ книгъ — и не вѣрю сему историческому событію. При Арабахъ Александрія еще процвѣшала; но съ пятнадцатаго вѣка Турки завладѣли ею; искусство, науки и торговля исчезли и городъ опустошился. Колонна Александрійская прекраснѣйшее произведеніе древности. Не извѣстно съ досповѣрностію, кѣмъ и въ честь кому воздвигнута сія колонна. Великолѣпный памятникъ! Римъ не имѣеть ничего подобнаго. . . . Я не хотѣлъ осмашривать капакомъ, ни лучистыхъ аллея Александрійскихъ; но уже нѣтъ ни храмовъ, ни садовъ. Бани Клеопатры также не привлекали меня; и съ шѣхъ поръ, какъ я видѣлъ Египеть, не взирая на величіе развалинъ, слѣпая вѣра моя въ исторію весьма уменьшилась: напримѣръ, красотъ, шаланшамъ и предешямъ Клеопатры — шеперь вовсе не вѣрю.

Женщины, копорыхъ можно видѣть здѣсь, произведущъ хоть въ комъ отвращеніе къ своему полу, а особливо Египетскія панцовщицы; и не могъ видѣть ихъ; такъ онѣ проотивны своими шѣлдвиженіями. . . . Сказывающъ, даже пишущъ, что славная Клеопатра училась подобнымъ панцамъ. Поисшинъ, величайшій изъ Римскихъ полководцевъ не очень былъ разборчивъ

касательно женщины. Мне подарили портретъ этой Царицы, найденный въ шой пирамидѣ, гдѣ она умертвила себя для того, чтобы избѣжать пощыдныхъ намѣреній Октавія. Этотъ портретъ лицомъ, головнымъ уборомъ и всѣмъ точно Гизертскій сфинксъ; следовательно, вовсе не представляешь прекрасной головы, и я думаю, что этотъ колоссъ изваянь въ честь сей Царицы.

А л ь б о м ъ.

Недавно въ Парижѣ дана новая трагедія въ пяти дѣствіяхъ и въ стихахъ, соч. Казимира Делавинъ: *Лудовикъ XI*. Характеръ главнаго лица начертанъ съ большимъ искусствомъ даже въ самыхъ малѣйшихъ опщѣнкахъ. Удивительные переходы отъ возвышенныхъ трагическихъ сценъ къ совершенно проптивуположнымъ дѣствіямъ раздѣляютъ такимъ образомъ вниманіе зрителей на множество картинъ, иногда не выдержанныхъ; сіе вниманіе сильно возбуждается въ четвертомъ актѣ, какъ будто для того, чтобы совершенно ослабить при развязкѣ.

„Казимиръ Делавинъ“ говорящъ Французскіе журналы „въ полной мѣрѣ повиновался преобладающимъ своему вѣку. Въ новомъ произведеніи сего поэта сливаются всѣ роды, начиная отъ оперы до водевиля; ибо въ сей трагедіи и танцуютъ, и поются куплеты; но сіи нововведенія означены такъ много вкусомъ, что вѣроятно не понравятся старинно-Нѣмецкимъ умамъ, копорымъ впрочемъ поэтъ старался угодить. *Бородачи* нашей молодой Франціи были оживлены,

при первомъ предъставленіи , пѣми чувствами ,
которыя авторъ хотѣлъ вѣроятно внушить жи-
телямъ береговъ Аракса или Босфора.“

Паганини даетъ нынѣ концерты въ Бир-
мингамѣ , гдѣ осыпается , какъ и во всѣхъ го-
родахъ Англій , рукоплесканіями и гиніями.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

К ъ К. Е. П. К. . . . й.

Звонъ унылый призываетъ
Насъ къ молитвѣ и посту ,
И ошъ мыслей отгоняешь
Прочь пустую суешу.

Танцовали мы и пѣли ;
Но конецъ ли для ушѣхъ ?
Многимъ балы надоѣли ,
И измучили насъ всѣхъ.

Не уже ли вальсъ проворный
Грусть сердечну разнесетъ ?
Не уже ли хоръ огромный
Спонъ душевной пресѣчетъ ?

Не уже ли блескъ наряда
Сердце щастьемъ надѣлитъ ?
Не уже ли шумъ — отрада ,
Если сердце грусть таитъ ?

Что же радость доставляло ?
Вѣчно-ль рѣзвость намъ нужна ?
Насъ одно лишь восхищало :
Вамъ подобныя , Княжна !

И теперь вы намъ оспались
 Радость общую живить ;
 Быстро балы миновались :
 Но не намъ о помъ шужить.

Н. Т.

22го Февраля, 1832.

Москва.

Пъвцу Комариныхъ ().*

Блаженъ, кшо къ Вязьмъ (**) приютишся,
 И будешь тамъ стихи писать ;
 Кто съ шихимъ уголкою сдружится ,
 На шумный свѣшъ преставъ зѣвать !
 Жить будешь онъ съ самимъ собою ,
 Съ любезной, милою семьею
 И въ ней даръ духа почерпашь.
 Свѣшъ здѣшній колесомъ вершится :
 Сегодня къ намъ фортуна мчится ,
 А завпра : „ну! спупай домой! . . .“
 Блаженъ! не ссорясь кшо съ судьбой,

(*) Стихотворная повѣсть; подъ заглавиемъ: *Семейство Комариныхъ*, по прочшеніи которой самимъ Авторомъ въ обществѣ нѣсколькихъ Литтераторовъ у Князя Е. А. Дадьяна, сіи стихи написаны потчасъ и не поправлены ни въ одномъ словѣ. *Изд.*

(**) *Пъвецъ* ѣхалъ изъ Москвы въ свое Вяземское помѣстье.
Изд.

Ей отдаешь поклонъ во - время !
 Увы ! жизньъ наша часпо бремя ;
 Но чѣмъ же бремя облегчить ?
 Въ тиши съ любовью мирно жить ;
 Творить и говорить душою :
 Вошь , Карцовъ ! что возми съ собою .
 Повѣрь ! такой запасъ —
 Сокровище для насъ .

Метатель.

ИЗВѢСТІЯ.

Книжный магазинъ и библіотека для чтенія.

Къ числу пріятнѣйшихъ новостей Московскихъ принадлежать открытія книгопродавцемъ Николаемъ Николаевичемъ Глазуновымъ *книжный магазинъ и библіотека для чтенія*. Вся библіотека А. С. Ширяева, до сего времени лучшая и полнѣйшая, вошла въ составъ библіотеки г-на Глазунова. Помѣщеніе новой библіотеки заняло двѣ обширныя залы въ домѣ госпожи Курманалеевой, противу Присудственныя Мѣспѣ, и за эшѣ двѣ залы плащится въ годъ 1650 рублей. Внутренняя опдѣлка залъ соединяешъ всѣ удобства для читающихъ.

Кромѣ всѣхъ Рускихъ книгъ, библіотека выписываетъ всѣ журналы и газеты обѣихъ Столицъ. Приходише въ библіотеку, садитесь

на мягкій диванъ, и читайте новости : роскошь, не бывала въ Москвѣ !

За чтеніе платишься въ годъ 30 руб. ассиг. ; за полгода 20 р. ; за одинъ мѣсяць 5 р. ; а кто хочеть читать *на дому* газетны и журналы, платишь особо въ годъ 20 р., за полгода 12 р., за 3 мѣсяца 7 р. ; за мѣсяць три рубли.

Библіотека открыта съ утра до поздняго вечера, и благодаря услужливости хозяина, всегда наполнена посѣпителями. Подписчиковъ еще не такъ много, какъ бы должно бытъ въ Москвѣ ; но благонамѣренныя усилія Глазунова дадутъ современемъ сему заведенію почешное мѣсто между Европейскими библіотеками. И простой охотникъ до чтенія, и Липшерапоръ, и Ученый найдутъ здѣсь все, что можеть удовлетворить ихъ прѣбваніямъ ; а для любителя новостей Липшерапурныхъ ежедневно готовы — повторямъ — всѣ газетны, всѣ журналы, и все что вышло печатнаго въ обѣихъ Столицахъ. Сверхъ того, здѣсь же можете купить лучшую почтовую бумагу, сургучи, облашки, карандаши, чиненныя перья, готовые куверты, краски и литографіи.

Дай Богъ, чтобъ предпріятіе Н. Н. Глазунова вознаградилось вниманіемъ всѣхъ друзей просвѣщенія !

А. Р.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Блонды служатъ нынѣ самымъ щегольскимъ и необходимымъ украшеніемъ для нарядныхъ шуалесовъ. Блондовые тюники, канзу, косынки, манпильи вошли нынѣ въ большую моду.

— На придворномъ балѣ замѣчено одно креповое платье, устьянное маленькими серебрянными букетцами. Поясъ, вышитый съ обѣихъ сторонъ брилліаншовыми сѣточками. На головѣ гирланда изъ брилліаншовъ, надѣтая спереди въ видѣ діадемы.

— Другое платье, не менѣ замѣчательное, было изъ бѣлой объяри (*toile*), устьянное золотымъ горошкомъ; манпилья блондовая съ шрема оборками. Тюрбанъ à la Moabite съ золотою бахрамой и золотыми аграфами.

— Маленькихъ дѣвочекъ одѣвають чрезвычайно красиво: цвѣтное платье изъ шали, съ такими же панталонцами; спенсеръ черный бархашный; муфта, и бѣлая плюшевая шляпка.

— Мальчики носятъ по большой части мериносовые блузы съ бѣлыми панталонами; манишечка въ складкахъ съ маленькимъ шелковымъ цвѣшнымъ галстухомъ; шапочка Польская.

Изъясненіе картинки при семь No.

Платье креповое, вышитое шенилью и золотомъ. Прическа съ однимъ перомъ.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чшобы, по ошпечашаніи, были представлень въ Ценсурный Комишешъ три экземпляра. Москва. Марта 17го дня, 1852 г.

*Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ
и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.*

